



# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

შ. ივანიშვილი  
 ლექსები  
 კარგად  
 6 სექტემბერი  
 მ. ვერხვინსკი

В 1989 году журнал «Литературная Грузия» предполагает напечатать:

Прозаические произведения Григола Робакидзе «Енгед», «Защитники Грааля», «Змеиная кожа», Вахтанга Челидзе «Исторические хроники», а также произведения Ч. Амирэджиби, Г. Панджикидзе, Р. Джапаридзе, Р. Кобидзе, С. Пайчадзе, детективный роман Буало-Нарсежака «Среди мертвых».

Стихи Ир. Абашидзе, Дж. Чарквиани, О. Чиладзе, Ш. Нишнианидзе, М. Мачавариани, М. Поцхишвили, Х. Берулава, П. Флоренского.

Читателям будут предложены интересные публицистические и критические статьи, освещающие актуальные проблемы современного литературного процесса, статьи из литературного наследия, неопубликованные письма...





# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

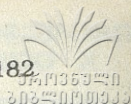
Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- РЕВАЗ ИНАНИШВИЛИ.** Рассказы. Перевод Людмилы Кравченко . . . . . 3
- БЕСИКИ.** Черные дрозды. Перевод Михаила Синельникова . . . . . 39
- ГОДЕРДЗИ ЧОХЕЛИ.** Бера. Рассказ. Перевод Елены Бараташвили . . . . . 40
- МАРИЯ АБРАМИШВИЛИ.** Стихи. Перевод Ирэны Сергеевой . . . . . 45
- ИРЭНА СЕРГЕЕВА.** Стихи . . . . . 47
- ИОРАМ ЧАДУНЭЛИ.** Расплата. Роман. Окончание. Перевод Элисо Джалишвили 48
- ДИЛАР ИВАРДАВА.** Стихи. Перевод Нины Габриэлян . . . . . 118
- БАТУ ДАНЭЛИЯ.** Стихи. Перевод Марины Кудимовой . . . . . 121
- НАНА КАНДЕЛАКИ.** Новеллы. Переводы В. Робакидзе, Маки Имнадзе . . . . . 125
- ЛАТИФШАХ БАРАТАШВИЛИ, КЛАРА БАРАТАШВИЛИ.** Мы — месхи. Окончание . . . . . 150



ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ  
МИХАИЛ БУЯНОВ. По следам Дюма. Окон-  
чание . . . . . 190

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ  
МИХАИЛ ГОГОБЕРИДЗЕ. След остается на  
воде . . . . . 209

РЕЦЕНЗИИ  
СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА. «Тяжелое бла-  
женство» . . . . . 221

ХРОНИКА . . . . . 149, 181, 189

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ . . . . . 44



## Рассказы

## ДУБ


Стоит на лесной опушке дуб — старый, угрюмый, с сучковатым стволом, с поредевшей листвой. Давно уж не дает он ни желудей, ни даже тени. Редко кто навестит его — человек ли, зверь или птица. Стоит он, неподвижный, скованный вековой усталостью, истерзанный, одинокий. Разве что ворон прилепится иногда к его сухой макушке и застынет, такой же неподвижный, сердито вперив взор в долину. Изредка удостоит своим посещением дятел: торопливо, неохотно обежиг вокруг ствола, словно по обязанности стукнет пару раз клювом и — кив-кив! — спешит к другим деревьям. Белки и те покинули старого великана...

Несколько лет назад вышли к этому дубу охотники. Развели по соседству с ним под красавцем-вязом костер, разложили выпивку да закуску и принялись кутить. Захмелев, зашумели, заспорили: я лучше тебя стреляю! — Нет, я! Тут один из охотников встает и говорит: чего зря спорить, — и кладет спичечный коробок на один из сучков на теле старого дуба. Потянулись охотники к ружьям — и давай палить. Кто сидя стреляет, кто лежа. Выпущенные под смех и хохот пули с визгом вонзаются в дуб, летят во все стороны клочья коры — клочья боли...

Когда охотники ушли, поднялся ветер и залепил землей влажные раны на теле дуба...

Прошло время — месяцы, годы. И вот как-то вес-



ной тот самый охотник, что пристроил тогда  коробок на дерево, постаревший и поседевший, гулял по лесу за ручку с маленькой внучкой и снова вышел к этому дубу.

В застарелых ранах на теле дуба проросли фиалки, множество фиалок, и теперь они буйно цвели.

Внучка охотника, красивая девочка с нежными, прозрачными ушками, в восхищении опустилась на колени перед старым великаном, обняла его руками, прижалась к стволу.

Охотник долго смотрел на них, потом медленно стянул с головы шапку и низко опустил голову.

## ОСКОЛОК

В прохладном утреннем небе появилась сойка, плавно пролетела над притихшей буковой рощей, как перебитыми, захлопала в воздухе крыльями и вытянула вниз лапки, намереваясь опуститься на сухую ветку одного бука, но внезапно, видимо, заметив что-то на дереве, испуганно запищала, взмыла вверх и улетела прочь. Ветви на дереве закачались, и из них выглянул маленький мальчик. Он с любопытством смотрел туда, где скрылась сойка, но, ничего не разглядев, стал смотреть вниз. Там, внизу, среди рассыпанной по земле прозрачной листвы, стояли его коричневые сандалии. Они, словно от кого-то прячась, как живые, жались друг к другу. Мальчик улыбнулся, свесил ноги вниз и поудобнее уселся на ветке. Потихоньку раскачивался и о чем-то размышлял. Вскоре он опять вытянул шею: сверху, со стороны белого домика, бежала вниз по склону девочка в коротеньком платьице. И не просто бежала, а крутила скакалку и на бегу ловко прыгала через нее на своих тонких длинных ногах. Мальчик просиял, сжал руку в кулак, поднес ко рту и хрипло промяукал: «Миа-а-у!..» Девочка не услышала. Мальчик мяукнул еще раз, погромче. Девочка остановилась (при этом скакалка послушно улеглась у ее ног), и ее большие черные глаза забегали по сторонам. Мальчик даже



дышать перестал. Девочка поискала-поискала, потом снова взмахнула скакалкой и запрыгала дальше. Мальчик улынулся и опять подал голос: «Миа-а-у!.. Гав-гав-гав!..» На этот раз девочка тоже заулыбалась. Сложив скакалку вдвое, обвязала ею талию и побежала вниз по зеленому склону, отводя ветки длинными тонкими руками, то и дело останавливаясь и заглядывая вверх. Наконец остановилась у стройного высокого бука и облегченно вздохнула: заметила притаившиеся в траве коричневые башмаки.

— Дато! — радостно позвала она.

Мальчик всем телом прижался к ветке и не издавал ни звука. Девочка, козырьком приставив ко лбу ладонь и запрокинув голову, долго ходила вокруг дерева, но мальчика так и не увидела. Тогда она нагнулась и как-то очень осторожно взяла в руки сандалии. Они были, кажется, тридцать четвертого или тридцать пятого размера, с ободранными носками и чуть примятыми задниками. Девочка с улыбкой осмотрела их, даже перевернула и взглянула на подошву. И вдруг побежала.

Мальчик поднял крик.

— Э-э-эй!

Девочка остановилась. Теперь она стояла высоко на склоне, вполоборота, готовая в любую минуту сорваться с места, и смотрела на крону высокого стройного бука — и увидела, увидела мальчика!

— Ух ты! Как ты туда залез?

Девочка поставила наземь сандалии мальчика, сняла свои белые босоножки, узкими легкими ступнями пробежала по траве и подошла к буку.

— Думаешь, я не могу влезть?

— Не надо, не лезь, слышишь! — испуганно закричал сверху мальчик.

Но девочка его не слушала. Обхватила руками ствол и начала взбираться. Мальчик сорвался с места и с удивительной быстротой стал спускаться вниз, продолжая кричать:

— Не смей, слышишь! Не смей! Упадешь!

Он не видел, как девочка, выдохшись, разжала руки, скользнула вниз по гладкому стволу и шлепнулась в траву. Мальчик чуть не свалился прямо на нее.



— Чокнутый! — крикнула девочка, поправляя упавшие на лицо густые прямые волосы.

— Сама ты чокнутая! Куда лезешь?

— А ты куда лезешь?

— Я — мальчик!

— О-о, мальчик! Подумаешь, велика важность — мальчик!

Мальчик покраснел, сжал в горсти траву, вырвал ее и робко проговорил:

— Если я упаду — ничего страшного!

— Это почему же?

— Если я сломаю ногу — ничего страшного, я мальчик. А тебе нельзя...

Мальчик покосился на вытянутые в траве длинные ноги девочки. Девочка одернула подол коротенького платья.

Мальчик встал, стараясь не смотреть на девочку. Вдруг он что-то увидел.

— Пшав приехал! — закричал он и побежал. Но через несколько шагов остановился, огляделся по сторонам:

— Где мои сандалии?

Девочка сбегала и принесла обе пары башмаков. Мальчик торопливо обтер подошвы ног о голени и сунул ноги в сандалии, не расстегивая их. Девочка тоже надела свои босоножки, и они, на бегу размахивая руками, помчались вверх по склону. Наверху, на небольшой площади, стоял старый пшав в лохматой папахе и ощупывал живот своей низкорослой серой лошадке. Он часто приезжал в поселок, привозил то масло, то сыр, то мацони и вносил оживление в уединенную жизнь дачников. Сегодня он приехал раньше обычного, и на площади еще никого не было. На истоптанной, вдавленной в землю траве еще блестела роса. Пшав взялся за поводья, подвел лошадку к шалашу и привязал к столбу. Потом снял папаху, провел рукой по свалывшимся седым волосам, снова надел ее. Девочка подбежала к нему, а мальчик остановился в отдалении.

— Что вы привезли? — спросила девочка.

Пшав оглянулся на нее и, словно при виде чего-то необычного, сначала удивленно сощурил глаза, потом быстро-быстро заморгал ими, наконец улыбнулся:



- Маквала!<sup>1</sup>
- Я не Маквала.
- Кто же ты?
- Цира.
- Да нет! Ты Маквала, Маквала!

Пшав, довольный, продолжая улыбаться, стал отвязывать ремень притороченного к седлу хурджина<sup>2</sup>. Отвязал, оглянулся, увидел мальчика, окликнул его:

— Ну-ка, подойди сюда, малец!

Мальчик подошел.

Пшав подложил ладони под раздутую половинку хурджина:

— Подержи вот так.

Мальчик нерешительно перенял хурджин.

— Не робей, парень, держи крепко!

Старик обошел лошадь, приподнял вторую половину хурджина, понес ее к мальчику. Мальчик почувствовал тяжесть сумки, напрягся, лицо у него залилось краской. Вдруг лошадь переступила с ноги на ногу, взмахнула хвостом и шагнула в сторону. Мальчик выпустил из рук хурджин и отскочил назад. Вторая половина хурджина тоже выскользнула из рук старика. Раздался глухой удар, и из обеих половинок упавшего на землю хурджина хлынуло два черных потока. Они устремились вниз по склону, разливаясь все шире, и наконец слились воедино и застыли. Девочка, испуганно прижав ладони к щекам, неотрывно смотрела на рассыпанную ежевику. Пшав подхватил хурджин, заглянул в него, потом тоже перевел взгляд на рассыпанную ежевику и досадливо проговорил: «Э-эх!». Но тут он опять заметил девочку, и лоб у него разгладился, сам он выпрямился, переводя взгляд то на девочку, то на рассыпанную ежевику. Потом вдруг воскликнул:

— Как красиво блестит, а?!

У девочки тоже просветлело лицо, и она опустила на колени:

— Давайте соберем!

— Да ну ее...

<sup>1</sup> Ежевика (груз.), а также женское имя.

<sup>2</sup> Перекидная сума.

— Давайте соберем! Она ведь совсем чистая, смотрите!

Девочка набрала полную горсть ягод, придвинула к себе выкатившееся из хурджина ведро, высыпала в него ягоды.

Пшав тоже опустился на колени. И они стали собирать ежевику, то и дело переглядываясь и улыбаясь друг другу.

А мальчик влез на дерево и оттуда смотрел на них злыми глазами. Чувствовал, что оплошал, сел в лужу. И хотелось ему иметь длинный острый меч, самому быть хоть немного постарше, выхватить меч, сразиться с этим пшавом и... нет, не убить его, а выбить у него из рук кинжал, повалить его наземь и наступить ему, побежденному, на грудь ногой...

А пшав ни разу даже не взглянул в его сторону.

И он, и девочка с какой-то радостной суетливостью кружили над рассыпанной по склону черной ежевикой и переговаривались, и даже смеялись... И мальчик только тогда почувствовал, что потерял опору, когда в ушах у него противно засвистел ветер...

С тех пор прошло много, очень много лет. Тот мальчик стал теперь много познавшим и много повидавшим мужчиной. И все же каждый раз, когда он берется за костыли, кажется ему, что на фоне всех прожитых им дней один лишь тот день искрится притягательным светом... Сверкает, как застрявший в ночной пустыне блестящий осколок.

## МИРАНДУХТ

В магазине работало трое продавцов: две женщины, Маро и Маргалита, и один мужчина — Геронтий.

Вошла девочка, лет десяти-одиннадцати. Подошла к отделу Геронтия, спросила старушку в очереди:

— Последняя вы будете?

— Я, детка, — отвечала старушка, и девочка послушно стала позади нее.



Очередь была небольшой, всего пять-шесть человек. И брали немного. Так что двигалась очередь быстро.

Старушка попросила взвесить полкило «Любительской» колбасы, двести граммов «Российского» сыра, взяла еще баночку горчицы за сорок две копейки. Геронтий ловко пощелкал костяшками счет и объявил:

— Два восемьдесят!

Старушка протянула три рубля.

— Два рубля шестьдесят одна копейка, — сказала девочка.

— Что? — подался вперед Геронтий.

— Два рубля шестьдесят одна копейка, — спокойно повторила девочка.

Геронтий вскипел:

— Знаешь, что я тебе скажу!

— Знаю.

— Что ты знаешь, что?!

— А то знаю, что... два рубля и шестьдесят одна копейка, а не восемьдесят.

Геронтий снова схватился за счеты.

— Рубль сорок пять — колбаса, два раза по тридцать семь — сыр, сорок две — горчица...

— Два рубля шестьдесят одна копейка, — снова сказала девочка.

Густо покрасневший Геронтий откинул назад костяшки счет и начал считать сначала. Получилось два рубля шестьдесят одна копейка.

— Нельзя ли побыстрее! — крикнул сзади мужчина в очках.

Геронтий протянул старушке сдачу и уставился на девочку.

— Ну, говори, чего тебе!

— Не кричите на меня, — сказала девочка.

Геронтий выпрямился, внимательно посмотрел на девочку. Девочка была тоненькая, почти прозрачная, со светло-голубыми глазами и чуть вздернутым носиком. На левой руке у нее висела красная сетка, в правой она держала пятирублевую бумажку и талон на масло. Она была очень спокойна.

— Что прикажете подать? — с деланной почтительностью спросил Геронтий.

— Двести пятьдесят граммов колбасы, двести граммов «Швейцарского» сыра и на один талон масла.



Геронтий долго мучился, прежде чем ему удалось взвесить ровно двести пятьдесят граммов колбасы, потом — двести граммов сыра. Масло взвешивать не было: оно расфасовано по двести граммов, и Геронтий протянул девочке три пачки. Потом взялся за счеты, осторожно подвигал костяшками и неуверенно сказал:

— Три семьдесят.

— Три рубля шестьдесят семь копеек.

— Вах! — воскликнул Геронтий. Хотел было еще раз пересчитать, но передумал.

— Давай сколько хочешь, только, ради бога, уходи. Мне работать надо.

— Возьмите три рубля шестьдесят семь копеек.

Геронтий точно отсчитал девочке сдачу. Девочка ушла. Все, кто был в магазине, проводили ее взглядами. Хоть и была она маленькой и худенькой, но в походке ее чувствовалось что-то величественное. Прямые светлые волосы были собраны на затылке в «конский хвост».

— Ну и мать у нее, наверно... Не дай бог! — сказала широкая, как комод, женщина из очереди.

— Очень хорошая девочка, — возразил кто-то.

— Что вы сказали?

Никто не отвечал.

— У меня внучка постарше нее будет, так она головы не поднимет в присутствии старших, — говорила соседке по очереди седовласая, с опущенными, словно придавленными тяжелой ношей, плечами женщина.

— И моя такая же.

— Все зависит от воспитания.

Геронтий никак не мог успокоиться. У него даже руки дрожали.

— Надо было вообще ей ничего не отпускать! Посылают в магазин несмышленишей! У них что, родителей что ли нет?

— Наверно, заняты родители.

— Да ладно вам, заняты!

— Давайте, товарищи, давайте побыстрее! — пробасил сзади чей-то голос.

С этого дня началось.

Появлялась девочка, и женщины-продавщицы, за-  
видев ее, со смехом докладывали Геронтию:

— Идет, Геронтий, идет.

Геронтий старался не подавать виду:

— Ну и пусть идет.

— Держись!

— Не таких видывал, — не сдавался Геронтий, но чувствовалось, что он очень волнуется.

Красная пластмассовая сетка всегда висела у девочки на левой руке. Расклешенная юбочка доходила до середины икр. Она не шла, а шествовала. При этом плечи у нее совсем не двигались. Входила в магазин, оглядывала всех своими светлыми, вроде бы ничего не выражающими глазами. Женщины-продавщицы замирали в ожидании: что сейчас будет? Девочка подходила к отделу Геронтия, спокойно становилась в очередь.

— Мне, пожалуйста, триста шестьдесят граммов колбасы.

— Ну, начинается... — беспомощно разводил руками Геронтий. Маро с Маргалитой буквально задохнулись от сдерживаемого смеха.

— У ваших весов есть десятиграммовые деления. Пожалуйста, триста шестьдесят граммов колбасы и двести тридцать граммов сыра.

— Слушай, девочка, бери либо триста, либо двести. Ты что, садистка, что ли?

— Что значит — «садистка»?

— Мучительница, изверг! — повышал голос Геронтий.

— Спасибо. Я запомню это слово.

Маро и Маргалита рылись в карманах в поисках платков, чтобы утереть выступившие от смеха слезы. Геронтий мучился, мучился и при взвешивании, и при подсчете. Девочка подсказывала ему, за что сколько с нее причиталось. Геронтий, как слепой, брал у нее деньги, дрожащими руками отсчитывал сдачу и, когда девочка уходила, как подкошенный, падал на стул.

— Вах, и под какой же недоброй звездой рождаются на свет такие, — бормотал он, промокая краем фартука покрытый испариной лоб.

Маро и Маргалита давали ему советы.

— Тебе, Геронтий, лучше перейти куда-нибудь в другое место. Изведет она тебя.



— Уже извела. Совсем считать разучился. Всякий раз кажется, что в чем-то ошибаюсь. А эта малявка и глазом не моргнет. Глаза у нее прямо как у ведьмы.

Проходило два дня, Геронтий успокаивался. Но вот девочка появлялась снова, снова вплывала в магазин своей неторопливой походкой. Геронтий принимал борцовскую позу, Маро с Маргалитой готовились к предстоящему зрелищу. Девочка начинала: триста восемьдесят — того, двести восемьдесят — этого, сто тридцать...

На Геронтия жалко было смотреть.

— Слушай, бери все так, без денег, а?

— Это почему же?

— У тебя что, мамы нет? Пусть мама приходит в магазин.

— У мамы другие дела есть.

— Вот узнаю, в какой ты школе учишься, и сам пойду к директору.

— Как вам будет угодно.

Но не пришлось Геронтию идти в школу. Однажды девочка ушла и пропала. Почти два месяца не появлялась. Маро и Маргалита уже поздравляли Геронтия.

— Ну, все, Геронтий, пронесло.

Геронтий молчал. Он заметно успокоился. Лицо у него стало какое-то другое. Он теперь вроде даже брился тщательнее, одевался аккуратнее. Стал носить галстук. Красиво зачесывал набок свои седые волосы. С покупателями был обходителен.

Пару раз разыграли его Маро с Маргалитой: идет, дескать, идет. Геронтий мгновенно краснел. Потом, поняв, что его обманули, независимо расправлял плечи: пускай, дескать, идет.

На смену теплым осенним дням пришли первые зимние дни. Подул ветер. Улицы были усыпаны опавшими листьями. Дворники на чем свет стоит ругали ветер. А однажды утром ветер стих, и пошел снег. В воздухе кружились плоские снежинки, но, едва коснувшись земли, сразу же таяли. И вот из этого-то снега и появилась девочка. На ней было длинное теплое пальто, теплая вязаная шапочка, надвинутая почти на брови. Все так же плавно, не двигая плечами, ступала она своими теплыми высокими сапожками. Увидев девочку, Герон-

тий залился краской, но все же улыбнулся. Маро с Маргалитой воскликнули хором:

— Кто к нам пожаловал!

Девочка с легкой улыбкой оглянулась на них и направилась к Геронтию. Геронтий в это время что-то взвешивал на весах, но смотрел он не на весы, а на девочку. Смотрел и улыбался.

— Здравствуйте. Как поживаете? — по-взрослому спросила девочка.

Она тоже улыбалась удивительной, чудесной улыбкой. У нее были необыкновенно красивые губы и зубы, удивительно красивые добрые глаза, все лицо ее было каким-то ясным, светлым.

— А я вот болела, — продолжала девочка, — у меня была корь. Теперь я уже поправилась.

— Вах! — воскликнул Геронтий. — То-то я удивлялся!

— Чему вы удивлялись?

— Что вас не было видно.

— Что я вас не мучила?

— Ну что ты, какое это мучение. Лишь бы ты была здорова, а это что за мучение.

— Теперь я буду вести себя хорошо.

— Разве ты раньше вела себя плохо?!

Девочка засмеялась.

Маро и Маргалита смотрели на них с разинутыми ртами.

— Взвесьте мне, пожалуйста, двести граммов «Швейцарского» сыра и двести граммов колбасы.

— Сервилат возьмешь? У меня сервилат есть, — Геронтий, продолжая улыбаться, достал из-под прилавка сервилат. — Может, взвесить тебе двести шестьдесят граммов или сто девяносто семь?

— Нет-нет, не надо, — смеялась девочка.

— Вах, как мало ты ешь. Поэтому такая худенькая.

— Мне нельзя поправляться, а то буду вот такая, — девочка надула щеки.

— Почему? Почему нельзя?

— Я хочу стать балериной.

— Вах! Балериной! В опере?

— Если смогу, то и в опере.

— Конечно, сможешь. Ты все сможешь. — Герон-



тий выпрямился за прилавком. — Ты смотри, не стесняйся, если что будет нужно — я здесь.

— Спасибо, — девочка смотрела на него сверху вверх и улыбалась. — Какой вы теперь стали хороший. Никогда ни на кого не кричите, пожалуйста. Особенно на женщин.

— Я? Кричу?!

Девочка положила в сумку аккуратно завернутые сыр и колбасу, в знак прощания подняла вверх правую руку и пошла к выходу. Когда она была уже у двери, Геронтий окликнул ее:

— А как тебя зовут?

— Мирандухт.

— Значит, Мира?

— Нет.

— Миранда?

— Нет, Мирандухт.

— Ва-а-ах!

Девочка опять подняла вверх свою красивую ручку, пошевелила в воздухе пальчиками и исчезла в вихре снежинок.

Маро и Маргалита уныло стояли за своими прилавками. В обед, когда все они уселись за низенький столик, Геронтий сказал:

— Что такое все же человек! Вот ведь злила меня эта девочка, да? И злила, и в то же время отрезвляла. С тех пор, как она появилась, я стал яснее видеть недостатки моих дочерей. Спуску теперь не даю им — пусть учатся, как надо ходить, как держаться. И я тоже... я теперь только и делаю, что считаю в уме.

Маро и Маргалита согласились с ним:

— Гениальная девочка! — в один голос заявили они, одновременно макая хлеб в жир на сковородке.

— Истинный гений! А считает как, вы же знаете — как машина! Ра-та-та-та-та — точно!

С этого дня большими друзьями стали Мирандухт и Геронтий. У Геронтия всегда было что-то припрятано для нее.

Только так и не удалось ему ничем ее соблазнить. Мирандухт покупает только то, что выставлено на прилавке... И еще... Очень хочется Геронтию пригласить Мирандухт в гости к своим дочерям, в Нахаловку, да никак не решится. У Геронтия в маленьком садике стоит

маленький домик с лесенкой о трех ступеньках. Мирая-  
духт же — так представляется Геронтию — поднимает-  
ся и спускается только по мраморным лестницам и изя-  
щно машет зрителям своей маленькой красивой ручкой.  
Как такую пригласить в Нахаловку?! О-о-о-о!..

## ДОЖДЬ — И СНОВА СОЛНЦЕ

**С**овсем скоро начнутся каникулы, и я поеду в де-  
ревню. Если вы меня спросите, почему я так раду-  
юсь этому, что особенного ждет меня в этой моей де-  
ревне — я, пожалуй, не буду знать, что вам ответить.  
Может, скажу, что там речка, моя любимая речка Бро-  
лиа! В самом деле, что может быть на свете лучше нее?!  
Сидишь на высоком берегу, держишь в руках удочку.  
Над тобой весело перешептываются листики осины, вни-  
зу плещется прозрачная вода. Чистая, полная разно-  
цветных камушков и рыбешек. Мелькают толстопузые  
карпы, снуют неугомонные усачи. Резвятся мальки: под-  
прыгивают вверх, сверкая в солнечных лучах, словно  
хотят взлететь на небо. На надетого на крючок червяка  
всегда налетают целыми стайками. Самые смелые дер-  
гают его, мотают из стороны в сторону, снуют вверх-  
вниз, мелькая зеркальными боками. Да куда им спра-  
виться с червяком!

Потом примчится какой-нибудь суетливый усач,  
разгонит малышей, набросится на крючок с наживой,  
рванет в сторону. И в ту же секунду ты ощутишь вож-  
деленный толчок, и дрожь удовольствия пронзит тебя  
до самых кончиков пальцев. Ждешь, чтобы толчок по-  
вторился. Вот, повторился. И еще раз! А вот и еще!  
Вытащишь удочку, и злополучный усач тяжело плюх-  
нется на берег.

...Но разве дело только в рыбной ловле! Небо над  
головой чистое и высокое-высокое. И оттуда, из этой  
недосягаемой вышины, словно золотые нити, тянутся к  
земле ласковые, пьянящие солнечные лучи.

А вдали, в горах, небо темное, там бродят разбух-  
шие от воды дождевые тучи. Их тени, словно гигант-



ские коршуны, перелетают с холма на холм, из ущелья в ущелье. Леса отливают густой синевой, пастбища, словно цветными камешками, усыпаны быками и коро-  
вами.

Внизу, в селах, оттенков еще больше: красные кры-  
ши домов, голубые веранды, зияющие чернотой распах-  
нутые окна... В виноградниках, словно в засаде, засели  
богатыри-орешники, колышутся поля, шелестит туго-  
жильными листьями кукуруза...

Ты только вслушивайся да вглядывайся!

Стрекочут кузнечики, снуют взад-вперед толстен-  
ные муравьи, порхают пестрокрылые бабочки, жужжат  
пчелы...

Вокруг тебя царит какой-то праздник, какая-то под-  
нимающая над землей легкость, свобода. Кажется, стоит  
только взмахнуть руками — и ты взлетишь.

И вот ты поднимаешь руку, подносишь ее к глазам,  
взволнованно оглядываешь окрестности, и так хочет-  
ся тебе поделиться с кем-нибудь своей радостью, найти  
родную душу, что ты поднимаешься на цыпочки и...

— Ау-у-у! — сам собой вырывается из твоей груди  
крик, спугивая рассеявшихся на макушке облепихи со-  
рок, притаившихся в ветках осины горлиц, купающихся  
ласточек...

И вдруг выползает откуда-то дождевая туча; надви-  
нется, растянется, закроет собой все небо и примется  
ворчать и похохатывать, грохотать и сверкать.

Но ты ведь мужчина, так что не трусь, оставайся  
на месте. И увидишь, как притихнут кузнечики, как ра-  
достно заквакают лягушки, как подует холодный сырой  
ветер и вокруг сразу потемнеет.

В прошлом году ловил я рыбу у Коптавской горы.  
Набрел на тихую заводь, такую, как я только что опи-  
сывал. Из горы выступала большая отвесная скала, по-  
хожая на разлегшуюся прямо посреди воды буйволицу.  
Вода сердилась, наскакивала на нее, ворчала, но, не в  
силах сдвинуть ее с места и словно махнув на нее ру-  
кой, успокаивалась, отступала назад и, ласкаясь, обте-  
кала ее сбоку. Вот в этой ласковой заводи и ловил я  
рыбу, устроившись на скале.

Все вокруг было вроде как обычно. Стрекотали куз-  
нечики, порхали бабочки, летали взад-вперед дикие го-  
луби, в воде резвились рыбешки...



Только окружение было несколько иным. Тут — эта вздыбившаяся скала, там — прибрежный лес. За лесом — поля и пастбища. И солнце... Правда, пару раз оно словно шилом пронзало мне лучами затылок, но когда я поднимал голову и смотрел на него, то ничего необычного не замечал — оно улыбалось, как всегда.

У меня никак не клевало. Я то и дело вытаскивал крючок, смотрел на безжизненно обвисшего червяка и снова опускал его в воду.

И вдруг — на тебе, меня накрыла тень. Откуда, думаю? Поднимаю голову и вижу: из-за Коптавской горы выползла огромная чумазая туча, проглотила солнце и теперь опускается вниз.

Я прислушался: все вокруг стихло, даже стрекозы замолкли. Неподалеку от меня выбралась на камни толстобрюхая лягушка, уставилась выпученными глазами и словно говорит мне что-то:

— Бре-ке-ке-ке...

И ветер уже дует совсем другой. Будто мокрой тряпкой по лицу хлещет.

— Гр-гр-гр! — доносится из-за горы.

Ну, думаю, самое время уносить ноги. Достал из воды коробочку с червяками, уже взялся было за удочку... И именно в этот момент у меня клюнуло! И не просто клюнуло, а натянуло леску и потащило, потащило по поверхности в самую середину заводи. Я не утерпел и стал с опаской тянуть. Вытащил — и опасения мои сменились радостью: я поймал огромного карпа.

От радости я даже в пляс пустился. Потом подумал: наверняка у него должны быть поблизости друзья-товарищи. Наживил на крючок свежего червяка и снова закинул в воду.

И о туче, и о ветре и думать забыл!

Но они сами напомнили о себе.

На берегу, над ущельем, взвилось вверх что-то, похожее на парус. Разрослось, развернулось вдоль всего ущелья, стало приближаться, со свистом пронеслось у меня над головой. Это предвещало ураган, но и сам он оказался уже недалеко: не успел я смотать леску, как началось что-то невообразимое.

Заплескалась вода, застучали камни, загудели тополя, со свистом полетели с деревьев обрывки молодых листьев...



Небо исчезло, с рокотом двигались полчища то тут, то там прорезаемых молнией тяжелых туч. Наконец с треском грянул гром и, словно он только этого и ждал, хлынул ливень.

Я бежал вперед, не зная, где укрыть от дождя свое полуголое тело. Дождевые струи с плеском разбивались о мое лицо, стекали за пазуху и за шиворот.

Я миновал прибрежную рошу, выбежал в поле. Когда-то здесь, у дороги, добывали гравий. Вот оно, это место. Я прибавил ходу и, мокрый, дрожащий, распластался под первым же выступом.

Я крепко прижимал к себе удочку и, не выпуская из рук пакета с рыбой, с каким-то неизъяснимым страхом и доселе неизведанным удовольствием наблюдал за буйством природы.

Искрились дождевики, тучи опустились совсем низко и теперь ползли по холмам, внизу сверкали потоки воды. Небо гудело, и на земле все дрожало и трепетало...

Потом эти рокочущие тучи уползли куда-то в низины, ветер утих, дождь уменьшился, и воцарилась тишина — отчетливо слышалось шлепанье дождинок и бормотанье ручейков.

Я встал и облегченно вздохнул.

Сначала я шагал в полном одиночестве, потом появились весело щебечущие ласточки и звонкоголосые дрозды. Устроили состязания. Сомкнутся дугой и опускаются вниз, словно несут земле послание небес.

Потом и жаворонки взлетели. Поднялись высоко-высоко и принялись усиленно вызывать солнце.

И оно не заставило себя ждать... Отодвинуло в сторону облачную завесу и кокетливо выглянуло из-за нее.

Что тут началось кругом, какое веселье!

Запели жаворонки, засвистели перепелки, принялись настраивать свои скрипки стрекозы и кузнечики...

Все вокруг сверкало.

Улыбались горы, поля, леса. Улыбались крошечные травинки, камушки, дождевики...

Улыбалась и деревня.

Колхозники высыпали на дорогу и с посветлевшими лицами смотрели на щедро напитанную влагой землю, друг на друга.

— Прямо благодать божья, а, Ника?



— Благодать, благодать!

Шлепали по лужам босоногие мальчишки и девчонки, плескались и гоготали гуси. Радостно мычали телята.

А какой аромат стоял! Пахло свежей листвой, влажной землей, цветами...

Я шел по деревне и то и дело останавливался. Поймай я такую рыбину в другое время — к удочке бы подвесил всей деревне напоказ: смотрите, дескать, какой я молодец. Теперь же я ее даже не вынул из пакета. Так приятно было вдыхать этот чистый воздух, смотреть на эту похорошевшую землю, слышать счастливые голоса всех этих людей, что я и думать забыл о какой-то там полукилограммовой рыбе...

Шел и радовался тому, что все это принадлежит мне, а я принадлежу им, этой земле, этим людям.

Шел и с удовольствием здоровался со всеми:

— Здравствуйте! Здравствуйте!

Неужели вы никогда не испытывали ничего подобного?

Почему же вы молчите?

## МАТИКО ВЫХОДИГ ЗАМУЖ

**Б**ыла у меня в детстве мечта: завести сороку и научить ее говорить.

И вот однажды отправились мы с моим двоюродным братом Валико в глубь прибрежного леса—открывать места, «где еще не ступала нога человека». В то время Иорские леса делились на «наш» лес, «ничейный» и «татарский». Самым большим и дремучим был «ничейный» лес. Там стояли навтыяжку огромные липы и терновые деревья, красноталы и бересклеты, ольхи и лохи, сплошь увитые плющом, диким виноградом и обвойником; буйно разрослись в этом лесу, сплетаясь друг с другом, осот и ежевика. Над этими дремучими зарослями шелестели макушками осины и красноталы, с пронзительным криком летали и качались на сухих ветках сороки.



Местами в этих зарослях было так темно, что туда и зверь бы, наверно, не решился лезть. Но мы играли в «настоящих мужчин» и почитали за честь пробираться именно в такие места. Прихватили с собой из дому топорики, которыми и прорубали теперь себе путь, упорно продвигаясь вперед чаще всего на четвереньках. Земля была мокрой и черной, воздух тоже был темный, пропитанный запахами сырости и грибов. Мышь и та нигде ни разу не прошуршала. Вдруг с одного высокого терна на нас испуганно-сердито накричала сорока. Мы задрали головы вверх, смотрели, смотрели — и разглядели прилепившееся к стволу — в развилке трех веток — гнездо, сплетенное из травы и обложенное колючками. Сорока сидела на самой макушке и следила за нами своими блестящими глазами.

— Может, у нее уже и птенцы есть, — сказал Валико. — Давай взлезем, посмотрим.

Стали мы топором обивать с дерева колючки. Прилетела вторая сорока, и они принялись сердито кричать на нас сверху вдвоем. Валико полез на дерево (он был на два года старше меня и во всем верховодил). Сороки стали наскакивать на него, лезли прямо в лицо. Валико отгонял их рукой. Добрался до гнезда, заглянул в него и крикнул мне:

— Тут четыре птенца!

С улыбкой смотрел на них какое-то время, потом стал спускаться, и сороки наконец успокоились.

— Что ж ты не взял птенца? — спросил я.

— Они еще не совсем оперились. Подождем, пока оперятся, тогда и возьмем.

С того дня почти ежедневно ходили мы в лес и наблюдали за тем, как оперялись птенцы. Их родители каждый раз устраивали переполох: боялись, как бы мы не причинили их детям вреда. А мы поглядим, поглядим на них — и уходим. Наконец, дней через десять, решили мы двух птенцов оставить родителям, а двух забрать. Что тут началось! На шум слетелось множество других сорок, и они все вместе стали с криком нападать на нас. Но мы все же выбрали двух птенцов покрупнее, одного спрятал за пазуху Валико, другого — я. Сороки гнались за нами до самого берега, чуть на головы нам не садились, потом отстали, расселись по



верхушкам деревьев и оттуда продолжали проклинать нас.

Дома у нас уже были приготовлены клетки. Оба сплел Валико из красных лоховых прутьев. Мы поместили одного птенца в одну клетку, другого — в другую. Один был сорочонком Валико, другой — моим. Со всей округи шли к нам мальчишки посмотреть на птенцов. Учили, как с ними обращаться, советовали поцарапать им языки: так, дескать, быстрее говорить научатся. Языки мы нашим сорочатам царапать не стали, зато буквально не отходили от них, кормили тутовником и черешней и без конца повторяли им разные слова. И так они к нам с Валико привыкли, что как только увидят — сразу клювы раскрывают: кормите, дескать, нас. Еду заглатывали жадно, давясь и чуть не задыхаясь.

Однажды ночью сорочонок Валико исчез. Мы — к кошке: твои проделки, бесстыжая! Кошка удрала от нас, взлетела на тутовник и сердито уставилась на нас оттуда: вы что, дескать, с ума сошли, при чем тут я?! Потом дядя Гиорги сказал, что птенца наверняка унес филин: они, мол, на это мастера. Искали мы сорочонка, искали, но даже перышка нигде не нашли, и в конце концов смирились с тем, что его украл филин. Отправились в лес, чтоб взамен пропавшего птенца принести нового, но гнездо оказалось уже пустым. Видно, оставшиеся сорочата уже успели научиться летать и улетели.

Осталась у нас одна моя сорока — Матико.

— Матико, куку! — окликаем мы ее и даем ей кусочек мяса.

— Матико, тута! — и протягиваем тутовые ягоды.

— Матико, чече, — и угощаем черешней.

И вскоре наша Матико стала повторять:

— Тута! Тута!

— Куку! Куку!

— Чече! Чече!

Мы ее так приручили, что она брала у нас туту и черешню без косточек прямо изо рта. Только при этом нужно было закрывать глаза, чтоб она по ошибке не клюнула в глаз. За месяц превратилась Матико в большую красивую сороку с длинным черным хвостом и длинной, красиво выгнутой шеей. Просыпалась ни свет ни заря и поднимала крик:



— Како! Како! — первым она научилась выгова-  
УМ11333-11  
2123-П110333  
ривать имя моего младшего брата.

— Како, куку!

— Како! Валико!

— Нато! Нато!

И пока не принесем ей мяса и сладких ягод — не успокоится. Научилась также лаять по-собачьи — ав! ав! ав! — мяукать по-кошачьи — мяу! мяу! — проклинать, совсем как моя тетя — сгиль! сгиль! Мы перестали сажать ее в клетку: подрезали ей ножницами крылья (она при этом очень расстроилась и долго еще тарашилась то на одно, то на другое крыло и возмущенно кричала) и отпустили. Стала Матико разгуливать, где ей вздумается, и разбойничать. То вдруг бросится под ноги бабушке, то маме, то тете или дяде. Дважды стащила у дяди горящую папиросу. — Ах, негодница! Уж и папиросу положить нельзя! — А Матико стащит папиросу, улетит, бросит ее где-нибудь и удивленно тарашится на дым. А если она ее в стог сена или на забор бросит — представляете?! Так что с тех пор дядя стал курить осторожно.

Начала Матико воровать. Невозможно было оставить без присмотра ни наперсток, ни иголку, ни пуговицу, зеркальце, даже ножницы. Подкрадется потихоньку, озираясь по сторонам, ухватит клювом, унесет и спрячет. Попробуй потом найти то, что она спрятала! И так мы все к ней привыкли, и мы, и соседи, что дня не могли прожить, не поиграв и не поговорив с ней. Несли и несли ей соседи угощение: кусочки мяса, вареные яйца, остатки каши. Угощали нашу Матико и весело смеялись, глядя, как она ест. Что же касается Валико, меня и моего маленького брата, то мы по очереди сажали ее себе на голову и разгуливали с ней по деревне. Матико это очень нравилось, она хлопала крыльями, махала из стороны в сторону своим длинным хвостом и громко кричала.

Не любила Матико лишь нашего пса Мура. И Мура тоже терпеть ее не мог. Мура держали на цепи. Принесут ему, бывало, его похлебку, а Матико тут как тут: прилетит, усядется перед ним и — чхи! да чхи! — дразнит Мура. Иногда чуть ли не в миску ему залетает. Гав! — прыгает на нее разъяренный Мура, но Матико каждый раз ловко изворачивается. Усядется чуть по-



даль и оттуда продолжает кричать и злить бедного пса. Важно ходит взад-вперед, распускает крылья, угрожающе хлопает ими. Мура чуть с цепи не срывается от бешенства. Лает, лязгает зубами. И пока мы не вмешаемся и не прогоним Матико, стоит во дворе ужасный гвалт — Гав-гав! да чхи! чхи!

И вот что случилось однажды. Принесла одна соседка псу овечью требуху. Как это, мол, ему требуху принесли! — злится Матико. Подлетит к требухе, клюнет разок — бросится на нее Мура, взлетит Матико. Наконец Мура придумал следующее: сделал вид, что он сыт, и улегся на землю рядом с требухой. Сунул морду в лапы и даже глаза закрыл — будто бы спит. Походила Матико вокруг да около, походила — тоже хитрая, не доверяет ему — но, видя, что тот не шевелится, все же уселась на требуху. Сначала клевала осторожно, не сводя глаз с Мура. Тот по-прежнему лежал не двигаясь. Тогда Матико осмелела, стала вертеться во все стороны, и вот, когда она повернулась к нему хвостом, тот — гав! Матико — чхи-чхи! — и видим мы, что хоть Матико и удалось вырваться из его зубов, но куда подевался ее красивый черный хвост, которым она так гордилась! Этот хвост теперь держал в зубах Мура и сердито трепал его, разбрасывая перья. Подняла тут Матико крик, да какой! Налетает на беднягу, чуть глаза ему не выклюет. Отнимет перо, отлетит в сторону, положит перо на землю, покричит над ним, потом задом на него садится — да куда там, не прирастет перо! Прибежали мы, набросились на Мура: что ж это ты, дескать, разбойник, наделал! Обрадовалась Матико, что влетело ему, но красивый хвост ее так и остался оторванным. Осталась Матико забавно укороченной. Крылья подрезаны, а хвост и вовсе оторван. И знаете, что она тогда сделала?! Взлетела на чердак и почти перестала спускаться вниз. То ли стеснялась, то ли боялась. Иногда слетала на веранду поест, а чаще мы носили ей еду на чердак. Поймаем Матико и ну ее ласкать, — Матико! Мато! Хорошая наша! Любимая! — но она все равно продолжала дуться. Мы даже боялись, как бы она не умерла от горя. Наступила поздняя осень, потом пришла зима со своими холодами. Хвост у Матико к тому времени отрос, и она вернулась к нам, вернулась на веранду и в дом, но держалась все еще не-



уверенно, поминутно оглядывалась на свой новый хвост. Постепенно осмелела. Вот и настоящая зима пожаловала. Все покрылось снегом, подул холодный ветер, затрещал мороз. Теперь Матико совсем не тянуло на веранду. Целыми днями прыгала она из комнаты в комнату, а когда ветер уж очень крепчал, забивалась в угол, за печку, и оттуда прислушивалась к его завываниям. Самым почетным членом нашей семьи теперь была она. За стол усаживалась первой, да к тому же не «за», а «на» стол. — Уберите ее! Посадите в клетку! — Мы ловили Матико, сажали в клетку, но первый кусок все же всегда подносился ей. Научилась Матико произносить слова: «ножик-ножик», «булка-булка», «чашка-чашка», «мама-мама» и другие. Но все слова произносила вот так, парами: ножик-ножик! мама-мама! Разбила стекло от керосиновой лампы, несколько стаканов, покрала и попрятала у нас бог знает сколько всяких предметов.

Больше же всех сердила она нашу бабушку. Ни на секунду не могла бабушка положить очки. Матико тут же хватала их и несла прятать. Бабушка кричала: — Уберите ее от меня, уберите, не то я не знаю что сделаю! — Мы, конечно, защищали Матико. Разве что в клетку посадим иногда. Но она и оттуда продолжала кривляться и выкрикивать что-то, словно дразнила бабушку.

Наконец прошла и зима. Вышли из дому и мы, и Матико. Стали мы расчищать сад. Запели дрозды. Матико тоже летала с дерева на дерево. И вот однажды видим мы, что наша Матико стала совсем взрослой птицей, с отросшими крыльями, длинным хвостом. Вразвалку расхаживает она по саду, найдет где прутик или колючку, ухватит клювом, взлетит и несет на грушевое дерево в конец сада. Положит колючку в развилку ветвей, сверху травинками присыпает. Трудится вовсю. Мы радуемся: ишь ты, гнездо себе строит! А бабушка сказала: «Э-э, вы только посмотрите на эту вертихвостку — к материнству готовится!» Мы, мальчишки, призадумались над этими бабушкиными словами, но не стали мешать Матико строить гнездо. А бабушка добавила: «То-то, я смотрю, стала она в последнее время уж больно важной да чванливой!»

Трудилась Матико каждый день с утра до вечера. То прибавит к гнезду прутиков да травинок, то уба-



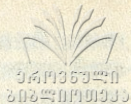
вит. А в один прекрасный день видим, сидит рядом с ней другая сорока. Наша Матико поменьше, а вторая птица — крупная, сильная. Закричит эта птица, захлопает крыльями, словно демонстрируя Матико свою статью удаль. Матико посмотрит, посмотрит на нее и застенчиво отодвинется в сторону. Попрыгала большая сорока, покричала и улетела. Матико вернулась в дом как будто немного притомившаяся, немного опечаленная. То на одного уставится своими грустными глазами, то на другого. «Подрежьте ей крылья, не то улетит!» — сказал дядя. Я поддержал его, но Валико был почему-то настроен очень благодушно: не надо, говорит, пускай — мы и не стали подрезать.

И на другой день прилетела большая сорока, и на третий. Наша Матико была то с ней, то с нами. Но вот однажды, солнечным днем, взлетела большая сорока, полетела, уселась на орех в самом конце нашего сада и оттуда стала звать Матико. Матико забегала взад-вперед по ветке груши, выкрикивая: «Како-Како! Валико-Валико! Мама-мама!» — кричала до тех пор, пока Мура не поднял лай. Потом мы увидели в воздухе ту большую сороку, а рядом с ней — нашу Матико. Большая сорока летела рывками, мощно взмахивая крыльями, Матико — плавно, спокойно. Мы стояли и с улыбкой смотрели на них. А когда они скрылись из глаз, загрустили... Но дня через два обе птицы прилетели снова. Уселись на грушу, и Матико принялась кричать: «Како-Како! Нато-Нато!» Эх, почему мы хотя бы ниточку не повязали ей на лапку! — сказали мы и полезли на дерево, чтобы поймать ее. Но не смогли. Взлетели они с дерева и улетели. Долго провожали мы их взглядами. Тщетно всматривались мы затем во всех прилетавших к нам в сад сорок: может, это Матико? Может, узнает и позовет нас?..

Оставила нам Матико на память недостроенное гнездо на груше и блестящие, раскрытые веером черные перья от своего хвоста, которые долго еще были прибиты к стене в моей комнате.



# БАИЯ



Баия знает, что носит имя цветка. Цветок этот — желтоголов, желтенький, с упругими лепестками, и сверкает он в зеленой траве совсем как солнечный зайчик. Когда желтоголов отцветает, то есть когда осыпаются его желтые венчики, на их месте остаются колючие зернышки размером чуть больше горошины. В прежние времена этими зернами «разбивали носы». Что это значит — «разбить нос»? А вот что: если кому-нибудь приливала к голове кровь, то есть, говоря современным языком, если у кого-нибудь поднималось давление, он срывал колючее зернышко желтоголова вместе с длинным стебельком, засовывал его себе в ноздрю, хлопал себя сзади по затылку, пускал себе таким образом кровь — и давление падало. Поэтому желтоголов в народе так и называют — «разбей-нос». Девочке по имени Баия почему-то нравится даже это «разбивание носов». Подойдет, бывало, станет у зеркала и примется себя разглядывать. Лоб, нос и скулы у Баии тоже цвета солнца, тоже блестят. Иногда у нее и глаза блестят, но глаза у Баии чаще бывают грустными, затуманенными, так что кажется, будто она только что, совсем недавно плакала, будто у нее постоянно где-то что-то болит, и она все время прислушивается к этой боли. А реснички — может, это и есть ее колючки?

Остановит, бывало, Баию учительница Тина и спрашивает: «Баия, почему у тебя такие грустные глаза? Скажи мне, что тебя беспокоит?» Баия маленькая, а учительница — женщина высокая, крупная. И до груди не достает ей Баия. Чтобы ответить ей, Баия должна поднять голову вверх, она же, наоборот, опускает ее вниз, краснеет и даже зажмуривает глаза. Тогда учительница берет ее ладонями за щеки, наклоняется к ней и силой приподнимает ей голову. Приходится Баие открыть глаза и даже улыбнуться. Баия улыбается, но учительница Тина все-таки спрашивает: «Почему ты мне не говоришь, Баия, что тебя беспокоит?» Баия жмется плечами и пытается снова опустить голову. Тогда учительница прижмется щекой к ее виску, ласково потреплет ее по волосам и отпускает: беги, дескать. Но Баия не убегает, а пятится назад, прислоняется к стенке и чаще всего так и стоит у стены, прижав к ней ла-



дошки, то и дело прикрывая глаза: так легче восстанав-  
ливаются в памяти тепло и аромат рук и щеки учи-  
тельницы.

Дети играют, прыгают, резвятся. Девочки считают, хлопая в ладошки: аты-баты, шли солдаты... Иногда и Баия принимает участие в этих играх, но в разгар игры на нее вдруг находит задумчивость. Дело в том, что у Баии отец — пьяница и буян, при таком отце бедная мама тоже стала нервной и больной, и сама Баия тоже чувствует себя несчастной, внутри у нее постоянно что-то дрожит — разве может у нее получиться какая-нибудь игра? Поэтому очень скоро она перестает играть и, словно вдруг устав или заскучав, снова отходит к стене и прижимается к ней раскрытыми ладошками.

Когда раздастся звонок, Баия первой бежит в класс. Усядется на свое место, сложит руки на парте и так и сидит, вся внимание. Если учительница вызовет ее читать вслух — Баия читает уверенно, бойко, а если нужно отвечать заданный пересказ — тут ей приходится туго, с трудом подбирает она нужные слова и беспомощно оглядывается по сторонам. Учительница, видя, как волнуется Баия, велит ей сесть, подойдет, ласково погладит по головке и похвалит: «Молодец, Баия, хорошо». Но Баия знает, что рассказала урок плохо, опускает голову и краснеет. И если бы в это время кто-нибудь заглянул ей снизу в глаза, то увидел бы, что они полны слез.

Утром Баия приходит в школу раньше всех. Других детей приводят нарядно одетые мамы, доводят их до самого класса, крепко держа за руку. Баия сама сбегает вниз по еще не заасфальтированной дорожке, вьющейся меж новых высоких домов. Лишь в одном месте приходится ей переходить автомобильную дорогу. Баия остановится, внимательно посмотрит в одну сторону, потом в другую, убедится, что машин нет, и только тогда перебегает через дорогу. А тут уже начинается проволочная решетка школьного двора. Баия идет до конца вдоль этой решетки и бегом взбегаєт вверх по школьной лестнице. Учительница нередко оставляет Баие ключ от класса. Баия отопрет дверь класса, положит в парту портфель. Если нет ветра, откроет окно. Открывать окна она умеет: придвинет к окну стул, влезет на него, поднимет задвижку сначала вверх, потом повернет ее



направо, потом с силой потянет фрамугу на себя — окно и открывается. Открыв окно, возьмет с доски тряпку, пойдет, вымоет ее, выжмет, вернется в класс и примется старательно, до блеска вытирать доску.

Тем временем приходят и другие дети. Дети и их нарядные мамы. Мамаи тоже ласково глядят Баию по головке: «Ты уже здесь, Баия? Ну и умница же ты! Какая умница!» Дети выхватывают у Баии из рук тряпку, начинают наперебой тереть доску. Баия смущенно постоит у доски, потом сядет за парту и оттуда наблюдает за ними.

Иногда, по субботам, вместе с Баией в школу приходит ее мама. У Баии сердце разрывается от жалости к ней. Знает Баия, что до трех часов не спала мама: в три часа ночи **вернулся** домой пьяный отец. Утром мама еле **поднялась**. **А** в который уж раз зашивала она сегодня свои **старые** колготки! Знает Баия и то, что никто уже, **кроме** ее мамы, не носит байлоновых платьев. Да к тому же подол у этого платья почему-то все время **съезжает** куда-то в сторону: то мама сама его **правляет**, то Баия. Поднимутся они по наружной лестнице, Баия остановится на площадке и просит: «Мама, ну ты теперь иди!» — «Я же хотела повидать учительницу...» Баия молчит. Они вместе поднимаются на второй этаж. Баия входит в класс, а мама остается в коридоре, у окна. Баия то и дело поглядывает на маму, но тайком. Идут и идут другие мамы, нарядные, уверенные в себе, счастливые. Баие кажется, что ее мама нервничает, кусает губы. Наконец приходит учительница Тина. Рядом с ней мама кажется еще меньше, она то слова не может вымолвить от волнения, а то вдруг затараторит скороговоркой. Учительница успокаивает маму, ласково похлопывает ее по руке. Мама улыбается и краснеет. Потом уходит, радостная, улыбающаяся, но идет она такой неуверенной походкой, что Баия все время боится, как бы она не упала.

Баия отдает учительнице ключ. Та ласково говорит Баие: «Какая же ты у меня золотая девочка! И какая у тебя чудесная мама!» У Баии даже голова кружится от этих слов. Звенит звонок. Дети рассаживаются по местам. Начинается урок. Учительница своей красивой рукой красиво открывает журнал.

Любит Баия начало урока. В классе тихо, спокой-



но. Со двора доносится крик какой-то птички: «Ко-го! Ко-го! Ко-го!» Кого же вызовет учительница? У Баии всегда готовы все задания, но все же она предпочитает, чтобы вызвали кого-нибудь другого.

С каким восторгом встречают дети звонок с последнего урока! Одна лишь Баия медленно-медленно складывает в портфель книги. Медленно надевает пальто, медленно повязывает голову платком. Медленно идет по коридору, выходит во двор, на свежий воздух. Стоит, подышит. Потом оглянется по сторонам и походкой очень усталого человека начнет взбираться по крутой тропинке, ведущей к ее дому. На этом подъеме тоже несколько раз останавливается. Остановится и смотрит вниз, на раскинувшийся перед ней огромный город, своими грустными глазами. Потом снова продолжает путь. И хотя это неправильно, хотя так не должно быть, Баия все же думает: «Была бы эта дорожка, ведущая к дому, хоть чуточку длиннее...»

## ЗЯБЛИК

**З**яблик спал в стоге сена у виноградника. Среди ночи он проснулся. С гор дул ветерок и шуршал сухими травинками.

Зяблику было холодно. Он нахохлился, похлопал крыльями, повернулся головкой к середине стога, раздвигая головкой и боками жесткие травинки, забрался в него поглубже, снова повернулся и замер, затих. Холодный ветерок позванивал проволокой в винограднике, хлопал оставшимися кое-где на лозе сухими листьями, внутри стога было тепло и уютно, и зяблик снова спокойно заснул.

Спал до самого утра. А когда совсем рассвело, вылез из стога и взлетел на ветку сухой сливы. Ветерок уже успел превратиться в настоящий ветер, и было ужасно холодно. Подтаявший за последние дни снег теперь заледенел и кое-где подернулся голубоватой коркой. Зяблик повернулся к ветру спиной и сидел так какое-то время, словно решая, в какую сторону лететь. Пух у него на боках топорщился, а сам он раскачивался на ветке, словно приклеившись к ней лапками. Потом пере-



летел в соседний сад и спустился на землю у изгороди.

В ветреную погоду здесь иногда сыпались с деревьев червячки, но в этот раз зяблик ничего не нашел. Долго ходил он по заледеневшему снегу на своих тонких, как шнурок, золотистых лапках. Маленьким треугольным клювиком подбирал то одно, то другое: что-то раздолбит, с чем-то не справится — отбросит в сторону.

Перебрался в огород, но и там ничего не было. Загрустил зяблик, стал часто останавливаться, склоняя голову то в одну, то в другую сторону, словно прислушиваясь к каким-то отдаленным голосам.

За огородом стояло большое ореховое дерево. Ветер раскачивал его ветки, они поскрипывали, а верхушка была освещена и отливала розовым. Зяблик взлетел на дерево, стал подниматься по веткам все выше и выше и, наконец, уселся на самой макушке. Поднявшееся из-за снежной вершины солнце светило ослепительно ярко, но и здесь, на солнце, было холодно. Зяблик долго сидел на дереве и смотрел в сторону села. Другого пути не было — надо было снова лететь в село. Он раскрыл крылья, полетел и опустился на изгородь ближайшего дома. Здесь ветер, свободно гуляющий меж изгородей, дул еще сильнее, но зяблик все же крепился.

Во дворе не было видно ни детей, ни кошек. Сытые, довольные жизнью куры дремали, укрывшись от ветра под лестницей. Там же сидел нахохленный петух, погруженный в какие-то свои мысли. Но зяблик все же не решался слететь вниз. Потом его словно ветром сдуло с изгороди — Раз! Два! — взмахнул он в воздухе крыльями, стараясь удержать равновесие, и опустился на землю у входа в коровник.

Здесь было тихо, на земле были разбросаны оставленные курами мелкие незрелые зернышки. Зяблику только это и было нужно: он запрыгал быстро-быстро, склевывая и глотая зерна — те застревали у него в горле, но он продолжал клевать, все время озираясь по сторонам. Снова взлетел на изгородь, чтобы немного отдышаться. Теперь ему уже легче было бороться с ветром. Нахохленный петух, словно очнувшись, уставился на него своими круглыми близорукими глазами. Узнал зяблика и глубокомысленно проговорил свое «ко-ко-ко», но зяблик не обратил на него никакого внимания.



и снова слетел к коровнику. Не успел он проглотить и трех зернышек, как откуда-то вылетел камень величиной с орех, с силой ударил его в бок и отбросил к навозной куче. Зяблик беспомощно запищал, захлопал пестрыми крылышками, задрожал всем телом. Потом приподнялся, хотел взлететь, но не смог. Увидел бегущего от дома обрадованного мальчика... Собрал последние силы, затоптался на месте, отчаянно замахал крыльями, потянулся вверх, еще выше — подхватил его ветер и забросил на ветку тутовника. С большим трудом удалось ему удержаться на ветке. И тут снова видит: бежит тот мальчишка и торопливо целится в него из рогатки. Опять собрался с силами, полетел. Летел, летел и опустился в густой кустарник в самом конце сада. Посидел на ветке боярышника, боязливо оглядываясь по сторонам, потом, убедившись, что никто за ним не гонится, спрятался в сухих корнях срубленного вяза. Некоторое время и здесь продолжал чутко прислушиваться, потом прильнул к земле, поджав под себя лапки, и затих. Ушибленный бок ужасно болел, он словно пульсировал и постепенно распухал. Зяблик приподнял крыло, поправил клювом пух, положил головку на больное место и накрыл ее крылом. Теперь уже пульсировал не только раненый бок, но все его маленькое тельце. Слово он очень устал и никак не мог отдышаться.

Под сухими корнями снега не было, но от сырой земли исходил пронизывающий холод. От этого холода боль усилилась, заполнила все его существо, по самое горло, еще немного — и она переполнит его, хлынет через край, вырвет глотку. Он вынул головку из-под крыла, раскрыл клюв, жадно, как высвободившийся из объятий ребенок, глотнул сверху свежего воздуха, прыгнул на нижнюю ветку дерева, потом на вторую, третью — он очень торопился, то и дело терял равновесие. Наконец взлетел и, отчаянно работая крыльями, полетел к винограднику, к теплому стогу. Вот он пролетел над садом, где искал утром червячников, вот уже и стог показался...

Но у стога стояла телега с запряженными в нее быками и двое мужчин. В руках у мужчин были вилы. Они вонзали их в стог, отрывали от него куски, рассыпая травинки, вскидывали вверх и швыряли на телегу.



Крылья у зяблика ослабли, и он с трудом сумел усесться на столбик для проволоки в винограднике. Си-дел и шатался из стороны в сторону. Когда налетел ветер, он, чтобы удержаться, хлопал в воздухе своими красивыми крыльями.

А мужчины, подышав себе на ладони, снова и снова брались за вилы.

Они не видели зяблика.

## ДВОРЫ МОЕГО ДЕТСТВА

Когда нам, взрослым, бывает плохо: болезнь ли донимает или служебные неприятности, мы начинаем лихорадочно рыться в самых далеких закоулках нашей памяти в поисках счастливых минут, которые убедили бы нас, что жизнь стоит того, чтобы за нее бороться.

И, представьте себе, такие минуты мы отыскиваем, как правило, в своем детстве.

То, что вы прочтете ниже и что некоторые, видимо, назовут рассказом — как раз и является плодом подобных поисков.

Мы тоже были счастливы, дети моего круга, моего поколения. Но то, чем были счастливы мы, вас, наверно, удивит. Тут уж ничего не поделаешь, так уж устроена наша жизнь, что в каждом времени есть нечто, удивительное и непонятное с точки зрения последующих поколений.

Бедные дворы моего детства остались в деревне тридцатых годов: гладкая, чисто выметенная земля, прохладная нежная трава, оплетенная буковыми прутьями тонэ, зияющие чернотой оконца земляных хижин, а над всем этим — сплошное высокое небо. Ни оград, ни заборов, ни частоколов! И только внизу, где кончаются дворы — невысокие загородки: чтобы птицы и животные не портили огороды. Если и были где какие межевые знаки — торчащие из земли крупные овальные камни — то они имели значение лишь для вечно чем-то озабоченных взрослых. Для нас же, детей, все дворы бы-



ли общими — это было постоянное место наших шумных сборищ.

В тех старых дворах всегда звучали спокойные голоса: писк ласточек, детский гомон, а по вечерам — грустное мычание возвращающейся домой скотины. Разыгравшись, мы нередко кубарем скатывались по земле через весь двор — сверху донизу. Взрослые не обращали на нашу возню никакого внимания — ни взрослые, ни собаки. Разве что, бывало, теленок испуганно шархнется в сторону или курица суматошно захлопает крыльями.

Почиталось за большую честь, если на масленицу тот или иной двор избирался улицей для установки качелей. Поставят высокие, уходящие в небо треножники, приладят к ним перекладыны, подвешат красиво обструганные качели со спинками — и на целых две недели двор этот становится местом гуляний для всей деревни. На качелях качались с визгом, хохотом, веселыми выкриками: «Тебе кого?» — «Цхариадзевскую девицу!» — «А тебе, гого!» — «Я тебе на ушко скажу». — «До старости!» — и взлетали под самые небеса стройные тени качающихся парами юношей и девушек. Играли на даярах<sup>2</sup>, иногда на гармонии и доли, танцевали тоненькие девушки в длинных платьях, запевали борцовскую и затевали борьбу пышущие силой юноши; и за эти две недели двор так вытаптывался — пролитую сметану можно было руками собирать.

Тогда и земля была совсем другая: чистая-пречистая и очень ласковая. Где теперь можно свободно поваляться да повозиться на молодой травке? А тогда не приходилось опасаться ни битого стекла, ни ржавых железок, ни острых камней. Фруктовые деревья в наших дворах тоже были почти что общими: тутовник и абрикосы, вишня и черешня... Никто и внимания не обращал, кто на них влезал, кто слезал. Продавать фрукты считалось зазорным.

На исходе лета во дворах рассыпали приготовленную для мельницы пшеницу, много-много, сразу по нескольку мешков. Какое это было блаженство — пробежать по этой пшенице босыми ногами! Тут уж взрослые,

<sup>1</sup> Обращение к девочке, девушке.

<sup>2</sup> Бубен.



конечно, ругались, но эта «ругань» была приятнее иных благословений. Еще замечательнее было перебирать кукурузу, особенно по ночам. Приходили соседи помогать, разводили посреди двора большой костер, в нем жарились молодые кукурузные початки, двор наполнялся вкусными запахами, шутками и смехом. А с небес на нас взирала большая добрая луна.

Зимой выпадал снег. Накрывал дворы своим белым пуховым одеялом. С деревянными лопатами и граблями выходили во двор мужчины в шинелях, прокладывали в снегу дорожки. Снегопад длился дней по десять, а то и по две недели. Снова и снова прокладывали мужчины дорожки в снегу — и вскоре мы уже ходили по высоким, выше головы, белым лабиринтам. По утрам и вечерам цепочкой тянулся с водопоя скот: шли спокойно, неторопливо, мерно покачивая головами, шумно выдыхая теплый душистый пар. Дул ветер, целыми пригоршнями сбрасывал сверху звенящий, словно осколки стекла, снег. Над селом стаями кружились оголодавшие лесные птицы. А у нас, мальчишек, уже были наготове и силки, и ловушки. А по вечерам мы старательно заучивали заданный на дом стих, от которого по жилам почему-то разливалось тепло:

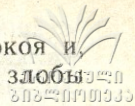
Холод, стужа на дворе,  
Негде нам укрыться.  
Распахните, дети, двери,  
Пустите нас погреться.  
Или, может быть, хоть тем  
Порадуете пташек,  
Что откроете окно —  
Бросите нам крошек?

Весной, в ясную тихую погоду, все — и взрослые, и дети высыпали во двор. Мы, дети, играли в жмурки, «ловитки», чехарду. Взрослые сидели, то снисходительно поглядывая на нас, то блаженно подставляя лица веселому солнцу.

Раскалят тонэ, налепят на его стенки лаваша — самые первые обязательно раздадут нам, детям, и собакам. Нет, сначала собакам — потом нам.

Бедными, очень бедными были дворы моего детства, но кое-чего и в них было вдоволь: чистой, ни чем не раз-

гороженной земли, прохладной нежной травы, покоя и, главное, — ласково улыбающихся, не ведающих злобы и зависти человеческих глаз.



## ЕЩЕ ОДНО ХОЛОДНОЕ, ПАСМУРНОЕ УТРО

Сегодня утром, когда я вышел во двор, мне показалось, что небо совсем опустилось на землю. Гор вообще не было видно. Макушки высоких орехов и чинар тоже терялись в густом тумане, в воздухе пахло снегом, крытая черным толем крыша притулившегося у самого частокола курятника была чуть присыпана снежком. А вот и первые редкие бледные снежинки закружились в воздухе. В комнате, из которой я только что вышел, было тепло, гудела печка. На мне были новые теплые ботинки на толстой подошве, на плечи накинута теплая куртка. Смотрел я вверх, смотрел — и вспомнилось мне одно такое же утро военного времени.

Я наверняка уже успел наскучить вам своими детскими воспоминаниями. Но постарайтесь понять меня. Ведь большая часть моего поколения по сей день продолжает жить теми холодными пасмурными днями и дрожать от озноба, начавшегося у них в то время.

\* \* \*

Светает. Мы с моим младшим братишкой Гиги бегом взбираемся по склону, к лесам на берегу Иори. Мне пятнадцать лет, Гиги — двенадцать. Небо висит вот так же низко-низко. Холодно, в воздухе уже кружатся первые снежинки.

Накануне вечером мы набрали и спрятали в лесу дрова, да какие дрова! — «шпалы», нарубленные и высушенные на солнце, аршинные буковые поленья. Эти «шпалы» заготавливали где-то высоко, в районе Тианети, вооруженные пилами, молотками и железными клиньями рабочие. Заготавливали зимой, весной и летом. Складывали на берегу Иори. А осенью, в октябре месяце, сплавляли по реке вниз. Несли тогда воды Иори эти «шпалы», бежали за ними по берегу вооруженные бле-



стящими «копьями» на длинных ручках дровосеки, отталкивая от берегов застревающие поленья. Так, по реке, спускали дрова вплоть до кахетинской железной дороги. Там, у станции «Иори», река была перегорожена, и дрова останавливались. Их вылавливали, грузили в вагоны и отправляли в город.

Население Иорских берегов и мечтать не смело об этих поленьях — кто бы их подпустил к таким драгоценным дровам, которые день и ночь охраняли стражники с карабинами. Но каждую осень случалась одна необъяснимая вещь: как только начинали сплавать дрова, через два-три дня обязательно портилась погода и начинались ливни. Разливалась тогда Иори, выходила из берегов, заливала все прибрежные леса и в такие места забрасывала эти драгоценные дрова, что самому черту не сыскать. Забивала ими непроходимые заросли облепихи, ежевики и осота. И внизу, у станции, тоже нередко сносила загородки и несла их вместе с дровами к Каспийскому морю.

Доставалось тогда дровосекам. На помощь им призывались колхозники прибрежных деревень, и ползали люди по кустарникам, по непроходимым зарослям, собирая дрова, но все дрова из всех кустов извлечь было, конечно, невозможно, так что многие так там и оставались. В последний раз проходили по берегу изнуренные дровосеки, и тогда уже начинали потихоньку пробираться в лес мы, мальчишки, пролезали в такие места, куда и птичке было не пробраться, выдергивали поленья из песка, а потом по ночам, согнувшись в три погибели, перетаскивали дрова домой. Если натыкались на дровосеков или лесников, дрова у нас отбирали. За несколько поленьев полагался штраф, за большое количество — тюрьма, и все же...

Проплыло по Иори последнее полено, прошли дровосеки, начались холода, морозы. Время военное. Холодно и голодно. Мужчин в доме нет, дрова заготавливать некому. И вот как-то одним пасмурным днем решились мы, я и мой брат, отправиться подальше, вверх по реке, в большой лес. Взяли с собой топоры и где только ни лазали, где ни ползали — вы просто не поверите! Изодрали в кровь и руки, и лица, и набрали столько дров, что унести, конечно, не смогли — нужна была по меньшей мере подвода. А где нам было взять ее? Да и



1935  
1033

разве посмели бы мы везти домой дрова на подводе! И тогда я придумал вот что: вечером, в сумерки, дров таскали мы наши дрова на берег мельничного канала. Хотели было сразу же спустить их по воде к нашим виноградникам, но к этому времени так стемнело, что мы не только дрова, но и воду с трудом могли различить. Отправились мы домой, измученные, ободранные, твердо решив вернуться за дровами до рассвета. Свалились за-мертво, заснули, и когда нам казалось, что еще и половина ночи не прошла, разбудила нас мама. Пока оде-лись, на дворе уже стало светать.

И вот, как я уже говорил, взбираемся мы на рас-свете в гору, бегом бежим. Мороз, деревья стоят все в инее. В туман вроде не должно быть мороза, но в наших местах бывает осенью такой вот туман, который так и называют «холодным»: придет, покроет все инеем (осо-бенно опасен этот «холодный» туман для виноградни-ков), принесет с собой и мелкие тусклые снежинки. Шел как раз такой мелкий тусклый снежок. Пришли мы к нашим дровам. Те, на которых с вечера осталась вла-га, обледенели: словно крупной солью, посыпаны льдин-ками, как огнем обжигают нам кончики пальцев. И все же мы с яростной быстротой сбрасываем их в воду. Бе-жим за ними по берегу с заранее заготовленными баг-рами. Несет наши поленья холодная, свинцово-серая, словно потяжелевшая от холода вода, если где за-держиваются поленья, мы их баграми подталкиваем. Радуемся собственной сметливости и ловкости, подбад-риваем друг дружку, — давай, Гиги, давай! — но вскоре канал попадает в заросли облепихи. Ветки свисают пря-мо в воду, корни тоже торчат из земли, а «шпалы», как на грех, все как одна устремляются к этим веткам и корням. Потрепыхаются немного и застревают вкривь и вкось. Напрасно тычем мы в них баграми. Напрасно орем друг на друга: — Да не так, дурак! Не так! — если и удастся сдвинуть какую с места — она в другом мес-те еще прочнее застревает. Гиги расплакался. Увидел я эти слезы — и бросился в воду. Вода мне почти до яго-диц достает. Я по одному выдергиваю поленья из зарос-лей и спускаю в свободную воду. Гиги уже в голос ре-вет: — Помрешь, вылезай, помрешь!.. — Не помру, нет, не бойся! Беги за ними! — А сам продолжаю выдерги-



вать дрова из зарослей и отдаю течению. Ни холода, ни ссадин не чувствую. Наконец миновали мы эти заросли. Но я так вошел в азарт, что не выхожу из воды. Бегу за поленьями и руками подгоняю их, словно отару овец гоню: — Хей! Хей! Хей! — Гиги плачет, кричит: — Помрешь! Помрешь! — Не помру, не бойся! — отвечаю я и бегу по воде, гоню дрова. Выскочу на берег, попрыгаю, немного, зажав руки под мышками, увижу, что какое-нибудь полено у того берега остановилось — и снова лезу в воду.

Так и бежал по воде до самых наших виноградников. Здесь течение было медленнее, но мне еще раз пришлось поднапрячься: нужно было успеть выбросить все дрова на берег. Гиги тоже собрался было лезть в воду, но я наорал на него: он и так осенью постоянно болел. — Не смей! Убью! — Успел. Выбросил на берег все поленья. Усадил на плечи Гиги, перенес на тот берег, к дровам. Теперь нам нужно было как можно быстрее перетаскать дрова в овраг. Если до этого я был мокрым только снизу, то теперь промок по самое горло. У Гиги тоже намокли рукава и грудь. И все же, несмотря на холод, лица у нас были в поту. Снесли в овраг последние поленья, завалили их сверху ветками, присыпали сухими стеблями травы и сухими листьями. Выбрались из оврага и так и обмерли от страха: на том самом месте, куда мы выбрасывали из воды дрова, стоит лесник Миха с длинным кнутом в руках; мнет он кнут в руках, словно размягчает его. Пустились мы наутек. — Ах, вы, разбойники! — погнался за нами с кнутом Миха. Долго гнался, но не догнал. Остановился, повернул назад и, сердито бормоча что-то, направился к оврагу.

Целый день не высывали мы из дому носа, тряслись при каждом собачьем лае. Прошел этот день, наступил следующий, прошел и он. Ну, думаем, видно, забрал Миха наши дрова и тем и ограничил наше наказание. В сумерки все же пошли посмотреть. Спускаемся в овраг и глазам своим не верим: дрова наши оказались на месте. Лишь тонкий слой снега припорошил сверху сухие листья...

Перевод Людмилы КРАВЧЕНКО



БЕСИКИ

## Черные дрозды

Два дрозда в черной клетке, эти черные двое,  
 Два дружка, однолетки, столь проворные двое,  
 Оба голосом чистым, пересвистом керива<sup>1</sup>  
 Сразу сердце умеют схватить за живое.

День весны двухголосым, звонким встретивши зовом,  
 Этим ирисам, розам и фиалкам лиловым,  
 Носят радостно вести о цветенье все новом  
 Двое в бархате черном, двое в блеске суровом.

Неразлучные вьются два старательных братца,  
 К одинокому сердцу все непрочь привязаться,  
 Озирают дорогу, непрестанно грозятся  
 И, вселяя тревогу, вперевой веселятся.

Приходите, решите, в чем их честь и заслуга!  
 Двое равных, чей траур — знак беды иль недуга,  
 Два нескучно поющих, два смеющихся друга,  
 Два манящих, зовущих, льющих слезы ашуга.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

<sup>1</sup> Керив — народный сказитель, певец.





# Б Е Р А

## РАССКАЗ

Весна!

Стоит только мне взяться за перо, как каждый раз невольно хочется начать повествование с этого слова. Есть в нем какая-то сила, кажется, что именно оно может лечь в основу рассказа, большого или маленького, веселого или трагичного, даже если события в нем происходят в другое время года: в разгар августа, в серую осень или же в середине зимы.

Зима долга.

Каждый ее день приближает нас к весне. И человека уходящего из жизни весной бывает особенно жалко, к тому же если жил он в Грузии, да еще в горах. Здесь ведь не бывает весна внезапной, как на равнинах, где, не успев наступить, она куда-то исчезает.

Весна в горах наступает иначе.

Сначала ее чувствует скотина, она так замирает подставляя спину солнышку, будто в ее жизни это самое большое блаженство.

Потом ее чувствуют горы; начинают сбрасывать себя снег, кашляют, прочищая горло, готовясь к перешептыванию с цветами.

День станет длиннее и потеплеет.

Проснется и наберет силу река.

Потом...

Вначале появятся почки на ивах, спустя некоторое время — на орешнике.

За ними, протирая глаза, проснутся и другие деревья.

Все пробуждается ото сна, вплоть до камней.

Пойдет дождь.

Все вокруг станет зеленым.

Временами опять будет идти снег, но этот снег уже достояние весны, это снег пернатых, он возвещает о том, что должны вернуться улетавшие зимовать в теплые края птицы.

Снег заменит цветущий белым цветом ткемали, затем вспыхнет яблоня, за ней груша, шиповник, и зацветут все деревья.

Воздух наполнится пьянящим запахом цветов. Весна войдет в силу.

Осторожно, шаг за шагом, будет она подниматься по узкому ущелью и, когда достигнет крепостной башни на окраине села Атнахи, именно в эти дни единственный главный герой этого рассказа Бера будет вести яростный бой.

Бера невысок, но плотен и широкоплеч. С головы до ног он увешан патронами, вокруг разбросаны пустые гильзы. Держа в руках берданку, он через смотровую щель вглядывается по ту сторону крепости.

Власти считают Бера своим противником, и поскольку попытки сельского начальства найти с ним общий язык не увенчались успехом, то уже почти три месяца преследуют Бера. Зимой поймать его не удалось, не удалось также подкупить горцев, сочувствующих Бера. С приходом весны, как только сошел снег, Торелич со своим отрядом стал действовать активнее. Отложив в сторону все дела, он вот уже десятый день как одержимый преследует Бера. Три дня назад он загнал его в эту крепость, и у Беры не было иного выхода, как закрыть изнутри ее ржавые ворота. Патронов у него было достаточно, а попадать точно в цель он умел. По этой причине Торелич со своим отрядом не осмеливался днем подходить близко к крепости. Но они окружили ее и перекрыли Бера все ходы и выходы.

Пока было светло, они наблюдали за крепостью, укрывшись за горами, ночью же переходили в атаку, но безрезультатно. Видимо, ночью Бера видел так же хорошо, как и днем, его выстрелы попадали в цель.

Торелич, конечно, надеялся, что у Беры в конце концов кончатся патроны, или же его доконают голод и жажда. Он не знал, что горцы все-таки ухитрились передавать Бера хлеб и воду: то у стен крепости в поисках пропавшей коровы бродил мальчишка, то ми-



мо проходила одетая в траур старушка, идущая навес-  
тить могилы близких.

Бера решил бороться до конца и не даваться живым  
в руки Тореличу. В то же время он размышлял, как бы  
отсюда выбраться.

Осада Торелича была основательной.

Ночами Бера не спал.

Днем было менее опасно, и он имел возможность  
вздремнуть.

С самого детства Бера рос непокорным, не любил  
подчиняться. И эту непокорность с новой силой разжег  
в нем сейчас дурманящий весенний ветер. Каждая вес-  
на наполняла его сердце какой-то неизведанной радо-  
стью. Зиму он не любил и всегда с нетерпением ожидал  
возвращения перелетных птиц.

Как обычно, пришла в горы весна, а Бера встре-  
чал ее в крепости-тюрьме. За ее стенами пела природа,  
бушевала жизнь, а в крепости по-прежнему лежал снег.

Торелич бодрствовал.

Не смыкал глаз Бера. И эту ночь он провел без  
сна, несколько раз разрядил ружье.

Стало светать.

Отряд Торелича удалился от крепости.

Бера заснул.

В углу у стены стояло ружье.

У ног валялись пустые гильзы.

Взошло солнце.

Бера в это время уже крепко спал.

Спал безмятежно, как в колыбели, будто рядом,  
оберегая его от недобрых глаз и злых ветров находи-  
лась мама, он же, чувствуя ее близость, спал спокойно,  
хотя матери давно уже нет на свете, и дуют злые, бес-  
пощадные ветры.

В крепости царило затишье.

Бера продолжал крепко спать.

Тем временем весна пришла и в крепость. С рассве-  
том прилетели две ласточки. Они стали приносить в  
клевую грязь и в углу крепости, как раз в том месте, где  
стояло ружье, строить гнездо.

Солнце переместилось.

Бера внезапно вздрогнул, открыл глаза и только  
потянулся за ружьем, как из дула его выпорхнула ла-

сточка. Вернее не из дула, а из гнезда, которое они строили над самым дулом. Бера попятился и стал смотреть издали. Ласточки, нисколько не смущаясь, продолжали трудиться, о чем-то между собой щебеча.

Глядя на них, Бера вспомнил детство, с просветленным лицом смотрел он на гнездо, сооруженное на дуле ружья.

Бера привстал. Осмотрел из своего наблюдательного пункта окрестности. С горы на гору перебегали люди из отряда Торелича, по-видимому, готовились к решающему нападению. Несколько раз они выстрелили в воздух, и не услышав ответного выстрела, осмелели еще больше.

Бера шагнул к ружью и замер, как громом пораженный: ласточки испуганно выглядывали из недостроенного еще гнезда. Он долго смотрел на них, не зная, как поступить: взять ружье и достойно встретить Торелича, или же не тревожить ласточек, строивших гнездо, о котором они, кто знает как мечтали в дальних странах!

Смеркалось.

Воспользовавшись тишиной, ласточки вновь приступили к работе.

Наступила ночь.

На крепость градом посыпались пули.

Бера сидел и думал, как выбраться из создавшегося положения.

Он надеялся, что выломать ворота им не удастся.

Лезть на стену они скорее всего не рискнут, по крайней мере этой ночью, а завтра, возможно, удастся известить сельчан, и они смогут передать ему украдкой ружье.

Надо было пережить эту ночь.

Вновь раздались ружейные залпы, все ближе и ближе.

Стреляли и потом прислушивались, последуют ли ответные выстрелы.

В такие минуты становилось тихо. И начинали щебетать в своем новом гнезде ласточки.

Раздавался выстрел, и они тут же замолкали.

Так продолжалось до полуночи.

В полночь Торелич, осмелевший молчанием Беры,



распорядился приставить с четырех сторон крепости высокие лестницы.

Тускло светила луна.

Бера увидел, как приставили к стене лестницу, и приготовился к рукопашной. Откуда было ему знать, что Торелич подставил такие лестницы с четырех сторон.

Напуганные шумом, в гнезде приподняли головы ласточки.

Раздался выстрел и, глухо вскрикнув, Бера упал навзничь.

Ласточки спрятались в гнезде.

Вот так пришла в горы весна, которую так по-разному понимали Бера и Торелич.

Тускло, едва светила луна.

Перевод Елены БАРАТАШВИЛИ



## КНИЖНЫЕ НОВИНКИ «МЕРАНИ»

АМИРЭДЖИБИ Ч. Дата Туташхиа. (Пер. с груз. ав.). Тбилиси, 1988, 736 с. 200 000 экз. 3 р. 80 к.

ЧХИКВАДЗЕ В. Воздушный рейс. Стихи (Пер. с груз.). Тбилиси, 1988, 75 с. 1 000 экз. 35 к.

## «АЛАШАРА»

ЗАНТАРИЯ В. ...И мир оскудеет, когда мы уйдем. Стихи (Пер. с абхазского). Сухуми, 1988, 72 с. 1 000 экз. 40 к.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАРТА САСРЫКВЫ И ЕГО ДЕВЯНОСТА ДЕВЯТИ БРАТЬЕВ. (Пер. с абх. Г. Гулиа, В. Солоухина). Сухуми, 1988, 260 с. 50 000 экз. 85 к.

## Гимн солнцу

За озаренье,  
жизни явленье  
и за сверканье,  
за сердца искреннее горенье  
и трепетанье,  
за утра каждого дня рожденье,  
за золотистых дождей паденье  
и за боренье-светотворенье  
с драконов тучей, чернолетучей,  
за кровь — потоки в горах далеких —  
восток ли, запад, —  
восторг внезапный  
твоей улыбки,  
за злые сшибки  
с тьмой безразличья,  
за — без различья —  
для всех отличие  
спасибо, солнце!

## Чернила поэта

Брошу перо я:  
чернила поэта —  
кровь моя, слезы —  
все уже вышли...  
Эй вы, счастливицы!  
Слышите это?  
Где-то вы рядом,  
где-то вы слышны.  
Ну-ка скажите,  
чем вы писали?  
Что вас томило,  
что вдохновило?  
Не говорите!  
Знаете сами,  
цвета какого  
ваши чернила.



# Упрек



Только в одном упрекну тебя, мать...  
Ты дала мне и речь, и плач.  
Почему не учила смеяться?  
Нынче кругом слышен смех,  
и для всех  
навыки эти годятся.  
А я не умею смеяться,  
и если порой засмеюсь,  
то краснею:  
смеяться ведь не умею,  
как все другие...  
Как все смеются красиво!  
Отчего смеются они?..

## Пиросмани и Грузия

— Кто это? Мама?

— Да, мой сыночек!

Еле нашла здесь, в подвальных глубинах,  
чтобы от смерти спасти этой ночью.

Вот и спасла тебя,  
мальчик любимый!

Встань же — и к дому, без промедленья!  
Где пропадал ты так долго,  
сыночек?

— Да, я пропал, я пропал в те мгновенья,  
что рисовал твои синие очи.

Чтобы добыть эту краску, я понял,  
должен подвал был наполниться сажей...

Пьяный, — все черные в саже ладони —  
от красоты твоей прятался даже.

В дни, когда камень мне был изголовьем,  
мрачные сны стерегли мои мысли,  
где ж ты была со своею любовью?..

— Я не была... не была я в Тбилиси.

Перевод Ирэны СЕРГЕЕВОЙ

Ирэна СЕРГЕЕВА

## Зима в Тбилиси

Мне для сердца зима — как весна.  
Снег на крышах лежит и не тает.  
Я, Тбилиси, тебе принесла  
белизну, что всегда не хватает.  
Черных древних теней не хочу,  
черных мыслей и черных поступков.  
Я доверюсь зиме, как врачу,  
что лекарство растер в этой ступке  
мне для сердца...

зима — как весна.

\* \* \*

Г. Н.

Ты соскучилась по снегу?  
На! Дарю!  
Снег тбилисского разбега  
к декабрю.

Белизна его притворна,  
как всегда.  
Не весна, но он весь черный,  
он — вода.

Не беда, что смотрят льдинки  
звездных глаз.  
Все ж в кудрях своих сединки  
ты закрась.

\* \* \*

Тот, кто теряет ноги,  
может на скрипке играть.  
Тот, кто теряет руки,  
может полы натирать.  
Может лежать спокойно  
тот, кто теряет жизнь.  
Тот, кто теряет совесть,  
может спокойно жить?



# РАСПЛАТА

РОМАН

— Сдается мне, ты уже не надеешься, Парсадан..

— Не сердчайте. Не хотел бы, так не брался бы, кто меня неволил? Скрытный они народ, не любят, когда суют нос в их дела. А потом, сами знаете, головой рискую, коли почуют что — не пожалеют, прихлопнут.

Разговор был бесплодный, и Мигриаули прекратил его.

По дороге в Управление он все думал о парне, что ходил обедать в эту столовую. Парсадану, директору столовой, он казался подозрительным. Дня три назад парень принес Парсадану бриллиант, предлагал купить. Парсадан, уверявший, что знает толк в драгоценных камнях, сказал, — цены нет тому бриллианту. Покупать его, однако, не стал, хотя парень за бесценок отдавал, поостерегся, не сомневался, что бриллиант краденый, а он уже отсидел три года за скупку краденых вещей.

«Парень в самом деле подозрительный. Откуда у него столь ценный камень? — думал Мигриаули. — Сообщение Парсадана представляет интерес, и стоит поподробней разузнать об всем. Но и сам Парсадан еще тот тип. Похоже — хитрит, кривит душой».

Мысли Мигриаули невольно перекинулись на Зураба Хидурели, на похищенный у него редкий бриллиант.

Не тот ли самый, что предлагали Парсадану?..

\* \* \*

И Зураб Хидурели в это утро раньше обычного вышел из дома. Он сел в свою «Волгу» и минуту спустя уже катил по затененным деревьями улицам.

Окончание. Начало см. в № 10.

Зураб выехал на проспект, почти безлюдный в этот час — не было и восьми. У нового здания Дома техники Зураб увидел инспектора Мигриаули, остановил машину, окликнул:

— Здравствуйте, батано Джуаншер! Садитесь подвезу...

Мигриаули подошел к машине, поздоровался и, колебавшись, открыл дверцу, сел рядом с Хидурели.

— В Управление?

— Да, конечно, — Мигриаули непроизвольно задержал взгляд на лице Хидурели, подумав: «Красивое благообразное, с темными глазами под высоким лбом, с аккуратным прямым носом, оно кажется благородным, а выражение такое — вот-вот кинется в схватку и разорвет противника!» Но тут лицо Хидурели осветила улыбка, обнажив белизну зубов.

— Как идут дела? Выполняете ли план по арестам? — со смехом поинтересовался он. — Непонятный вы народ, работники милиции! Ловите и ловите людей, осуждаете, сажаете, неужели не жалеете человека, отправляя его в тюрьму? — Последние слова Хидурели произнес серьезно.

— А как вы согласуете вашу жалость с желанием покончить с преступлениями, избавить вас от грабителей и убийц?

— Да, верно, мы хотим, чтоб их не стало, но вы-то, — Хидурели снова перешел на полушутливый тон, — вы-то без дела останетесь, без куска хлеба!

— О, лишь бы настал счастливый день, когда их не станет! — Мигриаули тоже улыбнулся.

— Ну, а серьезно, много ли у нас преступающих закон?

— И много, и мало.

— Ответ, достойный софиста.

— Каждое преступление свидетельствует о несовершенстве и общественной жизни, и нашей работы.

— Следовательно, плохи у вас дела! Надеяться на то, что преступлений станет меньше, не приходится.

— Между тем даже одно преступление — острый сигнал для нас.

— Преступления совершают люди, потерявшие цель в жизни, — заметил Хидурели.

— Представьте, не чураются преступных действий



и те, что имеют и кров, и семью, и даже благоденствуют.

— Да, рушится порядок, конец света грядет, — патетически изрек Зураб и такую скорбь изобразил на лице, словно все бремя мира лежало на его плечах.

— У вас все в порядке? — невольно спросил Мигриаули.

— Эх, лучше не спрашивайте, нечему радоваться...

Мигриаули незаметно, но пристально изучал лицо Хидурели. Странное производило оно впечатление. Черные, непроницаемо темные глаза вызывали недоверие к его улыбке и вообще к нему самому. В который уже раз видит он его — всегда одет со вкусом, элегантно, подтянут, даже изыскан, улыбчив, доброжелательно вежлив, но что-то отвращало от него, фальшь ощущалась в нем. Нет, не располагал он к доверию. Не прост он, совсем не прост. Что заставило его, тогда у ресторана, подойти к Мигриаули? Зачем он намекал на соучастие в преступлении работников ресторана? Что у него за связь с Бадур? Если тривиальная близость, почему он рванулся от них, завидев Бадур? Неожиданно исчез. Правда, потом извинился, когда пришел к нему в милицию сообщить, что его грозят убить, но ведь и тогда не объяснил, почему отошел от них так внезапно. Что его тогда испугнуло? Вероятно, он или оба они с Бадур знают о том случае нечто, что пытаются скрыть. Двоедушный человек этот Хидурели, хитрый и коварный...

— Трудная пошла жизнь, не то что жить, пальцем не шевельнешь свободно, бесконтрольно, шага не делаешь, следят, наблюдают, так и стараются залезть в душу, пошарить руками, дознаться, чем живешь, чем дышишь...

Мигриаули опешил — не ясновидец ли этот Зураб Хидурели? Как он прознал про его мысли!

— Не думайте, что я убиваюсь из-за бриллианта! В конце концов бриллиант — блестящий камушек и никакой материальной ценности для меня не представляет. Для меня он — память об отце, о дедах моих и прадедах, не одно поколение хранило его. Вот что меня подкосило...

Проговорив это, Зураб потер рукой затылок, как бы сбрасывая непосильную ношу, и глубоко вздохнул.

А через минуту спросил благожелательным тоном, по-приятельски:

— Чем кончилась та история с выстрелом у «Самадло», нашли преступника? Я наслышан о вашей работе, и я почитатель вашего профессионального таланта, потому и спрашиваю, собственно. Хочу помочь, если еще не поймали негодяя. Неприлично, некрасиво выдавать человека, и мне это претит, но интересы общества... Когда ратуешь за общественные интересы... Не прощу себе, изведусь, если не помогу, коль это в силах... Мой долг — указать вам путь, который приведет к цели.

— Вам известно что-либо конкретное? Знаете, как найти стрелявшего?

— Не совсем определенно, но... Кое-кто из «Самадло» знает, а кто именно, вам укажет дворник Азиз, он убирает ту улицу, где ресторан, и в ресторане — свой человек, всегда поблизости околачивается. Я часто там обедаю и давно приметил его. Думаю, и он знает, кто я, но, что странно, почему-то смотрит неприязненно. Не удивлюсь, если выяснится, что ему известны и те, кто пробрался в мой дом, ограбил и грозит убить... Припугните его, и он все выложит как на духу, укажет на причастных к преступлению лиц.

Мигриаули с все возрастающим удивлением слушал Зураба Хидурели. Слова его звучали правдиво, может, и стоило послушаться его совета, но из темной глубины его глаз тянуло холодом и жестокостью.

И еще — поразительно, как запросто и незаметно перешел его собеседник на свойский, приятельский тон.

— Виноват я, Джуаншер, перед вами, — продолжал Хидурели, — не первый раз общаемся, а должного внимания я еще не проявил. Непростительно мне это, право, я никогда не забываю истину: рука руку моет, а обе вместе — лицо. В долгу я перед вами, инспектор, но не все потеряно, еще не поздно, — Хидурели выразительно улыбнулся.

Мигриаули оторопел от подобной наглости. Промолчал, решил не обрывать его, дать выговориться.

— Разве я не прав? Не вы, Джуаншер Мигриаули, единственный мой друг в милиции! У меня достаточно близких людей в Управлении, и они не могут пожаловаться на отсутствие внимания с моей стороны.

«Пожалуй, хватит», — возмущенно подумал Мигриаули и сказал:



— Рад за вас. Остановите вот тут, у перекрестка, я почти доехал, мне сигареты надо купить. До свиданья.

Хидурели был доволен, очень доволен собой. «Я ничего ему прямо не сказал, а понять дал, намекнул достаточно прозрачно. Ключет — отлично, будет ручным, а нет, выверну свои слова, как заблагорассудится».

\* \* \*

Зазвонил телефон.

Мигриаули взял трубку.

Инспектору сообщили о взломе магазина.

Мигриаули перезвонил Темуру, который тоже дежурил в этот вечер, и, быстро собравшись, спустился во двор.

На Батумской улице, где произошел взлом, машина остановилась возле толпы любопытных, запрудившей тротуар перед магазином.

Люди что-то восклицали, спрашивали, негодовали — всем хотелось разузнать, что тут случилось, но в гуле голосов ничего нельзя было разобрать.

При появлении милицейской машины шум мгновенно стих.

— Прошу отойти от магазина, — распорядился невысокий милиционер с темными усиками. — Освободите тротуар, отойдите!

Подъехали криминалист и врач-эксперт.

К Мигриаули подошел сержант милиции и доложил, что позвонил, как только сообщили о взломе.

— В магазин никто не входил?

— Нет. Но внутри, возможно, есть раненые или убитые.

— В таком случае начнем осмотр изнутри. — И Мигриаули обратился к криминалисту: — Батоно Александр, осмотрите замок, побыстрее, пожалуйста, дорога каждая минута — внутри может оказаться раненый.

Александр живо сделал несколько снимков замка, осмотрел его и уверенно заявил:

— Никаких признаков взлома нет. Входите.

Джуаншер и сам видел, что замок не поврежден.

В магазине было темно.

Александр осветил фонарем стены и, найдя выключатель, зажг свет.

Внутри с внутренней стороны была занавешена

грубым холстом. На прилавке грудой навалены всевозможные ткани. У двери, ведущей из торгового помещения в служебное, Джуаншер заметил широко расплывшееся темное пятно, которое тускло отсвечивало в электрическом свете.

Он осторожно открыл дверь, и страшная картина предстала его взору.

На полу, распластавшись, лежал здоровенный мужчина, напоминая поваленный дуб.

— Это продавец, я знаю его, — воскликнул сержант, стоявший за спиной Мигриаули.

— Осмотрите его поскорей, — обернулся Джуаншер к врачу.

Лежавшего в крови человека сфотографировали со всех сторон, потом осмотрели.

— Жив он! — радостно воскликнул врач.

Облегченно вздохнул и Мигриаули.

— Но он в очень тяжелом состоянии. Потерял много крови, и жизнь его в опасности.

Мигриаули обыскал карманы раненого, все их содержимое выложил на стол и разрешил увезти его.

— Темур, ты поедешь с раненым, одежду опечатай, ни на шаг не отходи от него, может, он сможет говорить.

Врачи «скорой» перевязали продавцу рану и увезли в больницу.

Мигриаули вместе с криминалистом принялись обследовать магазин.

Особого беспорядка они не обнаружили. Под прилавком валялись темные очки от солнца, импортные, и кепка из букле кустарного пошива. Никаких других личных вещей не нашли.

Криминалист сфотографировал их.

Граждане, приглашенные в качестве понятых, внимательно наблюдали за оперативниками.

Составили акт. Покончив с осмотром магазина, Мигриаули вышел на улицу расспросить все еще толпившихся там людей — среди них могли быть очевидцы происшествия.

Джуаншер оглядел людей вокруг и громко спросил:

— Кто из вас мог бы сообщить что-либо о том, что тут произошло, кто готов помочь нам?

Никто не отозвался.



— Если кто хочет сообщить нам подробности, но опасается кого-нибудь, прошу зайти ко мне в Управление.

И все же Мигриаули обратился еще к одному человеку — хилому старику, которого тянуло вступить в разговор с инспектором — это чувствовалось по его нервозным движениям.

— Я слышал, как грянул в магазине выстрел, не покойник же я, чтоб не слышать. И другие жильцы в доме слышали, только прийти сюда не решились, в доме всего-то пять семей, молодые да крепкие — кто в армии, кто еще куда уехал, а старики вроде меня — слабые, немощные, на что мы годимся?! — Мигриаули оглядел старика: щедушный, иссохший, лицо — восковое, кожа истончилась, пожелтела. — Я пошел к управдому, говорю ему, Капитон, в магазине что-то неладное, пошли глянем, а он напустился на меня — ты что, говорит, из ума выжил, я пока жить хочу, чего ради к хулиганам полезу? И тут крик донесся, и все мы, соседи, ужаснулись и тогда-то бросились сюда.

Рядом со стариком стоял другой, тоже худосочный, с впалой грудью. Он слушал и согласно кивал, перебирая четки.

— И вы из этого дома? — спросил его Мигриаули.

— А откуда еще! Кто же не знает — тут родился, тут и состарился.

— Вы можете добавить что-либо к рассказу вашего соседа? Что за шум донесся из магазина?

— Выстрел и я слышал, да разве б подумал, что в магазине человека убивают?! Шум стоял, драка была, верно, а потом крик всполошил нас, тогда-то и прибежали мы сюда.

В этот момент появился сержант, куда-то исчезнувший перед этим, и подвел к Мигриаули неказистого мужчину с желтоватыми глазами и граблевидными усами.

— Этот гражданин готов сообщить вам что-то, товарищ инспектор.

— Как ваша фамилия?

— Охотно скажу, батона, чего мне скрывать, — сказал тот и зашарил по карманам, как будто в них хранил сведения о себе. Достав из кармана очки, он водрузил их на нос и только тогда сообщил: — Я Соломон Исаакович Гогоберидзе.

— Слушаю вас. Что вам известно о происшествии?

— Дочка моя в кино собралась, когда выходила, сказала, в восемь начинается, бегу, а то опоздаю. Не много погодя я тоже вышел прогуляться, людей на улице почти не было, шел себе тихо, никуда не спешил, у магазина увидел черную «Волгу».

— Кто-нибудь сидел в машине? Не заметили? Номера машины не запомнили?

— Нет, не заметил, не к чему мне было приглядываться... Если б знал, что для темного дела заявились окаянные. Весь вечер отравили, никак в себя не придду, так переполошился, так напереживался, боюсь, до утра не дотяну. — От волнения мужчина нервно переминался с ноги на ногу. — Разрази их бог, чтоб им света белого не видеть! Ужас какое преступление! О господи, не уснуть мне теперь... — Он вздохнул и отошел в сторону, уступая место соседу.

— Я Моше Коган, — представился тот инспектору. — Так вот... пролетели они мимо, чуть с ног не сбили — растоптали бы, сволочи; а я до того ошалел от неожиданности, закричать и то не сразу закричал, — торопился объяснить Коган. — На моем месте и вы бы потеряли голову. Что это творится с молодыми, совсем с ума посходили!

— В котором часу это было, не припомните?

— В половине десятого кончилось кино, мы с женой пешком пошли домой, приятно было на улице после дождя. Вон у того дома жена остановилась, прошу прощения, чулки поправить, а я пошел дальше, и вот тут они выскочили из магазина!

— Вы узнали бы их?

— Один был высокий, рябой, — Коган закурил, затянулся. — К вашему сведению. я сам борюсь со всяческим безобразием, не такой я человек, чтобы, закрыв глаза, проходить мимо... Попались бы мне негодяи, своими руками... — Он запнулся.

Мигриаули безотчетно вперил взгляд в серебряную булавку на галстук Когана, тот отвел глаза.

— Вижу, не верите, думаете, что не все вам сказал или не до конца. Очень уж неожиданно случилось, понимаете... Человеку не упомнить сразу всего.

Коган ответил еще на ряд вопросов инспектора и вышел из магазина раздраженный, даже не попрощался.



— Ну что? — нетерпеливо спросила его жена, когда он подошел к ней — понурый, сцепив руки за спиной.

— Тоже мне инспектор! — желчно бросил он. Мери Коган сама подошла к инспектору.

— Окажись в тот момент на месте моего мужа, и вы бы растерялись, батоно, не сообразили б, что делать.

— Я нисколько не порицаю вашего супруга, он показался мне честным и порядочным.

— Так оно и есть, так оно и есть, — просияла женщина, и глаза у нее заблестели от слез. — У меня хорошая семья. Муж на редкость скромный человек, деликатный, сомневаюсь, найдется ли другой такой на свете, ой, извините, отнимаю у вас бесценное время... — Женщина умолкла, вытерла платочком нос. — Думаю, я бы вообще не заметила их, если б Моше не закричал. Пока я бежала к нему, двое мужчин пересекли улицу и сели в «Волгу». Один из них был длинный, крупный.

— Узнаете их, если встретите?

— Высокого точно узнаю.

Женщина с довольным видом вернулась к супругу и высказала свое мнение об инспекторе:

— Удивительно культурный человек! Не пойму, чем он тебе не понравился? Что значит воспитание! Я с одного взгляда определила, что он из хорошей семьи.

\* \* \* \* \*

Мигриаули вернулся в Управление за полночь. Усталый, он опустился в кресло, незаметно вздремнул. Разбудил его вошедший в кабинет заместитель начальника отдела угрозыска майор Борис Алания.

Мигриаули встал, отдохнуть не удалось, но нервное напряжение спало.

Появление Бориса Алания в этот час ничуть не удивило Мигриаули, наоборот, он бы удивился, если б тот не поинтересовался ходом дела.

— Что нового, Джуаншер, что там случилось?

— Установить пока ничего не удалось, магазин не взломан, продавец ранен, вероятно, его пытались убить.

— А не симулировали ли нападение, прикрывая этим хищение?



— Нет, не думаю. В продавца стреляли. Его в тяжелом состоянии увезли в больницу.

— Что сказал врач, выживет?

— Не знает, сказал, что пострадавший потерял много крови.

— Неужели не обнаружили ничего такого, за что удалось бы зацепиться?

— Кроме кепки и солнечных очков, ничего не привлекло внимания, но и они, возможно, принадлежат не преступникам, а кому-нибудь из работников магазина. Утром выясним. Если верить очевидцам, нападение совершили сразу после закрытия магазина, когда там оставался один человек, тот, что находится сейчас в больнице. Очевидцы происшествия — обитатели соседнего дома — уверяют, что у магазина стояла черная «Волга», и двое мужчин, надо думать, преступники, выскочив из магазина, сели в машину и укатили. Номера машины они, разумеется, не запомнили.

— Черная «Волга?».. — Алания задумчиво прижался лбом к оконному стеклу. — Хочешь, поднимись ко мне, я покажу тебе нашу «коллекцию», может быть, откопаешь для себя что-нибудь полезное...

Кабинет майора всегда поражал завидным порядком. Стол не был завален бумагами, на гладкой поверхности выделялась пепельница из желтого мрамора.

— Садись, пожалуйста, — с хозяйским радушием предложил Алания. — Если не возражаешь, поделюсь с тобой кое-какими соображениями, плодами, так сказать, своего опыта. Я несколько дольше тебя в этой системе, словом, бывалый человек, как говорят. Вреда от моих советов тебе не будет.

Алания отпер массивный сейф и извлек из него толстый, объемистый журнал.

— Этот журнал, правильнее сказать, альбом, содержит отчет о деяниях наших клиентов и их фотопортреты, — ухмыльнулся майор. — Вот, полюбуйся: этот известен как алкаш и неисправимый жулик, мастер драть. Недавно смертельно ранил человека во время драки и скрылся. Разыскивается... Этот парень месяца два назад вернулся из заключения. Всмотрись в его глаза — взгляд гиены! А вот этот лет десять назад убил жену, месяца нет, как вернулся из дальних мест. Еще один — профессиональный игрок — уже протирает штаны на



тюремных нарах. Разве допустишь мысль, встретив его на улице, что он рецидивист? Джентльмен, да и только. Своей приятной внешностью он и располагает к себе честных людей и постепенно затягивает их в сети. Потом его жертвы диву даются. не верят, что он мерзавец, подлец...

С фотоснимка на Джуаншера смотрел элегантно одетый молодой человек с серьезно-задумчивым лицом.

— Джумбер Дэвидзе!

— Его судили за кражу. Сейчас он на свободе, но из поля зрения мы его не выпускаем.

— М-да! — хихикнул Мигриаули неопределенно, пристыв глазами к фотографии. Не укладывалось в голове услышанное о Джумбере.

— А почему вы продолжаете следить за ним? Отсидел парень, исправился...

— Именно потому, что побывал в тюрьме! Отсидел, а не похоже, что исправился. Опять с ворами знается. А главное, он фактически беспризорный. Одинок, не работает, считаться ни с кем не хочет. Сам себе хозяин, а в голове — ветер, на все пойдет... За подобными субчиками нужен глаз да глаз и за малейшую провинность надо наказывать строже, чем других.

— Но это противозаконно! В нарушении закона истоки всех человеческих бед! Жертва беззакония озлобляется и ополчается против всего общества, а представитель правопорядка, поправший закон, толкает его на новые преступления, — возразил Джуаншер.

— Представитель закона сознательно закона не попирает, а от случайной ошибки никто не застрахован, — пробормотал майор. — Работник милиции должен идти на риск.

— Нет, лучше сто раз взвесить все, а потом уж принимать решение. Человек невиновен, пока не доказана его виновность.

— Не согласен с тобой! Зачем мне ломать голову, доказывая, что он виновен, пусть сам докажет, что невиновен, — вспылил майор, но тут же подавил свой неуместный порыв.

— Служитель закона должен обладать высокой нравственностью. Вряд ли вам понравится, если вам припишут несовершенный проступок, незаслуженно покарают. Опорочить честного человека значит опорочить

закон, правосудие. Вы отлично знаете, как легко допустить ошибку в нашей работе и как трудно ее потом исправить. Зря считаете, что, несправедливо осудив человека, достаточно потом признать его невиновным и, извинившись, выпустить на свободу. А чем и как искупить причиненные ему душевные муки? Чем компенсировать нанесенный ему моральный урон? И все из-за беззакония.

— Мне думается, что ты не выдержишь работы в органах, уж слишком нежная, хрупкая у тебя душа. «Не допускать ошибки!» — это сказать просто! Хотел бы знать, кто рискнет сказать, что он застрахован от ошибки, что он никогда не допускал и не допустит ее!

— Разум человека должен одолеть, искоренить равнодушие, безразличие как источник безнравственности, злодейства.

Спокойный, уверенный тон молодого инспектора подействовал на Алания, и он не возражал, понимая, что это бесполезно.

— Скажите, кстати, а среди тех, кого вы держите под наблюдением, как подозрительных лиц, нет ли Зураба Хидурели — заместителя директора медицинского НИИ?

— А на что он вам? — насторожился майор.

— Меня интересует, что вы знаете о нем.

— Как вас понять? Что насторожило вас в человеке, который занимает ответственную должность?

— Его непонятный интерес к делу, которым я занимаюсь и..

— Забудь о нем! Все равно ничего не узнаешь, а могущество его безгранично.

— В самом деле?

— Лично я не имею чести знать его близко, но, если верить некоторым работникам Управления, он не только всемогущ, но и умен. Мой совет, как другу, обходи его стороной, не навлекай на себя ни его гнева, ни гнева его друзей. Есть люди, от которых надо держаться подальше. Умный человек проявляет в делах гибкость и благоразумие.

— Иначе говоря, идти на поводу у других, прислушиваться к чьим-то мнениям.

— Как бы твоя самостоятельность не обернулась против тебя, не повлияла нежелательным образом на



карьеру. Твоя смелость и категоричность объясняют-  
ся молодостью и только потому простительны.

— Ваши рассуждения не изменяют моего отношения к делу — преступление должно быть раскрыто и преступник наказан... Жаль, мне все представлялось иначе...

И, не дожидаясь, как откликнется на его слова майор, Мигриаули встал и быстро вышел из кабинета.

\* \* \*

В отвратительном настроении вернулся к себе Мигриаули после разговора с начальником.

Было над чем подумать.

Положение у него сложное. Он ни на шаг не продвинулся в расследовании преступления у ресторана «Самадло», а уже свалилось новое — то ли ограбление магазина, то ли просто попытка убийства... А еще этот непонятный Зураб Хидурели... Кому нужна его смерть? Почему преступник не довольствуется бриллиантом? А сам Хидурели, сдается, озабочен не столько своей судьбой, сколько происшествием у ресторана. Тут что-то кроется, но что?.. Только не терять голову... Чем сложнее положение, тем хладнокровней и рассудительней надо быть. Возбужденный ум и растрепанные чувства — плохие советчики... Почему Хидурели тревожит история у ресторана? А если допустить, что он знает стрелявшего и пытается выведать, что нам известно? Бриллиант украл не вор-гастролер — это ясно, он побоялся бы проникнуть в дом во второй раз... А преступление в магазине? Откуда у грабителей черная «Волга»? И что они, собственно, похитили? Как будто ничего... Подождем, что скажут потерпевшие. Оба. Если им знакомы стрелявшие и они не побоятся выдать их... Посмотрим...

Мигриаули сопоставлял в голове эти преступления, стремясь найти нечто общее, что позволило бы их как-то связать воедино.

\* \* \*

Вид у Темура Саралидзе, когда он появился у Мигриаули, был измученный: глаза запали, лицо осунулось. Он сутки провел в больнице, ожидая пока раненый про-

давец придет в себя и будет в состоянии ответить на его вопросы.

— Сведения самые скудные, Джуаншер. В магазине внезапно ворвался человек в маске. Продавец не растерялся, схватил его, но не справился — неизвестный был вооружен. Он ударил продавца по голове и оглушил, а что было дальше, потерпевший не помнит.

— А почему продавец один был в магазине? Где были директор и продавщица?

— Директор уходит раньше, не остается до закрытия, а тут еще мать умерла у него, и он ушел часов в пять, продавщица еще раньше отпросилась к врачу.

— Значит, зря мы надеялись на помощь продавца...

— К сожалению, это так.

— В маске и знакомого трудно узнать, да еще в подобной ситуации, а что говорить о незнакомце, — Мигриаули прошелся по кабинету. — А ты не допускаешь мысли, что про маску он сочинил, не желая опознавать бандитов — из страха перед ними.

— Если находишь нужным, я допрошу его еще раз.

— А кепка чья, не спросил? И очки...

— С его копной волос эта кепка и полголовы не прикроет, а очки он не носит, ни от солнца, ни обычные, у нас, говорит, в роду понятия не имеют об очках — зрение у всех кошачье.

— Кепка по заказу сшита...

— Придется выяснить, где она сшита. Это несложно. Побываем во всех мастерских, мастер всегда узнает свое изделие. Жаль, много времени придется потратить, конечно.

— Ну и что? Весь город обойдем, но отыщем мастера, а он наверняка вспомнит заказчика... Ладно, займемся этим завтра, а сейчас пора домой. Рабочий день кончился, а судя по твоему лицу, тебе не мешает хорошенько отдохнуть.

Они вместе вышли на улицу.

\* \* \*

Преступления, совершенные у ресторана «Самадло» и в магазине, ничем друг на друга не походили, но Мигриаули интуитивно чувствовал, что некая связь между ними имеется. В случае с ~~Мигриаули~~ Мигриаули Подадзе труд-



но было обвинять Бакура — во время злополучной драки они находились слишком близко друг от друга, ну, а ведь, как показала экспертиза, летела со значительного расстояния.

«Надо еще раз побывать в ресторане, — подумал Мигриаули и взглянул на часы, — как раз обеденный перерыв, заодно и пообедаю. Схожу в «Самадло» прямо сейчас и осмотрю все повнимательней, поговорю с Бадур — а вдруг да выведаю что-нибудь о тех ребятах и об этом Зурабе Хидурели. Она хорошо его знает...»

Вспомнилась инспектору последняя встреча с Хидурели, когда тот подвез его на своей машине. Просто поразительно, у человека похитили фамильные драгоценности, среди них уникальный бриллиант, без которого он жизни якобы не мыслит — память об отце! — а мысли его заняты преступлением у ресторана! Волнуется — поймали ли преступника! Не исключено, что Хидурели знает его.

Мигриаули вышел из Управления и пустился по уходящей вверх улице к «Самадло».

Войдя в зал, он внимательно осмотрелся и занял столик, который обслуживала Бадур.

В зале ее не было. Джуаншер выждал и заинтересовался у другого официанта, скоро ли она подойдет, тот сказал, что она отлучилась минут на десять, и предложил пересесть за его стол.

Джуаншер вышел из ресторана.

Осмотрелся.

«Вот там произошла драка. Допустим, затеявший ссору Бакур стрелял в Эмзара, но ведь его приятели не могли узнать это в тот же миг, почему же они сразу разбежались? Не стрелял ли кто-то со стороны? И распугал дравшихся... Допустим, что так. Откуда он мог выстрелить, оставаясь незамеченным? Там высокий забор. А что за ним? — Подошел ближе, заглянул за забор. — Нет, отсюда стрелять несподручно... А с этой стороны — пустырь, нет, преступник наверняка стрелял не отсюда. Пуля летела сверху вниз». Недалеко от улицы вилась тропинка к трехэтажному дому, перед которым был сад, захиревший и зачахший с появлением здесь ресторана, сейчас он являл собой мусорную свалку, заросшую бурьяном.

Мигриаули медленно пошел по тропинке, кото-

рая, обогнув сад-свалку, уводила вниз к кустарнику. Внимательно оглядываясь вокруг, он увидел вдруг, к своему удивлению, Бадур. Неожиданная встреча с инспектором в этом месте очень смутила ее. И, скрывая смущение, она вымученно улыбнулась, но улыбка не получилась.

— Здравствуйте, Бадур! Вот вы, оказывается, где, а я ждал вас в зале.

Женщина скрестила руки на груди и нервно спросила:

— Что вам от меня нужно?

— Не узнаю вас, Бадур, веселую, жизнерадостную, — Мигриаули заглянул ей в глаза.

— И у меня может быть плохое настроение.

— Обидел кто?

— Пропустите, пожалуйста, мне некогда...

Мигриаули посторонился.

— Проходите, я не задерживаю вас, — сказал он, улыбнувшись, но понял — сегодня ничего от нее не добьется. Она, конечно, убеждена, что он искал ее, выслеживал и потому спускался по этой тропинке. Оттого и испортилось у нее настроение. Спугнул ее... Интересно, что она делала в этом уединенном месте? Он поглядел ей вслед. «Она что-то знает и тщательно скрывает какую-то тайну...» — заключил Мигриаули и зашагал вниз по улице.

\* \* \*

Мигриаули шел и чувствовал, как у него портится настроение. Неудачное посещение ресторана почему-то лишило его уверенности в себе. В глубине сознания, как червь, зашевелилась мысль, что не по плечу ему расследование этого преступления. Нет, нельзя поддаваться унынию. Надо взять себя в руки. Уверенность в себе — единственный залог успеха. Зря он отправился в ресторан. Лучше еще раз спокойно сопоставить имеющиеся сведения по этим двум преступлениям и обсудить их с Темуром. Отдохнуть, успокоиться и со свежей головой...

Размышляя так, Мигриаули достиг улицы Энгельса, и тут как из-под земли перед ним возник Зураб Хидурели, будто ожидал его. Уж не шел ли он за ним — оттуда, из ресторана «Самадло»?



Хидурели протянул Мигриаули руку. Одет он был, как всегда, элегантно, в легкий серый костюм, в светло-голубую рубашку, как всегда, чисто выбрит, и черные волосы с серебряной проседью аккуратно зачесаны назад. Хидурели улыбнулся инспектору, как старому знакомому.

— Извели дела? У вас страшно озабоченный вид... Впрочем, чему удивляться, работать в милиции тяжело, очень тяжело. Правда, увлекательно, заманчиво, в молодости и я чуть не подался туда, но быстро потерял интерес к «милицейским делам».

— И не прогадали, по-моему, выгоднее быть с ней в контакте, оставаясь в стороне, верно?

— Нет, не прогадал я, вы совершенно правы, — засмеялся Зураб, оставив без внимания намек Мигриаули. — В милиции я ничего бы не добился, — сказал он. — В один прекрасный день все равно пинками вытурили бы оттуда, нашли бы повод, придрались, что, скажем, плохо провел следствие. А каково выгнанному с работы?! Общество его не уважает, семье — не мил, а друзья-приятели отпадают от него, как пожелтевшие листья от дерева. Люди не прощают слабости, бедности, падения. Человека ценят, пока он на плаву, а если покатится или «спустят» его по наклонной...

— К чему вы все это?! Вы ведь довольны собой и своим положением?

— Если сомневаетесь, не прошу вам этого! — весело воскликнул Хидурели, но веселость была нарочитая.

— Люди много чего не прощают друг другу!

— Это намек? На что же? — Хидурели весь внутренне сжался, веселой улыбки как не бывало.

— Просто вспомнилось хорошо сказанное: «Нахал — сошло, а впрок не пошло».

— В связи с чем вспомнилось? — Хидурели прямо-таки сверлил инспектора взглядом.

— Вы умный, могли бы сообразить.

— Ладно, к чертям все поговорки — и мудрые и глупые. Время обеденное, приглашаю вас отобедать, окажите честь.

«Может, согласиться, я же хочу узнать его ближе», — подумал Мигриаули, однако, поразмыслив, колебался:

— Вы ставите меня в неловкое положение, отка-



заться — вас обидеть, а согласиться — не пойти на со-  
вещание.

Совещание он придумал, чтобы поделикатнее  
заться.

— Ответ джентльмена, из него следует, что я не  
лишаюсь надежды выпить с вами бокал вина в другой  
раз.

Мигриаули усмехнулся про себя — Зураб Хидурели  
понял причину его отказа. Тем лучше для него. Он  
не выпускает инспектора из поля зрения, наблюдает за  
ним — это ощущалось постоянно. Что-то нужно было  
от него Зурабу Хидурели.

— Вообще-то я надеялся посидеть с тобой и погово-  
рить серьезно кое о чем, — почему-то перейдя на  
«ты», деловито сказал Хидурели.

Мигриаули с любопытством уставился на него.

— Не по зубам тебе орешки — не расследовать  
эти дела. Чего ради ломаешь себе голову? Я лишился  
бесценных вещей и то примирился с бедой, по крайней  
мере заставил себя примириться, а тебе ведь начихать  
на чужую беду, — Хидурели говорил так, словно мнение  
инспектора ничего не значило и обсуждать было нечего.

Мигриаули выжидательно молчал.

— Положись на меня, доверься, — Хидурели пони-  
зил голос. — Неудобно обсуждать подобные вещи на  
улице, но время не терпит, а когда выберем час поси-  
деть за дружеским столом, неизвестно. Уверяю тебя,  
никому нет дела до этих преступлений! Закрой их, ни-  
кто не будет выяснять, почему прекратили следствие.  
Никакие неприятности тебе не грозят. Поверь, будешь  
благодарен мне. В раскрытии дела никто не заинтере-  
сован, наоборот. А ты избавишь себя от тягостных хлоп-  
пот... Нашего разговора никто не слышит, и нас вместе  
никто не видел.

Мигриаули не отрывал глаз от Хидурели — смот-  
рел как завороченный.

— А в чьих интересах я должен постараться? Кого  
заботит судьба преступника?

— Не все ли равно? Пусть тебя это не волнует и не  
тревожит. Любое твое желание исполню, лишь бы ты  
внял моим словам.

Хидурели напряженно ждал ответа.

Мигриаули молчал. Оправдалось его предположе-



ние. Заинтересованность Хидурели в ходе расследования обоих преступлений — и у ресторана, и в магазине — подтверждала догадку о существовании некой связи между ними.

— Поражаюь вашему молчанию. Отказаться от выгодного предложения способен лишь ненормальный. Да вы совсем не цените себя, не извлекаете выгоды из вашего положения.

С трудом подавляя в себе ярость, Мигриаули старался не выказать презрения к подлецу. Но как остановить его?..

— Вижу, колеблетесь. Хорошо, я немного обожду. Раз вы спешите на совещание...

— Заманчивое предложение, заслуживающее внимания... Обдумая, — сухо пообещал Джуаншер.

— Надеюсь, не зря состоялся наш разговор. — Хидурели отошел от инспектора. Шагов через десять он резко обернулся: — Вы не знаете, как порадовали меня! Простите, но я испытывал вас. хотел выяснить, серьезно ли относитесь к расследованию порученных вам дел, насколько искренне стремитесь найти преступника, не собираетесь ли сдать все в архив, не завершив следствие. Теперь я спокоен.

Сказал и пошел дальше. Но шел он как-то неуверенно.

\* \* \*

На другой день после разговора с Зурабом Хидурели Мигриаули повстречал на улице школьного друга, с которым давно не виделся.

Они обнялись, радуясь друг другу и сетуя, что редко общаются.

— Целую вечность не встречались, а время бежит и бежит! А как хорошо со старыми друзьями! Вспоминаешь прошлое и будто в детство возвращаешься.

— А ты как? Давно из Алжира?

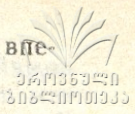
— Нет, только-только приехал.

— Ты все один, никто не набросил сетей?

— Пока нет, но если найдется такая и придется мне по душе, не стану вырываться, — засмеялся Авто.

— И я еще вольный человек, — засмеялся Джуаншер. — Вообще-то не застрять бы нам в холостяках.

Оба расхохотались.



- Не бойся, нам еще и двадцати пяти нет, все впереди.
- А у меня ощущение, будто век прожил.
- Это ты считать разучился и чувство меры утратил, двадцать пять — всего-навсего четверть века! Не оропись жить и переживать!
- А ты все безалаберно прожигаешь жизнь, потуденчески?
- Как умею.
- Доволен?
- Да. Квартиру получил, возвратясь из Алжира. Если б не получил, тоже не горевал бы. Живу я один, бойдусь без отдельной квартиры.
- Больше никуда не собираешься ехать?
- Нет, никуда, хватит сколько околачивался среди мужих. Женюсь, брошу якорь и найду теплое местечко, чтобы и выгодно, и убиваться на работе не приходилось.
- Ты это серьезно?! Не ожидал...
- Кто же теперь живет на одну зарплату?..
- Изменился ты, Авто!
- Изменился... Время такое — всех меняет, и я готовой живу, соображаю, что делать... Кстати, окажи небольшую услугу, помоги, школьные друзья все же...
- В чем помочь?
- Хочу устроиться в НИИ, к Зурабу Хидурели. Если проявлю себя, добьюсь его благосклонности, думаю, и зятем смогу стать. Видел бы его дочь! Не девочка — мечта!
- Понимаю, но с чего ты принял меня за начальника отдела кадров НИИ?! Какая связь между мной и НИИ?
- Простак ты, наивняк! Не уразумел еще выгоды от своего положения, не осознал своих возможностей! Тебя уже знают, с тобой считаются...
- Ошибаешься, Авто. Кто-то ввел тебя в заблуждение в отношении меня.
- Что мы стоим тут, среди прохожих, впустую тратим время. Зайдем в ресторан, посидим, потолкуем.
- Давай в другой раз, дела ждут, срочные.
- Как знаешь... Слушай, Джуаншер, я слышал, ты ведешь расследование преступления у ресторана «Самадло»?
- Я, а что?



— Будь на твоём месте, прекратил бы следствие. Не ломай себе голову. Жить надо беззаботно, беспечно, за чем наживать себе жестокого врага? Знаешь же Зураб Хидурели человек известный, со связями, с положением. Если мне удастся стать его зятем, считай, что счастливей меня человека нет. Неужели откажешь? Школьно му другу?.. Просьба-то ерундовая.

Мигриаули обрадовался неожиданному ходу беседы. Слова Авто утвердили его в своём предположении: — Зураб Хидурели стремится замять преступление у ресторана, потому что в нём замешан его сын, Бакур, тот самый Бакур, что затеял драку. Отец вызволял его из беды. И Авто это известно.

Мигриаули распахнул в кабинете окно, спасаясь от духоты.

Зазвонил телефон. Он взял трубку.

— Мигриаули слушает.

— Здравствуйте, Джуаншер, говорит Алания.

— Слушаю вас, товарищ майор.

— Могу порадовать: поднял на ноги всю оперативную службу и выполнил вашу просьбу. Черная «Волга» принадлежит Бакуру Хидурели, — майор понизил голос. — Сыну того самого Зураба Хидурели, что интересовал вас зачем-то, заместителя директора института.

— Спасибо, большое спасибо.

— Если станут известны новые факты, тотчас сообщу.

В кабинет врвался легкий ветерок. Солнце клонилось к закату.

Джуаншер стоял у окна, наблюдая за гулявшими по набережной.

Дверь открылась и появился Темура.

— Что нового?

— Особенного ничего. Добросовестно наблюдал за теми, кто обжирается, а объевшись, скармливает собакам жареных цыплят и телятину. Тыфу, мразь, мерзость, а не люди!

— Это все, что ты хочешь сказать?

— Нет, я убедился, что официантка Бадур чрезвычайно близка с Зурабом Хидурели... Какая девушка! Из-за такой потеряешь голову! Она обнимает этого... Хиду

рели, а не меня! И куда смотрит господь бог! Где справедливость!..

— Женщины часто не чувству следуют, а велению рассудка, они достаточно трезвые и расчетливые. Хидурели и сорока нет. Он занимает высокую должность, обеспечен. А кроме того, человек со связями, влиятельный, у него и в Управлении, как сам уверяет, есть друзья, я-то думаю проще — есть такие, что в долгу перед ним.

— Он и сюда запустил когти?

— Утверждать не берусь, но думаю — да. Очень уж состоятельный.

— Откуда ты знаешь?..

— Не представляешь, какие ценности у него похитили, а он смирился с этим, не требует поймать грабителя. О чем это свидетельствует?

— И сыночек его швыряется деньгами. Кутежи и разгульная жизнь дорого обходятся, сам любовницу содержит...

— А откуда у него столько денег, где источник его доходов? Он даже меня пытается купить и прибрать к рукам! И не скупится.

— С какой целью? Зачем ты ему понадобился?

— Хочет прекратить расследование преступлений у ресторана и в магазине. Выяснилось, что у него есть сын Бакур, а у Бакура — черная «Волга»... Очень похоже, что его сын Бакур — тот самый разнузданный молодой человек, который затеял драку и, не исключено, стрелял в Эмзара...

— Тогда все понятно. Спасает сыночка, надо думать. А как ты дознался о «Волге»?

— Майор Алания установил это по моей просьбе.

— Честь и хвала майору Алания! — чуть насмешливо воскликнул Темур.

— Версия об участии сына Хидурели в обоих преступлениях принимает определенные контуры, но конкретных доказательств пока нет. Давай серьезно займемся самим Зурабом Хидурели. Скажи, как бы ты объяснил, почему он не желает больше поимки грабителя? Почему так легко смирился с потерей бриллианта? Даже на угрозу его собственной жизни закрыл глаза!

— Нет, я этого не объясню. Слушая тебя, в самом деле начинаешь подозревать его в темных делах.



— А знаешь, в тот вечер, когда стреляли в Эмза Тодадзе, Хидурели был в «Самадло». Он скрыл от меня этот факт, отрицал его во время разговора со мной.

— Откуда же ты узнал?

— Бадур проговорила. Между прочим, она еще не знает, что у Хидурели семья, взрослые дети.

— Хидурели из-за Бадур так часто бывает в «Самадло», я убежден в этом... Что решил, Джуаншер, арстуем сына Хидурели?

— У нас нет пока законных оснований.

— Что же делать? Сидеть сложа руки?

— Наоборот, наблюдать за Хидурели — отцом сыном.

— Ладно, Джуаншер. Завтра с утра займусь твоим поручением, схожу в столовую.

— Хорошо, Темур, смотри, не очень доверяй Парсадану.

На следующий день к вечеру Темур с победным в дом влетел в кабинет Джуаншера.

— Вот, любуйся... — Он вытянул руку, держа в раскрытой ладони большой бриллиант.

Джуаншер подался вперед, упираясь руками в стол, счастливо воззрившись на великолепный камень. Не сабриллиант его радовал — сам по себе он ничего не значил для него, он был ключом к раскрытию тайн, некоторых по крайней мере.

Достал лупу, взял у Темура бриллиант и приняло внимательно разглядывать.

— Провести меня думал Парсадан, собака!..

— Предупреждал же, будь с ним начеку, запросто обведет вокруг пальца. Не изменил, значит, своих повадок, все тем же промышляет...

— Завстоловой изобразил отчаяние, волос, правда не рвал, но загрызть себя был готов!

— Я сразу понял, прожженный он тип! Воркова всегда, сладкими речами хотел провести, юлил, лебезил! Нашел кого дурачить.

— Я глаз не спускал с твоего брюхача. За каждым шагом следил: с кем виделся, о чем говорил. И дождался, явился субчик к ювелиру, тут я и накрыл их. Посмотрим, что скажет теперь Хидурели.

— Сначала послушаем Парсадана.

Темур вышел в коридор и вернулся с невообразим

толстым человеком — толстяка распирало от жира. Круглые щеки его лоснились, колыхались, нижняя губа бессильно обвисла. Мигриаули еле узнал искаженное страхом лицо Парсадана.

— Садитесь, — официально сказал он и приготовил бумагу и ручку для допроса.

Парсадан дрожащими руками ухватился за стул, но сесть не решился, поколебавшись, подтащил стул к стене и грузно плюхнулся на сиденье. Отдуваясь, умирая от страха, ответил наконец на вопросы Мигриаули, через силу выдавливая из себя слова.

— Парсадан Чометели, пятьдесят один год, семейный, заведую столовой, судился, сидел за скупку ворованного...

— Когда, где и у кого приобрели этот бриллиант? — Инспектор указал на бриллиант, в упор смотря на Парсадана.

— Не мой он, не покупал я этого бриллианта. Дня три назад один человек принес на хранение. Почему ваш работник нарушает закон, зачем приволок меня сюда, что я такого сделал, чтоб в милицию тащить?

— Кто вам принес бриллиант?

— Я его не знаю.

— Следовательно, и он вас не знает. Как же доверял вам огромную ценность?.. Кто он — имя, фамилия?

— Честное слово! Тресни земля и поглотит меня, ежели знаю и скрываю! Почему не верите, жизнью клянусь! Ей-богу, не знаю его, принес и оставил...

— Парсадан, я считал вас честным человеком, думал, исправились, не вынуждайте меня о вас мнение, — Мигриаули смотрел на Парсадана сурово, все так же в упор. — Зачем вы ходили к ювелиру? И этого не знаете? Не хотите отвечать? Хорошо, мы вызовем владельца бриллианта, и вы живо заговорите.

— Не воровал я бриллианта! Из ума я, по-вашему, выжил на старости лет, семью погубить захотел?! Никогда ничего не воровал, совестью клянусь!

— Меня интересует, как попал к вам бриллиант?

— Не мучайте, пожалейте меня, — плаксиво проговорил Парсадан.

— Никто вас не мучает, мы действуем по закону и в соответствии с законом требуем ответа.



— Поверьте, не вор я, ничего ни у кого не воровал.  
— Он уронил голову. — Не хотел подводить ювелира жалел, потому и не открывал правды. Вижу, этак себя погублю, ладно, признаюсь. Пусть ювелир сам отвечает за свою вещь.

— Продолжаете лгать? Хорошо, через несколько минут подойдет владелец бриллианта, и потом мы с вами поговорим.

— За что вы меня губите! Как сыну, старался помочь вам, — Парсадан совсем сник, смотрел потерянно.

— Вы еще смеете оправдываться, ставить себе что-то в заслугу?! — возмутился Мигриаули.

Чометели понуро опустил голову.  
И стало ясно: во всем признается, укажет, от кого получил бриллиант.

— А теперь посидите в коридоре, мы вас вызовем. Парсадан побрел в коридор.

Минут через сорок в кабинете снова появился Те мур.

— Ждет в коридоре, — тихо сообщил он.  
— Пусть войдет.

Минуту спустя Зураб Хидурели сидел перед Мигриаули, довольный, сияющий, нервно потирая руки от волнения.

— Молодцы! Каюсь, зря сомневался в ваших возможностях! Молодцы, ничто от вас не укроется! — восторженно говорил Хидурели, не скрывая радости так и этак оглядывая бриллиант. — А где вор, где он?

— Похититель пока не пойман, но скупщик, к которому попал бриллиант, здесь. Будьте покойны, через него найдем и вора.

— А-а, — разочарованно протянул Хидурели. — Я надеялся увидеть здесь своего врага.

— Повторяю, мы задержали лишь купившего бриллиант. У кого он купил, сказать отказывается. Вы никого не подозреваете?

— Я ночей не спал, пытаюсь сообразить — кто мой враг, наверняка ведь знаком, хотя бы в лицо, когда скоро он меня знает, но, увы, никого не смог заподозрить, — Хидурели скорбно покачал головой. — Не зря сказано — вор совершает один грех, а ограбленный — сотню, подозревая невиновных...



— Не знаю я этого Чометели, первый раз увидел, когда заявился ко мне с бриллиантом, — опасно говорил ювелир, длиннородый человек лет семидесяти. — Ошалел я, как увидел бриллиант, ему же цены нет! Продай я весь дом и семью впридачу, не хватило б денег уплатить за такое сокровище! Не успел очухаться и рассмотреть его получше, как заявила милиция, и я чуть в беду не угодил из-за этого остолопа!

— Из ваших слов следует, что бриллиант — собственность Чометели. Согласны?

— Да, да! Так оно и есть. — И повернулся к Темуру. — Вы же слышали, как этот негодяй сказал, что бриллиант его! Сам и подтвердил. Что, отрещивается от своих слов? Думает меня загубить, бессовестный, в свои грязные дела впутывает?! Пускай в лицо скажет, где он, давайте его сюда, сверну ему безмозглую башку! — бушевал ювелир. — Неужто меня обвините, честного, невинного! Неужто не разберетесь, кто виноват, а кто нет!..

— Успокойтесь, верим вам, верим, ступайте домой, — сказал Мигриаули и отпустил ювелира.

Старик встал, степенно пригладил усы, поклонился и вмиг исчез из кабинета, будто ветром его сдуло.

Утро было пасмурным. Склоны гор вокруг города укрывал туман.

Войдя в кабинет, Мигриаули первым делом привычно распахнул окно.

Темур появился следом за ним.

— Привет, шеф, — дурашливо сказал он, плюхнувшись в кресло. Вытянув скрещенные ноги, он набил трубку табаком и закурил с нескрываемым удовольствием.

— О, вы трубкой обзавелись!

— Между прочим, уже два месяца, а вы и не заметили... А что, не идет мне курить трубку?

— Твоему облику просто недоставало трубки! Но если б ты выбрал трубку подлинней, я б заметил даже при моей занятости, — со смехом сказал Джуаншер и сам тоже закурил.

— Что нового?



— По-прежнему топчемся на месте, каких новостей ты ждешь?

— Паника— недуг, который...

— Который лишает надежды, уверенности в себе легко передается другим — ты это хотел сказать?

— Ты догадлив.

— Я обошел мастерские трех районов — где шляпки, пока без успеха. Посмотрим, порадуют ли мастера, которые я еще «не обследовал».

— Восхищаюсь тобой — за три дня, три района!

— А чем ты занимал себя эти дни, позволь узнать какие успехи у тебя?

— И мне похвастаться нечем.

— Кстати, открой мне тайну, Джуаншер, кто рекомендовал меня тебе?

— Сам министр.

— Такая честь? Не шутишь?

— Ты не доволен?

Звонок телефона оборвал их разговор.

— Инспектор Миграули. Да, здравствуйте... Что? Скончался?.. Когда?.. Не может быть... Так внезапно? Мы же вчера допросили его, он чувствовал себя неплохо... Послеоперационная пневмония?.. Понимаю... Очень прискорбно... Спасибо... До свиданья.

Джуаншер медленно положил трубку.

— Бедный парень, скончался..

— А преступник, убийца все еще на воле, — горечью заметил Темур.

Джуаншер отошел к окну, окинул взглядом старые старинные дома с открытыми верандами, теснящиеся вдоль покатых улиц, сбегавших со склонов к набережной. По широкому мосту через Мтквари неслись машины.

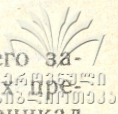
— Посмотри на город, все вроде бы так же, как вчера, ничего вроде бы не изменилось, жизнь течет по-прежнему, город прекрасен...

— Ты говоришь о погибшем человеке...

— Да, Темур, но загляни в дом, где его родные, загляни в его семью...

Джуаншер грустно проследил за катером, шедшим к центру города, и повернулся к Темуру:

— Нам не помочь ни погибшему, ни его семье, убийца, но наш долг найти убийцу и предать его суду.



Мигриаули не торопясь шел домой. Мысли его заняты были Зурабом Хидурели. Каким бы из двух преступлений он ни занимался, перед его глазами возникал образ Хидурели.

Громкий трезвон отвлек Мигриаули от мыслей — оказалось, его остерегали. Он и не заметил, что, переходя улицу у сквера, чуть не угодил под трамвай.

На улице было людно. У самого моста какой-то парень толкнул Мигриаули, да так, что он едва не полетел на тротуар. Парень шатался, и Джуаншер не стал с ним связываться — какой спрос с пьяного, но когда тот же тип уже на мосту вторично грубо его задел, понял, что перед ним хулиган.

— Не знаешь, как положено вести себя на улице!

— Это вы мне говорите?! Меня оскорбляете?! Чего пристали, в милицию захотелось?!

— Убирайся с дороги! — взорвался Мигриаули.

— Я тебе покажу, как убираться! — Парень запустил руку в карман. Джуаншер схватил его за руку и резко вывернул ему кисть.

— Руку сломаешь! — вскричал парень.

Неприятный был тип, небритый, грязный.

Темнело, зажглись неоновые светильники.

Мигриаули вытащил у него из кармана оружие.

— Что это, по-твоему?!

— Игрушечный револьвер.

— Понятно... Ступай, в милиции разберемся. Вздумаешь смыться — пожалеешь.

Парень нехотя побрел перед ним.

— Ты знаешь, кто я?

Парень обернулся и зло бросил:

— Влип как дурак!

Пройдя немного, парень задышал тяжело, громко, будто выбился из сил и не вмоготу ему идти дальше. Наконец обернулся и просительно сказал:

— Не могу идти, видишь — одышка у меня, подвези на машине, чего тебе стоит...

И тут, словно идя навстречу его желанию, поблизости притормозила «Волга». До милиции было еще далеко и Мигриаули согласился. Подошел к машине, попросил водителя подвезти их в Управление милиции.



— Садитесь, я догадался, что вам машина нужна, — сказал водитель.

Они поехали.

У поворота возле кинотеатра «Накадули» машина внезапно остановилась, двое мужчин в масках, рванув дверцы, оказались в машине. Один из бандитов приставил оружие к груди Мигриаули, прошипев:

— Тихо, без паники! Шевельнешься — получишь пулю.

— Что вам нужно? — машинально спросил он, чувствуя прижатое к груди дуло, понимая, что ответа не получит.

А машина стремительно неслась по шоссе.

Скоро город остался позади. Впереди светлой змеей извивалась во тьме дорога. Водитель выключил фары. «Пост ГАИ» — догадался Мигриаули.

Лиц сидевших рядом мерзавцев он не видел, но веснушчатое лицо водителя с тонким хрящеватым носом он запомнил.

«Действуй, Джуаншер, пока тебя не прикончили», — сказал он себе и, осторожно сунув руку под пиджак, вытащил пистолет.

— Зря стараешься, дай сюда оружие! — потребовал бандит и с силой вжал в грудь дуло пистолета. Сопротивляться не имело смысла.

Мигриаули швырнул оружие к ногам бандита, и когда тот нагнулся за ним, ударил его сначала по руке, потом по затылку и, вырвав у него пистолет, крикнул:

— Руки вверх, мерзавцы!

Машина со скрежетом остановилась. Бандиты заметно струхнули — теперь дуло пистолета упиралось в бок их дружка.

— Разворачивайся! Езжай обратно в город! Всем сидеть тихо!

Шофер гнал машину, исподтишка следя в зеркальце за инспектором.

Бандит рядом с Джуаншером сидел скрючившись, ярость его усмирял приставленный к боку пистолет.

Неожиданно водитель резко затормозил, машина дернулась, завертелась на месте, и все сидевшие в ней попадали друг на друга.

Бандиты не растерялись, навалились на Мигриау-

ли. Грянул выстрел, кто-то вскрикнул, но борьба продолжалась.

Инспектора обезоружили.

— Ах, падла! — выругался один из бандитов и стукнул его по голове окровавленным кулаком.

Мотор зарокотал, и машина, снова развернувшись, помчалась теперь в сторону от города.

— Ладонь прострелил мне, гад... — Бандит выругался, а приятель протянул ему платок, утешая.

— Ничего, до свадьбы заживет.

— Приедем — мокрое пятно от него оставлю, мать родная не признает!

Мигриаули тоже душила злость, злость на себя — как его околпачили! Изменило чутье?! Не хватило профессиональной сообразительности и ловкости?!

— Спасибо тебе, молодчина, — сказал пострадавший бандит водителю. — Если б не ты, ночевать нам в милиции из-за этой сволочи!

— Он мне чуть руку не сломал, так ее вывернул, — пожаловался парень, задевший Мигриаули на улице.

— Ты сам во всем виноват, не справился с делом.

— Не видишь, какой он, вдвоем едва справились.

Бандиты промолчали.

— Может, скажете, куда везете? — не вытерпел Мигриаули.

— В оперу, на премьеру... — издеваясь, сказал один. — Великий пост сейчас, тебе покаяться не мешает...

— Нашему гостеприимству ты не порадуешься, зато местечко тихое-претихое. Не бойся, мы люди честные, исподтишка не нападем — отделим голову от тела, и все дела, — грубо пояснил другой бандит.

— Нет, скверная идея осенила тебя, — возразил ему приятель. — Рук марать не будем. Разрешим ему повеситься! Напишет завещание и пусть удавится!

— Ты здорово придумал, но голова его пока еще нужна нам. Может, возьмется за ум, тогда и мы проявим милосердие.

— Куда вы меня везете? — требовательно повторил Мигриаули.

— Ишь разошелся! В кабинете себя воображает!

— Советую вам одуматься! Забыли, с кем имеете



дело? Не знаете, что вам грозит за расправу с представителем...

— Не утруждай себя, мы люди ученые, грамотные, — оборвал его бандит с простреленной ладонью.

Машина неожиданно остановилась.

— Просим, уважаемый инспектор. Приходится считаться с вашим положением, не то тут бы и пришлепунули, в машине! — И вдруг заорал: — Поживей! Общайте его, нет ли еще оружия!

\* \* \*

— Я уже собирался уходить домой, когда раздался телефонный звонок, — рассказывал Темур Джуаншеру через полчаса, когда они возвращались в город...

«Управление милиции?» — спросил мужской голос.

«Да», — ответил я.

«Вы знаете инспектора Мигриаули?»

«Да, он в соседней комнате».

«Ошибаетесь, жизнь его в опасности».

«Кто вы?! Что с ним, где он?» — спросил я.

«Минут десять назад его увезли за город, в «Волге», в деревню Натахтари, в каменный домик у леса. Спешите, каждый миг на счету».

«Кто вы?» — В трубке зазвучали гудки.

Я вызвал оперативную машину и через тридцать пять минут оказался тут.

— Хорошо, что я немного задержал их в дороге, — сказал Мигриаули.

— Так что ты и сам помог себе спастись!

— Получается так. Если б не было стычки в машине, успели бы пристрелить до твоего появления, хотя ты почти следом примчался. Домик, куда они меня доставили, был за высоченным забором. «Волгу» оставили за воротами, чтобы водитель держал под наблюдением дорогу, а меня заставили войти в дом. И тут как раз свистнул шофер, бандиты перепугались, кинулись прочь. Я выжочил на дорогу и увидел за «Волгой» милицмейскую машину — но вас в ней не было, видно, кинулись ловить бандитов.

— Не могу успокоиться, что мы их упустили. Надо дознаться, чей этот заброшенный дом... Чья «Волга», тоже выясним, хотя она без номера...

История с бандитами убедила инспектора Мигриаули, что кто-то целеустремленно мешает ему раскрыть преступления у ресторана и в магазине. Кто же именно? Зураб Хидурели? Допустим. Он проявляет ко всему этому подозрительный интерес. Но ради чего? Ради сына? Да, Бакур причастен к драке и к преступлению у ресторана, но какая связь между сыном известного врача, заместителя директора исследовательского института, который ни в чем не нуждается, и убийством продавца? Джумбер Дэвидзе? Но парень производит хорошее впечатление. Пострадал в жизни, хлебнул горя, это ясно, но, несмотря на мрачные мысли, на раннее разочарование в людях, чист душой. Правда и то, что сообщил о нем майор Алания, не отбросишь, с фактами приходится считаться. И образ жизни он ведет странный, все еще не работает.

И Мигриаули взял под наблюдение всех, кто имел к расследуемым им делам хотя бы некоторое отношение. Особенно внимательно следил он за Бакуром и Джумбером, которого, как докладывали, несколько раз видели возле дома Зураба Хидурели.

Семья Хидурели на даче, что же там нужно Джумберу, если он, скажем, ищет встречи с Бакуром?..

Мигриаули остановил машину на улице Канделаки. Ему только что позвонили и сообщили, что Джумбер Дэвидзе в Ваке и, похоже, направляется к дому Зураба Хидурели. Он тут же сел в машину, решив лично проследить за Джумбером.

Дом Зураба Хидурели находился рядом, за поворотом. Улочка была безлюдна. Мигриаули заглянул за ограду во двор и неожиданно увидел Дэвидзе, который в этот самый момент открыл входную дверь и скрылся в доме.

Мигриаули зашел во двор и заглянул в окна нижнего этажа. В одной из комнат он увидел ту картину, которую и предполагал застать: Джумбер шарил в шкафах и ящиках стола. Он вытаскивал вещи и небрежно швырял их куда попало, по-видимому, искал что-то определенное. Среди вещей мелькали ценные серебряные и золотые изделия, но Джумбера они не привлекали. Что







писать, словно бы и не увидел девушки. Лида — так звали секретаршу — давно уже всячески старалась обратит<sup>1</sup> на себя внимание очень симпатичного с<sup>2</sup>молодо<sup>3</sup> инспектора. Первое время Мигриаули заглядывался на нее, любовался ею — изящной, хорошенькой, кокетливой, но постепенно ее развязная манера держаться начала претить ему.

— Я принесла почту, — тихо пояснила Лида, задетая его равнодушием. Положив на стол корреспонденцию, она не уходила, мешкая, надеялась, что инспектор одарит ее хотя бы мимолетной улыбкой.

— Я вас не задерживаю, Лида.

Девушка неуверенно улыбнулась и, явно задетая его невниманием, поспешила к двери.

Мигриаули устало потер лоб и принялся просматривать почту.

В одном конверте обнаружил записку, весьма озадачившую его. Он прочел и перечитал ее несколько раз, не в силах осмыслить содержание. Записка была анонимной, но отбрасывать ее в сторону не стоило.

Настроение у Мигриаули испортилось, а ему в последнее время и так было невесело. Порученные дела все еще не были раскрыты, но угнетало не столько это, сколько охватившее его чувство бессилия. С того дня, как он так нелепо попал в руки бандитов и чуть не погиб, его покинула вера в себя. Он не мог простить себе своего промаха и все больше впадал в уныние.

Вскоре появился Темур.

— Привет, — радостно сказал он, весь излучая бодрость и оптимизм.

— Вот, прочти это послание и выскажи свое веское мнение.

И протянул ему записку из серого конверта.

Темур, ожидая подвоха, мешкал, не разворачивал листа и, делая вид, что опасается чего-то, нарочито боязливо вертел конверт в руках.

— Что — убийственная весть?

— Не испытывай моего терпения.

Наконец решился — пробежал глазами записку.

— Вот так так! Держу пари, от твоего доброжелателя!

— В первый миг и я подумал то же самое...

— Вокруг нас, вернее, вокруг тебя плетется сеть,



и скажи спасибо, что кто-то предупреждает об опасности. Однако то, что друг нам неведом, — плохо!

— Получается, что невидимый друг хочет помочь нам выявить и арестовать преступника?

— Получается так. А ты не веришь? Чего же он хочет, по-твоему?

— Почему я знаю.

— Разгадал мое любопытство... Как бы дознаться — кто он?

— Давай потерпим. Увидишь, он сам проявит себя.

— Мне он представляется надежным, честным и верным человеком.

— Завидная убежденность.

— А почему бы не верить в это, он же оказывает нам большую услугу! — воскликнул Темур.

— Сожалею, но пока не разделяю твоего мнения о невидимом друге, не могу! Не будем делать скоропалительных выводов.

Что же писал им таинственный доброжелатель?

«Арестуйте Джумбера Дэвидзе, если хотите раскрыть преступление в магазине».

\* \* \*

«Кто ж он, его доброжелатель, который стремится погубить Джумбера Дэвидзе? Почему скрывается? Бойся Джумбера и его сообщников? Что им движет? Только ли желание помочь закону, или он жаждет свести с кем-то счеты?» — размышлял Мигриаули, направляясь утром в прокуратуру к следователю Давиду Сачарели, который занимался делом Магали Саджая.

Сачарели, приветливо поздоровавшись с коллегой, сказал:

— Давай сразу к делу, Джуаншер, вот-вот придут профессор Узнадзе и жена покойного Саджая. Я назначил им встречу до твоего звонка.

— Извини, что пришел, не договорившись, дня три не мог застать тебя. Понимаю, я и сам все время мотаюсь. Вот и решил прямо с утра перехватить тебя. Видишь ли, у меня вызывает сомнение личность одного уважаемого человека, о котором вы располагаете сведениями. Это заместитель директора института Зураб Хидурели. Как он относится к смерти Магали Саджая? Что ты о нем знаешь, какого мнения? Понимаешь, он



проявляет непонятный интерес к преступлениям, которые в общем отношения к нему не имеют: драка пьяных парней в ресторане с применением оружия и убийство продавца в магазине. Он не упускает случая поговорить со мной, вызнать что-либо, дать совет, «навести на след», мало того — он обратился ко мне за помощью, когда у него похитили уникальные драгоценности. Кто-то грозит убить самого Хидурели — он показал мне письмо, оставленное неизвестным в его доме. Но при этом довольно спокоен, я бы сказал, равнодушен к этому. Я предполагаю, что он хочет выгородить преступников. Но кого? Возможно, своего сына Бакура — тот затеял драку в ресторане. А на днях к нему в дом проник другой участник драки — некий Джумбер Дэвидзе, — я сам наблюдал за этим, — что-то искал в доме Хидурели, ничего не взял и ушел обозленный... Не нравится мне этот Зураб Хидурели.

Давид слушал внимательно, и было заметно — не без удивления.

— Что тебе сказать, Джуаншер. Я несколько раз беседовал с Хидурели. Он поражен смертью Саджая, переживает, как и другие в институте, отношения у него с ним были равные. Но вот после твоих слов я вспомнил факт, которому в свое время не придавал особого значения. Ты и сам выдвигал версию об отравлении Саджая. Его смерть неожиданна и необъяснима. В тот день, когда это случилось, в институт дважды приходил неизвестный молодой человек, во второй раз — вечером, как сказал вахтер. Я, разумеется, обратил внимание на этот факт и выяснил, что этот молодой человек, некто Джумбер Дэвидзе, приходил к Хидурели. Ни в чем не подозревая уважаемого Хидурели, я и посещениям Дэвидзе не придавал значения, тем более, что они оказались родственниками... Но теперь думаю, что я ошибся.

— Джумбер Дэвидзе—родственник Зураба Хидурели?! Почему в таком случае он проник к нему в дом как вор? Дэвидзе, правда, был судим, и майор Алания утверждает, что Дэвидзе продолжает общаться с ворами, но не станет же парень грабить родственника?.. Майор рад бы снова засадить его, но лично у меня Джумбер вызывал сочувствие. Едва вступил в жизнь, а уже столько всего претерпел, изведал столько мерзкого, разуверился и в людях, и в самой жизни. Я все собирал-



ся заняться им, изучить его прошлое, помочь, если надо. Разговор с ним показал мне, что он на распутье и нуждается в поддержке, иначе совсем собьется с пути. И вдруг — это непонятное проникновение в дом Хидурели! — Мигриаули помолчал. — Впрочем, я несколько отклонился от темы, меня занимает личность Зураба Хидурели...

В дверь постучались.

— Войдите... — отозвался Давид. — Это, наверное, профессор.

Он не ошибся.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел профессор Узнадзе.

Поздоровался, переводя холодный взгляд с Сачарели на Мигриаули, которого узнал.

— Не буду вам мешать, мне пора, — сказал Джуаншер, вежливо ответив на приветствие профессора.

— Остайся, тебе стоит знать все, что связано с делом Саджая. Возможно, узнаешь кое-что и о Хидурели.

При упоминании Хидурели профессор недовольно поморщился.

— Уважаемый инспектор, меня поражает ваша, извините, бездеятельность. Если вы не способны приподнять завесу над тайной смерти Саджая, то откажитесь от дела, пусть им займется другой! Вам следует понять, что я не в состоянии столь благодушно, нет — равнодушно относиться ко всему, что произошло! Для вас это заурядная смерть, а для меня невозместимая утрата. Я не сомневался и не сомневаюсь: Саджая убит, он мешал кому-то или кто-то посягал на результаты наших многолетних исследований! Мы потеряли талантливого ученого, кто-то завладел нашим бесценным препаратом, а вы все топчетесь на месте, до сих пор ничего не прояснили!..

— Ваша горячность понятна и оправданна, батона, но каково вести расследование без содействия тех, на чью помощь мы вправе рассчитывать? И замечу, я имею в виду вас и ваших сотрудников. Вас, разумеется, потрясла смерть Саджая и пропажа результатов исследований, но одними эмоциями следствие не продвинешь. Вы не высветили нам ни одного темного места, не обрисовали взаимоотношений Саджая с другими сотрудни-

ками... Думается, что именно ваши соображения о том, кто и почему отравил Саджая, а вы почти уверены, что налицо именно отравление, подсказали бы нам, определили бы направление поисков.

— В первые дни, потрясенный случившимся, я, признаться, растерялся. Рассудок отказывался допустить, что в институте находятся люди, способные на столь чудовищное злодеяние, но придя в себя, вникнув во все, сравнив кое-какие факты, я почти убедился — Саджая отравлен.

— Скажите, пожалуйста, в тот день, когда Саджая скончался, то есть вечером тридцатого июля, он один был в лаборатории? Вы говорили, что по вечерам работали вместе с ним.

— К сожалению, в тот день, как и перед этим, я отсутствовал, и вечером в лаборатории Саджая был один. Лаборантов мы обычно не задерживали после рабочего дня — иной раз случалось, конечно, но эксперименты наши были закончены. Да, к сожалению, меня не было с ним. По какой причине, говорить не хочется, но придется. В те самые дни я переживал трудную душевную борьбу и не в состоянии был работать.

— О какой душевной борьбе речь, извините, но я спрашиваю не из любопытства...

— Нам предстояло проверить действие препарата, его эффективность. На ком-либо другом — у нас не было морального права, и я намеревался испытать его действие, вызвав у себя рак...

— Но, по вашим же словам, Магали Саджая собирался поступить подобным же образом.

— Да, но я не мог допустить, чтобы он рисковал собой! Не знал, как отговорить его! Саджая оберегал меня, что вполне естественно для благородного человека, а он был человеком большой души и, как видите, доказал это.

— Однако вы почти уверены, что Саджая отравлен, а между тем у него оказался рак желудка.

— Вам известно из медицинского обследования, что за три месяца до смерти у него не было рака. Придется думать, что он сам вызвал его у себя.

— Допустим, вы правы, и ваш ассистент проявил самоотверженность во имя людей и, оберегая вас, опередил вас. Но какие основания предполагать и даже ут-



верждать, что Саджая отравлен? Он же мог умереть от рака или от препарата, введенного в свой организм.

— Наш препарат не мог привести к смерти, а главное, экспертиза показала, что он не принимал его, а в чашке, из которой он пил, обнаружен остаток сильного яда... Я настоятельно требую обнаружить убийцу. Он должен быть найден. — Узнадзе помолчал. — Я попросил супругу Саджая ознакомить вас с дневниковыми записями ее мужа. Они, безусловно, убедят вас — я не ошибаюсь. Она в коридоре. Я привел ее с собой.

Минуту спустя Джуаншер увидел высокую женщину в траурном платье. Покрывавший голову прозрачный черный шарф, один конец которого перекинут был через плечо, резко подчеркивал бледность лица.

Профессор Узнадзе представил ее: супругу Саджая, Ариадна Мамамтавршвили.

Давид невольно поразился поблекшему, опавшему лицу молодой женщины — это, конечно, горе наложило свою печать...

— Скажите, пожалуйста, вам было известно что-либо о намерении вашего супруга проверить на себе действие противоракового препарата?

— Нет.

— Не содержат ли его дневниковые записи сведения, которые прольют свет на случившееся?

— Ознакомьтесь с ними и решите сами. Он вел записи от случая к случаю, записывал только существенное, — горестно проговорила женщина, протягивая Давиду тетрадь, обернутую в газету.

— Я читал его записи, — сказал профессор Узнадзе. — Они подтверждают мою догадку: Саджая вызвал у себя злокачественную опухоль, желая проверить воздействие препарата. Если б не пропали данные наших исследований, правомерно было б допустить факт самоубийства, предположить, что Саджая отравился, стремясь избавиться себя от неизбежного мучительного конца, но учитывая, что с его смертью таинственно исчезли и бесценные материалы наших опытов, волей-неволей приходишь к выводу: Саджая отравлен, отравлен кем-то, кто желал устранить его ради достижения своей корыстной цели, — сказал профессор и, опершись локтем о стол, зажал подбородок рукой.

— Что скажешь, Джуаншер? — спросил Давид, когда профессор Узнадзе и жена Саджая ушли.

— О Зурабе Хидурели ничего не было сказано... А вообще все это в общих чертах мне было известно. Значит, никаких доказательств какой-либо версии пока нет?

— Не совсем так... Теперь что касается Зураба Хидурели... Занимаясь делом Магали Саджая, я узнал от сотрудников института о враждебном отношении Хидурели к профессору Узнадзе. Мысль о зависти и всяких кознях зама против директора напрашивалась сама собой. Я очень пристально изучил все, связанное с Хидурели. Происшествие у ресторана «Самадло» было небезынтересно и мне — по той же самой причине: ведь в драке участвовали и Бакур, и его родственник Джумбер Дэвидзе. Джумбер подростком остался круглым сиротой, и Хидурели был его опекуном. Еще в школе он пошел кривой дорожкой и был судим за воровство, — и это при таком опекуне, как Зураб Хидурели! Меня интересуют их нынешние взаимоотношения. А мне надо будет узнать, зачем Джумбер приходил к Хидурели в институт, причем дважды, и именно в тот день, когда не стало Саджая. Я посоветовал бы тебе допросить сына Хидурели и еще раз Джумбера Дэвидзе и разобраться в их взаимоотношениях.

— Спасибо за совет, но уверен, сын Хидурели лишь затеял драку, а стрелял кто-то другой. И есть еще немаловажная деталь: потерпевший Эмзар Тодадзе был в пиджаке Джумбера Дэвидзе — во время ужина они сняли их, а когда надевали, перепутали. Можно предположить, что стрелявший намеревался убить Джумбера Дэвидзе и принял за него Эмзара Тодадзе.

— Это существенный факт, учти его... А бандитов поймали?

— Каких? Кого ты имеешь в виду?

— Тех, что похитили тебя и вывезли за город.

— Нет, не поймали. Им удалось скрыться в крошечной темноте. Очень жаль, что ни один не попался нам, потому что они связаны с преступлениями у ресторана и в магазине. Это очевидно. Меня «похитили» и намеревались убить по указке, по поручению того, кто боится расследования, раскрытия этих преступлений...



Следуя совету опытного следователя, Мигриаули вызвал на допрос сына Зураба Хидурели.

Бакуру Хидурели следовало явиться к 10 утра, часы показывали уже 11, а его все не было.

Возмущенный этим, Мигриаули размышлял, как быть, понимая, что Бакур Хидурели сознательно не приходит, не применить ли действенные меры к избалованному отпрыску Хидурели, как зазвонил телефон.

В трубке раздраженно и повелительно прозвучал голос капитана Хинтибидзе: «Мигриаули, зайдите ко мне, немедленно».

Скрепя сердце Джуаншер встал и пошел к капитану Хинтибидзе, предвидя неприятный разговор.

— Как идет следствие по делу Эмзара Тодадзе? — с ходу спросил капитан.

— Пока без особого успеха.

— Ты вызвал на допрос сына Зураба Хидурели?

— Да. К десяти утра, но он почему-то все еще не явился.

— Не следовало его беспокоить, разве забыл, чей он сын? Не помешала бы тебе осмотрительность.

— Я не обязан и не должен исходить из общественного или служебного положения человека, проводя следствие. Единственное, чем я руководствуюсь — интересы дела.

— Я тебе уже разъяснял особенности нашего положения и думал, ты понял. Умей считаться с разными факторами, с положением человека. Упрямство выйдет тебе боком.

— Не понимаю вас, товарищ капитан, какое отношение имеет мое «упрямство» к Бакуру Хидурели? Мне необходимо допросить его, а вы препятствуете?..

— Не препятствую. Хочу, чтобы ты осознал — не следует его допрашивать. Занимал бы мою должность — понимал бы, как важно быть осторожным и рассудительным. — Капитан заговорил мягче, убеждающе. — Зачем нам тыкать пальцем в человека, если можем обойти его, закрыть глаза на то, что он натворил. Зураб Хидурели, пора бы это знать, человек видный, со связями, у него полно влиятельных друзей. Поговаривают, что он в самом скором времени займет место профессора Узнадзе, которого снимают в связи со смертью Магали Са-

джая. Зураб Хидурели станет директором крупного исследовательского института, а ты его сына на допрос вызываешь, бросаешь на него тень!

— Рано зарится на директорское кресло ваш Хидурели, — с усмешкой заметил Джуаншер.

— Рано? Знал бы ты его жену, зарекся бы трогать Хидурели, не то что преследовать...

— Преследовать? — оторопел Джуаншер.

— Разве не знаешь, что Хидурели подал на тебя жалобу?

— Впервые слышу... Чем же он недоволен?

— Он намеревался обратиться в вышестоящие инстанции, но я отговорил, заверил, что ты относишься к нему наилучшим образом, что все будет улажено.

— Чем же он все-таки недоволен?

— Обвиняет тебя в нежелании найти вора, похитившего у него драгоценности, считает, что ты намеренно задерживаешь поимку преступника, намеренно не принимаешь решительных мер.

— Негодяй!

— Обуздай свои чувства! И думай, что говоришь и делаешь. Сказал же тебе: у него всеильные покровители, он пальцем шевельнет — и от нас здесь следа не останется, понимаешь?

— Сильно же он вас запугал!

— А как не бояться такого?!

— К вашему сведению, я никогда не преступал закона и не намерен нарушать его. Наш долг — работать, позвольте заняться работой — выполнять свой долг.

У входа в кабинет Джуаншера дожидался молодой человек.

— Я вызван к вам, — сказал он вежливо.

— Входите.

— Не понимаю, зачем я вам понадобился, в жизни не имел дела с милицией.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— То-то взволновал вас вызов в милицию.

— В милицию преступников вызывают, потому и удивляюсь, с какой стати вызвали меня?

— Вы принимали участие, а точнее, затеяли драку в ресторане «Самадло», во время которой из огнестрельного оружия ранили Эмзара Тодадзе.



— А я при чем? У меня нет оружия! Кто стрелял, того и судите! — запальчиво выпалил Бакур.

— Спокойней, держите себя в руках. Милиция — не ресторан, я не обслуживающий вас официант, которому можете вклеить пощечину.

От этих слов Бакур стушевался, не зная, что сказать, потупился.

— Между нами не такая уж большая разница в годах, и нам следует понимать друг друга. Верьте в мою беспристрастность и будьте откровенны и искренни.

— Я не обманываю вас, и мне не в чем признаваться.

— Эмзар Тодадзе ранен в драке, которую затеяли вы.

— Я ни в кого не стрелял, никакого Эмзара Тодадзе не знаю. Напрасно меня подозреваете. Да, я перепил в тот вечер, допускаю, что вел себя грубо, безобразно, но я не способен убить человека! Спросите моих товарищей, узнаете, что я вовсе не такой, каким вам представляюсь. Если б у меня было оружие, товарищи наверняка бы видели его у меня. И вообще, не один же я дрался, столько народу было, если б я выстрелил, кто-нибудь заметил бы! Кто указывает на меня?

— Указывать не указывают, но подозревают. Это не является доказательством вашей виновности. Я вызвал вас, чтобы разобраться во всем, поэтому предлагаю быть откровенным, рассчитываю на искренность.

Бакур сидел обескураженный.

— Скажите, почему вы убежали после выстрела? Вместе со всей вашей компанией.

— Внезапно раздался выстрел и он нас напугал. Это, надеюсь, понятно?

— В тот вечер вы не заметили в ресторане кого-либо из близких?

— Вы имеете в виду моих друзей?

— Нет. Вашего отца.

— Нет, в тот вечер я его не видел. Вообще стараюсь не встречаться с ним в ресторане.

— Вы знакомы с Джумбером Дэвидзе?

— Мы близкие родственники, двоюродные братья, но после того, как его осудили и посадили, не виделись с ним, может, даже не узнаю при встрече, — Бакур вытер платком взмокший лоб и, успокоившись, продолжал:

— Объясните, какая связь между моим отцом, Джумбером и преступлением у «Самадло».

— Правда ли, что у вас есть машина, черная «Волга»?

— Правда, отец подарил, когда я окончил школу.

— Не помните ли, где вы были седьмого августа, около девяти вечера?

— Нет, не помню. Может, гулял с приятелями по улице, может, дома сидел.

— Еще раз советую быть откровенным. От ваших показаний зависит ваша судьба, будущее.

— Охотно принимаю совет, но я и так откровенен и не обманываю вас.

— В девять вечера седьмого августа ваша «Волга» стояла у магазина, в котором в тот самый час грабители убивали продавца.

— И оба преступления приписываете мне?! Везет мне, нечего сказать! Жизни моей не хватит отсидеть за оба преступления!

— Ну, пока что я вам ни одного не приписал.

— Это следует из ваших вопросов. Как убедить вас, как доказать, что я не причастен к ним! Зря меня допрашиваете.

— Вы не ответили на вопрос.

— Сказать, что моя машина в тот вечер стояла у того магазина, — значит признать свое участие в преступлении?! — Бакур совсем расстроился. — Не знаю, что сказать. С чего начать...

— На вашем пиджаке обнаружены следы человеческой крови. Откуда они?

— Не может быть! Я никого не убивал, никого не грабил! Не могу же я верить вам, а не себе!

— Хорошо. Объясните тогда, откуда у вас деньги на обильные застолья в ресторанах, ваши приятели пьют и веселятся за ваш счет!

— Деньгами снабжает мама, без нее у меня на трамвайный билет не было бы денег!

— Так откуда следы крови на вашем пиджаке?

— Мало ли где они могли попасть на мой пиджак!

— Вы мне так и не сказали, зачем во время ограбления ваша «Волга» находилась возле магазина?

— Моя машина была там ровно в восемь часов, я зашел за своей невестой — она живет рядом, и мы пое-



хали в кино. Это могут подтвердить знакомые ребята, которые были там.

— Вы утверждаете, что это было ровно в восемь?

— Да, ровно в восемь, уверен в этом, потому что мы опоздали в кино, вошли в зал уже после киножурнала.

— А где вы оставили машину, у кинотеатра?

— Нет, поехал домой, а оттуда мы пешком пошли в кино.

— А это вот узнаете? — спросил Джуаншер, выдвинув ящик и достав пистолет.

— Как он попал к вам?! В хранении оружия я виноват. Знал, что не имел на это право.

Мигриаули помолчал, потом сказал Бакуру:

— Вы свободны, можете идти. Без моего разрешения из города не выезжать. Расписку брать не буду, надеюсь, не раскаюсь.

Бакур с убитым видом побрел к двери.

\* \* \*

Мигриаули предложил Темуру пообедать в «Самадло».

Установились жаркие дни, и ресторан на окраине города, где всегда веял прохладный ветерок, манил измученных духотой людей.

— Что-то не продвигаемся вперед, Джуаншер, — сказал Темур. — Оба преступления все еще покрыты мраком. Одни предположения, догадки и разрозненные факты... Может быть, неверным путем идем?

— Не знаю... Через несколько дней мы все закончим, и тогда...

— Каким образом? Ты хочешь привлечь к уголовной ответственности Бакура Хидурели и Джумбера Дэвидзе? Других подозреваемых нет. За три дня вряд ли обнаружим еще кого-либо, кого можно будет привлечь в качестве обвиняемого. Лично я на чудо не рассчитываю.

— Вот что, Темур, давай сделаем так: ты займись молодыми людьми, доведи все до конца, а я возьмусь за дело Зураба Хидурели — пора задержать грабителя. Теперь, когда бриллиант обнаружен, это несложно.

— Я согласен. Но ты ошибаешься, перед тобой не столь уж легкая задача.

— Отнесись к делу серьезней, будь осторожен и осмотрителен.

— Хватит наставлять, поручил довести дело до конца, дал указание и все. Не подведу, будь спокоен.

В ресторане они, как всегда, сели за столик, который обслуживала Бадур.

Темур отвернулся, разыскивая глазами официантку, а когда снова глянул на Джуаншера, усомнился, он ли рядом с ним — темные очки и кепка совершенно изменили друга.

— Тс-с! — Джуаншер приложил палец к губам, не давая ему выразить изумление.

Кокетливо покачивая бедрами, приятно улыбаясь, подошла Бадур, но, когда, здороваясь, перевела взгляд с Темура на Джуаншера, застыла, с лица ее сошла улыбка.

— Извините, я сейчас, — сказала она и устремилась вдруг к одной из кабин.

— Последи теперь за ней, Темур, из этой кабины выйдет Зураб Хидурели, можешь не сомневаться.

Не успел он договорить, как Хидурели действительно, покинув кабину, торопливо пересек двор. А к ним спешила Бадур.

— Простите, пожалуйста, меня ждал клиент, спешил рассчитаться.

— Ничего, ничего, Бадур! — Джуаншер, улыбаясь, снял кепку и темные очки.

— Ой, это вы?! — воскликнула пораженная Бадур. — Никогда б не поверила, что кепка и очки так изменят человека!.. Между прочим, здесь бывает один парень, Джумбер, он тоже всегда в кепке и в темных очках, так я вас за него приняла! До того похожи, родная мать не отличит...

— Знакомы, значит, с ним...

— Конечно, знакомы, он бывает здесь с приятелями. Буду считать его вашим двойником.

— Вы разожгли мое любопытство, посмотреть бы на него, — со смехом сказал Джуаншер. — Уж не родственники ли мы с ним, Бадур? Как его фамилия?

— Не знаю, знаю, что звать его Джумбер.

— Спасибо, авось да познакомлюсь с ним! Вы так поразились нашему сходству, что кто знает, нет ли у меня где брата! — громко засмеялся Джуаншер.



Бадур приняла заказ и отошла.

— Темур, проследи за ней. Она обязательно сообщит Зурабу Хидурели, что мы разыграли ее, что Джумбер. Не развлечения ради проделал я все это, не до шуток тут, и «игра» рискованная, небезопасная для нас.

Темур встал и пошел за Бадур.

Джуаншер лихорадочно обдумывал возможные последствия своей затеи. Он готов был ко всему, еще раз проверил — при нем ли оружие. Чем бы ни обернулась его «игра», важно, что он нашел своего рода ключ, который раскрывает преступления.

Темур вернулся довольно скоро.

— Ты — ясновидец?! Как тебе удалось предвидеть то, что предстало моим глазам минуту назад? Потрясающе!

— Она говорила с Зурабом Хидурели?

— Если б только говорила!

— Тише, вон она, идет с подносом.

Бадур молча опустила поднос с закусками на стол. Такой мрачной Джуаншер ее еще не видел.

— Бадур, мы торопимся, давайте-ка я расплачусь,

— Джуаншер достал деньги. — Темур, ешь быстрее.

Когда Бадур отошла, Темур спросил:

— Что случилось, Джуаншер, к чему такая спешка?

— Нам нельзя здесь оставаться, закругляйся.

Вернувшись в Управление, Темур уже серьезно спросил Джуаншера:

— Что произошло в ресторане, я все-таки не понял...

— Кепка и очки принадлежат Джумберу. Неужели не сообразил?

— Ты уверен?

— Это бесспорно.

— Подумать только! А все выгораживал его, жалел... В нем-то ты точно ошибся. Придется срочно арестовать Джумбера.

— Не спеши.

— Почему? Если ты убежден, что кепка и очки его...

— Ты же видел, как вела себя Бадур.

— Но я не понял сути, для чего она бегала к Зурабу Хидурели?

— Отношения Зураба Хидурели и Джумбера Дэвидзе по меньшей мере странные и очень насторожили меня после того, как я узнал, что они родственники. Зураб был опекуном осиротевшего Джумбера. Они то ли преследуют друг друга, то ли ищут встречи. Так или иначе, от обоих добра не жди, и их связь, мне кажется, многое нам откроет.

— По-моему, ты слишком увлекся. Пока ты будешь наблюдать да изучать их, этот твой Джумбер натворит еще чего-нибудь, видишь же — отпетый тип.

— Скажем, допрошу я Джумбера, окажусь совершенно прав — вещи его, а он скажет, что потерял их, оставил где-то, допустим, в том же ресторане, и кто-то воспользовался ими. Как быть тогда? На каком основании обвинять его в убийстве продавца?

Джуаншер выдвинул ящик стола и взял из него конверт. В конверте было письмо.

— На, почитай, — посмотрим, что ты скажешь.

«Уважаемые товарищи! Если вы заинтересованы избавить общество от страшного негодяя, мошенника, жулика, мерзавца — понаблюдайте за Зурабом Хидурели. Вы убедитесь, что место ему в тюрьме».

— Ну, знаешь! Ясно же, кто-то хочет сбить нас с толку, направить следствие по ложному пути.

— Я иного мнения. Выйду, проветрюсь немного. А ты тем временем вызови Джумбера Дэвидзе.

Джуаншер надел пиджак и вышел из кабинета.

Джумбер вошел в кабинет и угрюмо, сквозь зубы поздоровался с Мигриаули.

— Здравствуй, герой, садись.

— Если б хотели, чтобы я здоровствовал, не заставляли бы являться в это чертово место.

— Ну-ну, не расходишь. Расскажи-ка лучше, как живешь, чем занят и как дела вообще?

— Живу прекрасно, и дела мои прекрасны, все отлично, — саркастически ответил Джумбер.

Мигриаули встал, подошел к сейфу и достал из него кепку с очками, исподтишка наблюдая за Джумбером. Заметил, как он дернулся, не скрывая удивления. Потом порывисто приподнялся со стула и подался вперед, но тут же сел.

Джумбер сообразил, конечно, что если вещи нахо-



дятся в милиции, да к тому же хранятся в сейфе, то с ними связана малоприятная для их владельца история.

— Знакомы тебе эти вещи?

— Мои они, и кепка, и очки, я оставил их где-то недавно, а где, не могу вспомнить.

Джумбер смотрел спокойно, ни тени волнения ни в голосе, ни на лице не было.

— В магазине не оставляли?

— В магазине?!

— Да, в магазине тканей.

— Нет, нет, не помню даже, когда был последний раз в магазине тканей!

— А как давно ты их потерял?

— Недели две назад.

— Попытайся вспомнить, где ты их мог позабыть.

Джумбер долго молчал.

— Припоминаю: в тот день, когда потерял их, заходил пообедать в «Самадло». Знакомые ребята пригласили к своему столику, я подсел к ним и, видно, там оставил кепку и очки. Признаться, особо не переживал.

— Вещи эти пока останутся здесь в связи с расследованием одного дела.

— Я не возражаю.

— Кепку и очки мы обнаружили в магазине, где тяжело ранили продавца. Теперь ты понимаешь, что от твоих показаний зависит многое.

— Что может зависеть от моих слов после того, что вы сказали! Если на месте преступления найдены мои вещи, что может отвести подозрения от меня? Нечего мне сказать, семь бед — один ответ!

— Не хочу допускать и мысли, что ты способен на убийство, но ты ведь понимаешь, что факты свидетельствуют против тебя.

— Подозревайте и обвиняйте в чем хотите, мне все равно, только оставьте в покое! — Джумбер в отчаянии опустил голову.

— Скажи, пожалуйста, для чего ты приходил в НИИ тридцатого июля, к кому и зачем?

— Что вы следите за каждым моим шагом?! Какая связь между преступлением в магазине и тем, что я был в НИИ?

— Об этом — позже. Ответ на мой вопрос.

— Допустим, что я заходил повидать родственника, что — не имею права?

— Разумеется, имеешь. Успокойся, Джумбер, не взвинчивай себя, иначе не сможешь трезво мыслить. Постарайся взять себя в руки и спокойно обдумывай ответы.

— Хорошо, постараюсь.

— Ты заходил к Зурабу Хидурели?

— Я не знаю никакого Зураба Хидурели.

— Советую тебе говорить правду.

— Предположим, что он мой родственник, но я не его собирался повидать.

— Кого же?..

— Неужели это так важно?

— Да, представь. Тебе вряд ли известно, но как раз в тот день, вернее, в тот вечер, когда ты зашел в институт во второй раз, там скончался ассистент профессора Узнадзе. Предполагают, что он был отравлен, а из лаборатории исчезли материалы важного исследования.

— Что я за несчастный человек! Выходит, каждый мой шаг связан с преступлениями?! Куда бы ни пришел, всюду происходят несчастья! — Джумбер горько вздохнул. — Диву даюсь, как я успел натворить столько бед! Сколько может выдержать человек, сколько пережить за короткую жизнь! Все оборачивается против меня.

Мигриаули закурил и встал, нерешительно положил руку на плечо Джумберу, но тот недовольно сбросил ее.

Они посмотрели друг на друга в упор. Лицо у Джумбера пылало.

— Меня призываете к искренности, а сами хитрите! Не справляетесь, не находите настоящего преступника и на мне решили выехать. На мне отыграться!

— Вот оно что! — Мигриаули вмял окуроч в пепельницу. — Не думал, что ты так скверно судишь обо мне.

— Не давите! Не пойду у вас на поводу! — вскричал Джумбер в ярости.

— Я ночей не сплю из-за этих преступлений и меньше всего подозревал тебя... Не пойму, чем я вызвал твое недоверие?

— Я помощи ждал от вас, а вы во всех преступлениях меня обвинить готовы! — Джумбер, казалось, не слышал его.



— Ты неверно понял наш разговор, Джумбер. Кое-что из твоего прошлого мне известно, и я, верь моему слову, хочу помочь тебе, но и ты считайся с фактами, от которых не отмахнуться.

— Ясно, на что вы намекаете.

Джумберу хотелось верить Мигриаули, но непонятным было его отношение к нему, Джумберу. И он настороженно думал — что на уме у этого странного инспектора, к чему он клонит?!

А Мигриаули тоже остался недоволен беседой с Джумбером.

— Между прочим, совсем забыл — очень благодарен тебе за предупреждение — и письменное, и устное. Если б ты не позвонил в Управление, бандиты расправились бы со мной. И записка твоя кстати пришла.

— Какой звонок в Управление? О какой записке речь? — воскликнул Джумбер, изумляясь, но чувствовалось — притворным было изумление.

— И думаю, что грозное письмо Зурабу Хидурели тоже написано тобой, — мягко промолвил Джуаншер.

Джумбер промолчал. Снова тоскливо сжалось сердце. Ничего не видя, отрешенно смотрел он в окно. Наконец спросил с горечью:

— Допустим, я написал, что из этого? Чего вы добиваетесь от меня?

— Искренних показаний.

— У меня такое состояние, что все безразлично. Я ничего не соображаю, — устало сказал Джумбер, но Мигриаули почувствовал, что Дэвидзе расскажет все, что ему известно.

Перевалило за полдень, когда Мигриаули кончил допрос.

Джумбер неторопливо покинул кабинет инспектора.

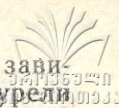
\* \* \*

— Не вяжется убийство с обликом Зураба Хидурели, — Темур пожал плечами. — Он производит впечатление добропорядочного человека. Конечно, внешность часто обманчива...

— Мне непонятно, зачем он подкапывается под профессора Узнадзе? Только ли из желания занять пост директора?

— А ты не допускаешь мысли, что исследования





профессора, его научная деятельность — источник зависти и отсюда — вполне понятной ненависти Хидурели к Узнадзе?

— Допустить и предположить можно многое... Противораковый препарат, который создали профессор Узнадзе и его ассистент Саджая, вполне вероятная причина зависти и вражды, но... Темур, давай еще раз проанализируем все случившееся в институте.

— Почему порученные нам дела ты увязываешь с другими преступлениями, расследовать которые нам не положено? Дело о самоубийстве Саджая у тебя забрали, передали следователю прокуратуры, обвинять в смерти Саджая некого, что же ты опять возвращаешься к этой истории?! Покончил человек с собой, его дело, в конце концов, правильно поступил или нет, не нам с тобой разбираться.

— Не скользи по поверхности, Темур. Во-первых, в институте работает Зураб Хидурели. Поэтому нам надо уяснить возможную причастность его то ли к самоубийству, то ли к убийству Саджая. Во-вторых, у нас уже есть основания считать, что Зураб Хидурели каким-то образом связан со всеми тремя преступлениями. Преступники пристально следят за нами. Я не успокоюсь, пока не доберусь до них, поэтому вникаю во все, что хоть как-то связано с Хидурели, его сыном и Джумбером. Нам не за кого больше уцепиться...

— Да, кстати, забыл тебе сказать, вчера вечером я был в «Самадло». Когда ресторан закрылся, я последовал за Бадур. Зураб Хидурели поджидал ее поблизости. Они шли по тропинке, мимо заброшенного сада. Внезапно на тропинку передо мной легла тень, а следом на нее ступил Джумбер. Заметил меня и, насвистывая, шатаясь, побрел прочь, прикинулся пьяным. Испугался меня или при мне не хотел подходить к Хидурели — не знаю. Следить за ними дальше не имело смысла.

— Что им нужно друг от друга? Пока не дознаемся, не выведем на чистую воду Зураба Хидурели.

— Все с ним неясно — у него украли бесценные вещи, а он просит не искать грабителя, хотя сам же и сообщил тебе! В ресторане сам подошел, желая помочь правосудию, а потом подкупить тебя пытался, уговаривая прекратить расследование.



— Джумбер Дэвидзе дважды был судим. Первый раз его забрали в доме Зураба Хидурели — якобы пытался ограбить дядю. Разве это не странно? Хидурели был его опекуном... Мне почему-то кажется, что оба раза Хидурели подвел Джумбера под суд, подстроил что-то, воспользовавшись связями в милиции.

— И несмотря на это Джумбер опять забирается к нему в дом?!

— Значит, ищет там что-то. Я ведь говорил тебе, что он не взял ни одной ценной вещицы, а брать было что!

— Забрался, хотя знает, что за ним, возможно, установлена слежка...

— Если он ничего не взял из дома Хидурели в последний раз, разумно ли нам предполагать, что бриллиант и какие-то еще драгоценности похищены им?

— Объясни, почему ты вернулся к подозрительной смерти Саджая, что тебя побудило?

— То, что Джумбер—родственник Зураба Хидурели и его сына Бакура! Бакур сказал при допросе, что не виделся с Джумбером со дня последнего ареста, а выяснилось, что они общаются и дружат.

— А при чем тут ассистент профессора Узнадзе и его смерть?

— Оказалось, что Зураб Хидурели и Магали Саджая тоже родственники и довольно близкие.

— Мало ли было родственников у Саджая, что тебя насторожило?

— То, что Саджая и с Джумбером Дэвидзе, оказывается, родственники. Есть над чем подумать.

— Над этим пусть думает Давид, а у нас и без этого своих проблем больше чем достаточно.

— Пожалуй, я согласился бы с тобой, если б Джумбер Дэвидзе не фигурировал в этом деле.

— Объясни.

— Дэвидзе вошел в лабораторию в тот самый момент, когда умирал Саджая!

— Как совершается преступление, так Джумбер тут как тут, — засмеялся Темур.

— Тебе смешно, а поставь себя на его место.

— А что ему нужно было в лаборатории вечером, каким образом он прошел туда без пропуска, зачем?

— Твои вопросы резонны, но я не на все могу от



ветить. В тот злополучный день Джумбер приходил к Магали Саджая днем и просил помочь ему подыскать работу. Саджая предложил зайти вечером, пообещав, что он переговорит с директором. Вот почему Джумбер оказался в институте вечером. Вахтер был предупрежден и пропустил его... Уже из этого следует, что Саджая не собирался кончать жизнь самоубийством. Джумбер сказал мне, что, когда он постучался в лабораторию, изнутри послышался шорох, глухой шум, но никто не отозвался. Он снова постучал, подождал и хотел уже открыть дверь, как она распахнулась, и мимо него, едва не сбив с ног, стремительно пронесся Зураб Хидурели — то ли с сумкой, то ли с портфелем в руках. Ошарашенный этим, Джумбер машинально вошел в лабораторию и увидел Саджая в кресле — голова у него была безжизненно откинута, и все свидетельствовало о том, что он мертв. Джумбер выскочил оттуда и опомнился только на улице. Винит себя, переживает, что сразу не позвонил в милицию, не сообщил кому-нибудь о случившемся, но в тот момент рассудок отказал ему, голову потерял от страха — слишком неожиданно все было и ужасно. Вахтер, которого я расспрашивал, подтвердил, что парень вошел в институт и минут через пять как угорелый пронесся мимо него и выскочил на улицу.

— Следовательно, в убийстве Саджая надо подозревать кого-то из них двоих — Зураба Хидурели или Джумбера Дэвидзе. Они оба могут быть обвинены в совершении преступления.

— Посмотрим, до чего докопался Давид Сачарели, сумел ли он установить, кто из двоих был заинтересован в смерти Саджая. Давид допрашивал Джумбера после меня и, думаю, узнал все более подробно. И еще. Если Джумбер был бы причастен к происшествиям у «Самадло» и в магазине, Зураб Хидурели не старался бы прекратить следствие.

\* \* \*

Зураб отпустил шофера, сказав, что сегодня обойдется без машины.

Вечер был прохладный, приятный, и он с удовольствием шел пешком.

Как давно не ходил он по этому проспекту, по которому любил прогуливаться в молодости. И вообще,



как давно не ходил он пешком — все время на машине, и сейчас непривычно было ступать по тротуару, ступал так, словно босой шел по колючей траве. Кто-то подумал, что от ходьбы можно отвыкнуть.

Прохожие здоровались, низко, почтительно кланялись. Он кивал, но не узнавал их. У знаменитого магазина прохладительных вод замедлил шаг, вспомнил, как любил без дела стоять тут с ребятами и как радужно бывало на душе, хотя в кармане и на воду не находилось мелочи. Улыбаясь, с невольной завистью оглядел стоявших перед магазином молодых людей, привычно собравшихся на излюбленном месте. И подумал о своих детях. Дочь совсем уже взрослая, в институт поступает, Бакур — пристроен. Хорошие дети, и жена у него отличная, писаная красавица, и при этом — умница.

Мысли увлекли Зураба, и он не заметил, как прошел весь проспект. Непонятная тоска заползла в душу, одиноким ощутил он себя на многолюдной улице. Сравнил себя, давнего, молодого с нынешним и поразился перемене. Как незаметно остыло горячее сердце и угасли высокие порывы, пока он приспособливался к жизни. Удивился, что никогда не задумывался над этим. Вероятно, потому, что прежде не чувствовал себя столь одиноким. Друзья детства отошли постепенно, от многих он сам отстранился и давно уже окружен просто знакомыми и подчиненными, теми, кто подобострастно улыбаются, покорно выслушивают и исполняют его указания и желания. Да, он высоко поднялся по социальной лестнице и не считал достойным себя общаться с кем попало. И не стало друзей. Лишись он завтра положения и состояния, не найдется человека, с которым можно будет просто поговорить, по-дружески вспомнить молодость. Пация всех его друзей отвадила, лет десять, как ни один друг юности не переступал порога его дома. Зато нужных людей вокруг — пруд пруди...

От этих мыслей на душе стало горько.

К своему роскошному особняку Хидурели подошел в скверном настроении.

Поднялся по лестнице и только собрался достать ключ, как дверь сама открылась. Домработница явно ждала его, она тут же взволнованно сообщила:

— Вам только что из милиции звонили!

— Мне? — удивленно спросил Хидурели. Круглое лицо женщины выражало и растерянность и страх.

— Да, батано, вам, велели явиться в милицию, как только придете с работы.

\* \* \*

У кабинета Мигриаули Хидурели вдруг ощутил непонятную слабость. Постоял, обрел, было, привычную самоуверенность, но, открыв дверь, напоролся на суровый взгляд инспектора и сразу сник.

...Из Управления он вышел сам не свой, ошарашенный от всего услышанного. Слишком неожиданно обрушилось на него все. Потеря бесценного бриллианта была ничем по сравнению с тем, что предвещала краткая беседа с инспектором, который ничего категорично и конкретно не сказал, но... Но дал понять, что он располагает сведениями, ничего хорошего Хидурели не сулящими. Что имел в виду Мигриаули, на что он намекал, Хидурели отлично знал—это и привело его в ярость.

«Нет, дорогой, до главного не докопаешься, никто не знает моей тайны, и ключ к ней у меня... Знал бы ты все, — вряд ли отпустил меня... Клещами не вырвешь ту тайну, не дождешься признания», — злорадствовал Хидурели, мысленно обращаясь к Мигриаули, но суровый взгляд инспектора, который нет-нет, а вспоминался, подавлял его уверенность в себе, заставлял осознавать свое бессилие.

В конце концов Хидурели разозлился на себя. Что он малодушничает?! «Не загнали еще в угол. Положение малоприятное, но выход всегда найдется. Главное, не поддаваться страху, не терять веры в свои возможности».

«Плохи дела, никто меня жалеть не станет. Пропаду, если не противопоставлю что-нибудь инспектору Мигриаули. Ничего, найдется, кому укоротить ему руки и охладить служебное рвение!»

Хидурели стал перебирать в уме своих всемогущих друзей-покровителей.





Начальника отдела угрозыска капитана Хинтибидзе Мигриаули застал в несвойственном тому радужном настроении. Улыбка на лице начальника была редкостью и сразу озадачила...

— Как идут дела, Джуаншер? Есть ли успехи?

— Плетем сеть, скоро отправимся рыбачить.

— Нет смысла рыбачить — одна мелочь. Преступно тратить на это твое бесценное время. Я переговорил сегодня с начальником Управления, по-видимому, освободим тебя от этих пустячных дел и поручим вести более сложные и значительные. Смотри, не заносись только! — Хинтибидзе неизвестно почему громко захохотал. — Я человек суровый, добротой и лаской никого не балую и мало кого жалую. Ты первый, кто заслуживает и слышит от меня ласковые слова — везучий ты, скажем прямо. Не исключаю, что ты обижен на меня, я бывал с тобой резким, но и меня надо понять. Считаю, что в обращении с людьми, а тем более подчиненными нужна суровость, строгость, а иного и строгостью не проймешь, хоть молоток бери в руки. Не сердись, если иногда и тебе доставалось от меня...

Мигриаули слушал, изумляясь непривычному тону капитана и его сияющему лицу, доброжелательным словам. Нет, неспроста исходил капитан радостью!

— Я все же хотел бы довести порученные мне дела до конца. Закончу их, товарищ капитан, и готов выполнить любое новое задание.

Капитан побагровел, он не терпел, когда возражали.

— Вопрос согласован с начальником Управления. Приказ начальника обсуждению не подлежит, ты обязан выполнять его.

— Я понимаю, но если он во вред делу...

— Как вы смеете! При мне обсуждать приказы начальства! Я немедленно поставлю вопрос о вашем...

— Не спешите и не принимайте решения сгоряча. Что вы вправе, а что нет, вам хорошо известно. Милости у вас не просил и не прошу!

Мигриаули покинул кабинет Хинтибидзе и направился к кабинету начальника Управления. Вошел к нему без разрешения.

Занятый какими-то бумагами, начальник коротко бросил, не поднимая головы:

— Садитесь.

Джуаншер придвинул стул и сел.

— Слушаю вас, Мигриаули, по какому вопросу ко мне? — спросил полковник, отрываясь от бумаг.

— По очень серьезному вопросу, иначе не стал бы занимать ваше время.

— Давайте прямо к делу.

— Вам известно, что я с моей опергруппой занимаюсь расследованием двух преступлений.

— Да, сегодня утром капитан Хинтибидзе был у меня по этим делам. Я удовлетворил вашу просьбу — можете передать дела, — неожиданно резко, недовольно сказал полковник.

— Почему? Я не просил освободить меня от этого задания!

Полковник уставился на Мигриаули с нескрываемым удивлением.

— Не понимаю вас! Что все это значит!?

— Повторяю, я никого не просил отбирать у меня эти дела! Расследование подходит к концу, и я надеюсь в ближайшее время задержать всех преступников.

Полковник нажал на кнопку, в дверях возник милиционер, вытянулся в струнку.

— Вызовите капитана Хинтибидзе!

Капитан предстал перед начальником, не смея глаз поднять.

— Слушаю вас, Мигриаули, повторите то, что вы сказали несколько минут тому назад, — сказал полковник.

— Расследование завершается. Уже достаточно данных, наводящих на мысль, что одни и те же лица замешаны в преступлениях у «Самадло» и в магазине. Много прояснилось в связи с делом по ограблению Зураба Хидурели. Похищенные у него драгоценности, в том числе уникальный бриллиант, найдены — к перекупщику они попали от кассирши, которой их продал молодой человек, причастный к происшествию у «Самадло», но, по оперативным соображениям, мы его пока не арестовали. Бакур Хидурели, которому неволью приписывался выстрел во время драки у «Самадло», оказался невиновным, так как согласно трассологической экспертизе, выстрел сделан был с большого расстояния кем-то посторонним, — проговорив это, Миг-



риаули заметил, как облегченно вздохнул довольный е  
словами капитан. — Но Бакур Хидурели в какой-то м  
ре причастен, возможно, к ограблению магазина так ка  
в тот час его машина стояла на месте преступления. О  
ним словом, мне нужно еще немного времени, и я пр  
шу не передавать эти дела другому работнику.

— Что вы скажете, капитан? Зачем вы пытались  
отстранить Мигриаули от следствия и ради этого да  
не побоялись обмануть меня?

Капитан стоял ни жив ни мертв.

— С вами разговор будет особый, капитан Хинт  
бидзе, — глаза полковника метали искры. — А вы, Ми  
риаули, продолжайте следствие. Будет нужно — пр  
креплю к вам еще одного оперработника. Если возник  
нут трудности, обращайтесь прямо ко мне...

\* \* \*

Зураб Хидурели медленно спустился по полутемно  
лестнице и вышел на улицу. Джуаншер Мигриаули сн  
ва вызывал его, и на этот раз допрос продолжался д  
вольно долго.

Из Управления он вышел униженный, в омерз  
тельном состоянии. Домой идти не хотелось.

Остановил такси, назвал адрес и через нескольк  
минут был у гаража, где стояла его «Волга».

Решил махнуть куда-нибудь — развеяться.

Посмотрел на себя в зеркальце и оторопел — вол  
сы на висках побелели, лицо пожелтело — за какой-  
час состарился на десять лет!

Привыкший к всеобщему подобострастию и почет  
он был разом унижен и придавлен предъявленным е  
обвинительным материалом! Чувствовал себя вывал  
ным в грязи. На душе скребло, а сердце сжималось  
боли.

Хидурели гнал машину на предельной скорости. В  
тер приятно остужал его, но душевный покой не во  
вращался.

\* \* \*

Джуаншер позвонил дежурному, попросил, чтоб  
принесли вещи, похищенные у Хидурели.

Сержант милиции внес вещи Зураба Хидурели.

— Положите вон туда, — Мигриаули указал на столик у стены. — Пригласите Хидурели.  
Сержант удалился. В кабинет вошел Зураб и чего-то дующе спросил:

— Что случилось? На днях вы вызывали меня!

— Будьте любезны, подойдите вон к тому столику. Зураб глянул на столик и подскочил к нему.

— Мои вещи, мои! — вскричал он, озирая золотые и серебряные изделия. — Как мне отблагодарить вас! Спасибо, спасибо!

— Мы всего лишь выполнили свой долг... А наш долг помочь людям в беде — в отличие от тех, кто строит свое счастье на несчастье других.

Хидурели похолодел в предчувствии чего-то неприятного.

— Кто родную плоть и кровь не пожалеет, тот на все способен.

— Не верится, право, что сумели поймать вора!

— Мне стала известна история, по сравнению с которой похищение ваших ценностей — ничто, — заметил Джуаншер, вперяя в Хидурели взгляд, под которым тот весь съежился.

— Нет страшнее злодеяния, чем предать ближнего своего.

Зураб Хидурели сообразил — в него метит инспектор, на него обрушил тяжкое обвинение. Но что, что он имеет в виду?

— Чего стоит человек, который дал слово заменить осиротевшему мальчику отца, а потом обобрал его, лишил крова и бросил на произвол судьбы?!

Хидурели не выдержал осуждающего взгляда Мигриаули, свет померк в глазах, и он схватился за спинку стула, боясь упасть.

Однако взял себя в руки и с наигранным удивлением спросил:

— Зачем вы говорите мне все это, что общего у подобного негодяя со мной?!

— Все эти золотые и серебряные вещи продал одной женщине парень, ставший преступником по вине родного дяди!

— Мой родственник?! — безотчетно воскликнул Хидурели.

— Ваш родственник! — злорадно повторил Мигри-



аули, довольный эффектом: как ни хитер Хидурели, не сдержался, выдал себя. И насмешливо спросил: Неужели вы и есть тот самый дядя?

— Я не губил его, — холодно отчеканил Хидурели и весь напрягся, будто ждал удара.

— Кто занял квартиру сироты?

— Откуда мне знать — кто! — зло бросил Хидурели, готовый на части разорвать инспектора.

— Темная история... Ладно, проясним ее.

— Сколько бессонных ночей провел я, заботясь о мальчишке, мог ли я поступить с ним плохо?! Я и злодеяние! Да как вы смеете?

— И в самом деле, за что я вас оскорбляю! Вся история сироты подтверждает искренность и правдивость ваших слов, — вы честно выполнили обещание, данное в день похорон его отца, ничего не жалели для его счастья!

Хидурели тяжело вздохнул.

— Не для добрых дел, для злодеяний родился он на свет!

— А если точнее — кто толкнул его на преступную стезю?

Хидурели промолчал, лишь передернул плечами, рассеянно глядя на драгоценные изделия, некогда принадлежавшие родителям Джумбера.

— Не хотите ответить?

— Не могу.

— Ну объясните хотя бы то, как вам удалось лишить его родительской квартиры.

Хидурели молчал, словно не к нему обращался инспектор.

\* \* \*

В последнее время Мигриаули постоянно думал о Джумбере. Если не помочь парню порвать с прошлым, говорил он себе, не вернуть ему веры в добро, веры в человека, кто знает, что он еще совершит, окончательно исковеркав свою жизнь.

Мигриаули решил побывать в доме, где когда-то жил Джумбер Дэвидзе, и выяснить, кто занял квартиру его родителей и каким путем.

Был полдень, когда он вышел из Управления. Солнце пекло нестерпимо.

Вскоре Мигриаули оказался в одном из старых районов Тбилиси. Дом стоял на пологом склоне, среди просторного двора, окруженного высоким забором.

Мигриаули спросил сидевших во дворе женщин, где найти управдома, но, узнав, что ему нужно, они сами указали квартиру, где некогда жила семья Дэвидзе, а совсем юная высокая, тоненькая девушка вызвалась проводить его. Поднимаясь с ним по лестнице на верхний этаж, она нерешительно спросила, не знает ли он, где теперь живет Джумбер? Мигриаули сообщил девушке адрес юноши.

На площадке второго этажа девушка указала инспектору на старинную массивную дверь и, прежде чем бежать вниз, уточнила адрес:

— Ведзиси двадцать, да?

— Да, Ведзиси, двадцать! — подтвердил Мигриаули и, ласково улыбнувшись ей вслед, постучал в дверь.

Ему тут же открыли. На пороге стояла полная женщина средних лет.

— Вам кого?

— Извините, мне сказали, что тут раньше жила семья Дэвидзе. Мне надо выяснить кое-что о Джумбере..

Женщина всполошилась, изменилась в лице, испуганно схватилась за ручку, желая, видно, захлопнуть дверь.

— Закрой дверь, чего напустила мух, — грубо крикнул кто-то из глубины квартиры.

— Аркадий, тут пришел какой-то человек, поговори с ним.

— Иду, — отозвался Аркадий, и к двери приковывался, растирая рукой колено, тучный мужчина с глуповатым выражением лица.

— Занемели проклятые ноги, еле держат, — смеясь, пояснил он. — Так, какое у вас, говорите, дело?

— Он из-за того парня пришел, что жил тут.

— Не можешь придержать язык?! Человек сам скажет, что его интересует!

Женщина виновато отступила, пропуская мужа вперед.

— Сразу б и сказал, — пробормотал Аркадий, ступив в дверь. — Входите, чего в дверях стоим, в комнате Удобней, и стакан холодного пива не повредит нам.

— В хорошем месте живете.



— На место не жалуемся, очень удобное место и базар под боком, до Гогиловой бани рукой подать, горячий лаваш рядом выпекают. Все хорошо, только кухня маленькая. — Он повернулся к жене: — Давай жена, собери на стол, вроде бы достойный человек нам пришел, окажем уважение.

— Давно здесь живете?

— Скоро четыре года будет...

— Прекрасная квартира, — заметил Джуаншер, оглядываясь.

— Это все мой Аркадий, он постарался, кто бы дал нам такое жилье.

— Чего язык распустила, дура безмозглая!

— Браниться потом можете, а сейчас покажите пожалуйста, ордер на квартиру. Я не представился, извините. Инспектор городского угрозыска, пришел по делу Дэвидзе. — Мигриаули показал удостоверение личности.

Супруги переполошились, испуганно переглядываясь, долго молчали, потом женщина взорвалась:

— Посмотри, какой поганец! Ни совести, ни стыда, обдурил нас, получается?!

Аркадий еле успокоил жену, потом открыл шкаф, порылся в ящиках и выудил наконец вчетверо сложенный пожелтевший ордер.

— Чего теперь старое ворошить, нервы трепать, мы люди, — просительно сказал Аркадий, лстиво улыбаясь.

— Никого сюда не впущу, трупом лягу, через порог не дам шагнуть, чтоб им света невзвидеть, окающим! Денежки в карман, а квартиру давай назад? Пускай попробуют, пускай сунутся! — вновь взвилась женщина.

\* \* \*

— Да, не думал, признаться, что наберем столько обличительного материала о Зурабе Хидурели. Представлялся невинной овечкой, а оказался злодеем из злодеев, — проговорил Темур, покачав головой, и проследил за колечками дыма из трубки. — Значит, в Эмзарэ Тодадзе стрелял Хидурели?

— Нет, по его заданию стрелял Рябой.



ЭМЗАР  
ТОДАДЗЕ  
011033

— Зачем Зурабу Хидурели понадобилось убивать молодого парня?

— Эмзар оказался случайной жертвой. Убить должны были другого.

— Ты меня совсем запутал...

— Все три преступления—дело рук Зураба Хидурели, которого жажда обогащения лишила всего человеческого. Когда-то он был порядочным, честным, но постепенно одичал, озверел... Один из трех его подручных, вернее, сообщников, которых мы взяли во время вчерашней операции, а именно — Моше Залиев, всего полгода как освобожденный из заключения. На работу не устроился, прибился к Хидурели и стал верным исполнителем всех его подлых дел. Рукой этого подонка и послана пуля, угодившая в Эмзара Тодадзе, а погибнуть должен был Джумбер Дэвидзе.

— Почему?! Чем он провинился перед Хидурели?

— Зураб Хидурели хотел раз и навсегда избавиться от Джумбера. Ты уже знаешь, что Хидурели—родственник Джумбера. Когда Джумбер осиротел, у него вслед за отцом умерла и бабушка, единственный близкий человек, и Хидурели прибрал к рукам оставшееся от родителей мальчика имущество, в частности фамильные драгоценности, золотые и серебряные вещи и тот уникальный бриллиант, что лежит в нашем сейфе. Но Хидурели не ограничился этим. Аппетит разыгрался, и он надумал отнять у племянника все. С помощью какого-то мерзавца подбил парня на воровство и упрятал в тюрьму. Пока Джумбер отбывал срок, он продал его квартиру, а когда тот вышел из заключения, заверил, что квартиру отобрали. С тех пор Джумбер ютится в полутемной каморке, которую ему «любезно» подыскал дядя.

Дэвидзе закончил школу и, представь, поступил в мединститут, однако был исключен за «хулиганство»— он защитил на улице девушку от приставших к ней хулиганов. Джумбер попал в трудное положение. Нашлись доброжелатели, которые намекнули, что ко всем его бедам причастен Зураб Хидурели, что дядя обобрал его и продал квартиру. Джумбер, естественно, ополчился против него. Ненависть к Хидурели толкала его на месть. Он требовал вернуть все родительское имущество, все ценности, которые тот присвоил, но Зураб уве-



ржал, что продал все драгоценности, вызволяя его из тюрьмы. Джумбер не поверил и, решив припугнуть дядю, подбросил ему угрожающее анонимное письмо. Зураб рассказал все Бакуру, на всякий случай, пусть сын все знает. А Бакур, пожалев Джумбера, занял его стору. Он хотя избалован родителями, груб и распушен, но в то же время не лишен чести, взял и, без ведома отца, вернул Джумберу все драгоценности. Зураб Хидурели так и не знает об этом, думает, что это Джумбер его обокрал. Нас с тобой все интересовало, откуда у Бакура деньги на рестораны. Так вот, деньгами его часто снабжал Джумбер, благодарный ему за помощь.

Джумбер успокоился, отстал от Зураба и жил, продавая драгоценности, но Зураб не мог успокоиться и думал, как ему расправиться с Джумбером. И тут еще вдобавок ко всему, Дэвидзе оказался свидетелем преступления в институте — случайно увидел Зураба Хидурели выбегавшим из лаборатории.

Заявить на Джумбера, указать на него как на грабителя Хидурели побоялся — наверняка вскрылись бы его собственные грязные дела. И решил покончить с ним «своими силами». Джумбер вечера часто проводил в «Самадло». Бадур дала знать Зурабу, когда Джумбер был в ресторане, и уголовник по кличке Рябой — Моше Залиев должен был убраться Джумбера. Но, как известно, довольно часто самые продуманные планы срываются из-за пустяка. Рябому сказали, что Джумбер в черном японском костюме. Однако во время ужина разгоряченный Джумбер снял пиджак и повесил на спинку стула, а сидевший рядом с ним Эмзар, выходя из ресторана, случайно надел его, приняв за свой. Теперь тебе ясно, почему пуля Рябого угодила в Эмзара. Тогда Дэвидзе?

В тот вечер и Бакур был в «Самадло», но «прожил жизнь» с другой компанией. Если помнишь, на следующий день к нам подошел Хидурели, якобы помоги советом, но в действительности попытался направить наши поиски по ложному пути. После этого Хидурели явился ко мне в Управление — будто бы в связи с кражей бриллианта и письмом, в котором ему угрожали смертью. На самом же деле он хотел выведать, не попали ли на след стрелявшего. А потом, с одной стороны, он требовал найти похитителя бриллианта, а с другой — пр



длагал не усердствовать, старался замять дело. После осечки в «Самадло» Зураб Хидурели задумал новое преступление. С помощью Бадур достал вещи Джумбера — кепку и солнечные очки и организовал ограбление магазина якобы с участием Джумбера Дэвидзе. И чтобы подозрение пало на него, оставили там его кепку и очки, а Рябой, выстрелив в продавца, сбежал, прихватив дневную выручку. Рябой вчера во всем признался. А я чуть не приписал Бакуру участие в ограблении магазина. Бакур категорически отрицал свое участие, уверял, что у магазина он был в восемь вечера, заезжал за девушкой, с которой ходил потом в кино. Я установил, что он не лгал. Прежде чем пойти в кино, Бакур отогнал машину к своему дому. А пока он был в кинотеатре, папочка передал машину своим подручным, и они около девяти подкатили к магазину и ворвались в него за минуту до закрытия. Так что и Бакур и Джумбер никоим образом не замешаны в этом преступлении. Зураб Хидурели наивно думал, что мы «ключнем» на вещественные улики, принадлежащие Джумберу, и сочтем его убийцей, изловим и отдадим под суд. Как видишь, и этот его план провалился. Джумбера Дэвидзе наказывать не за что, наоборот, ему надо помочь стать на правильный путь — это наш долг.

— Записку, в которой нам советовали следить за Зурабом Хидурели, поскольку он преступник, прислал Джумбер?

— Да, он.

— А зачем Джумбер забрался в дом к Хидурели — в тот раз, когда ты наблюдал за ним, раз ничего не думал брат?

— На этот вопрос отвечу я, — раздался тут голос Давида Сачарели, который неожиданно появился в кабинете. — Привет, коллеги! Порадую вас, я тоже фактически закончил расследование. У нас один герой, как выясняется: уважаемый Зураб Хидурели! А племянник его, Джумбер Дэвидзе оказался главной уликой, если можно так сказать, против всей преступной жизни Зураба Хидурели.

У Джумбера, когда он заполучил свое добро, ненависть к дяде притупилась. И он решил во всем признаться дяде и успокоить, сказать, что на его жизнь никто не покушался. Не желая встречаться с ним в его до-



ме, чтобы не столкнуться с Бакуром, пошел к нему в институт, но не застал, зато столкнулся с Магали Саджая, а они, между прочим, тоже родственники. Не зная, как объяснить свой приход в НИИ, Джумбер попросил Саджая подыскать ему работу. Саджая пообещал ему помочь и предложил прийти вечером к нему в лабораторию. Джумбер пришел, но дверь в лабораторию оказалась запертой. Вдруг дверь распахнулась, и из лаборатории вылетел Зураб Хидурели — Джумбер узнал его, хотя тот пулей пронесся мимо. Хидурели тоже узнал Джумбера и, естественно, был в ярости — племянник оказался очевидцем его пребывания в лаборатории, когда там умирал отравленный им Саджая. И уж после этого Джумбер проник к дяде в дом в надежде выкрасть свое письмо...

Зурабу Хидурели придется признаться в преступлениях. Медлить нам незачем. Сегодня же и оформим его арест, пока он не скрылся. Впрочем, он этого не сделает, некуда ему деться. Тем более, прошел слух, что Зураба Хидурели назначают директором института.

— Об этом я ничего не знаю, но профессора Узнадзе этот мерзавец загубил — обвинил его в смерти Саджая, якобы профессор довел Саджая до самоубийства из-за препарата, который он вынужден был принять, что и явилось причиной смерти. Если б не Джумбер, который сначала сознался тебе, а потом и мне, как он застал Хидурели бежавшим из лаборатории, вполне вероятно, что следствие не сумело бы установить виновность Хидурели.

— А теперь и подручные Хидурели разоблачили его — не отпереться негодяю.

— Да, к тому же из дневниковых записей Саджая очевидно, что у него и мысли не было кончать с собой, а вот испытать на себе препарат — да. Так что Саджая отрицает то, в чем Хидурели посмел обвинить профессора.

— Почему Зураб Хидурели преследовал Джумбера — понятно, но чем мешал ему Саджая? — недоуменно спросил Темур.

— Зависть, тщеславие, алчность — вот что определяло поступки Зураба Хидурели. Он решил завладеть результатами исследований профессора Узнадзе и его ассистента, затем занять пост директора НИИ. Для



этого он добавил яду в стакан с препаратом, который собирался принять Саджая. Вполне возможно, что Саджая поделился своим намерением с Хидурели, и тот проследил за Саджая. Когда тот умер у него на глазах, он выкрал из лаборатории нужные материалы. Именно в этот момент и застал его Джумбер Дэвидзе.

Не будем же тянуть дальше — пора арестовать нашего героя.

Темур, не слушая уже Давида, что-то писал.

— Что ты строчишь, Темур, не ордер ли на арест Хидурели? — спросил Джуаншер.

Темур поднял голову, грустно взглянул на Джуаншера:

— Неужели Бадур, красивая, молодая—соучастница этого грязного типа? — И по выражению лица чувствовалось, как сильно он огорчен.

— Увы! Хидурели сумел подчинить ее, она слепо выполняла все его указания и просьбы, не подозревая, конечно, всего, что он творил. Он сумел ее обольстить, она имела на него виды, а когда узнала, что он отец взрослых детей, пыталась отравиться. Еле спасли бедняжку...

\* \* \*

До предела взвинченный Зураб Хидурели гнал машину на предельной скорости. Рядом с ним сидела женщина, белолицая, с разбросанными по плечам красивыми волосами, и беспричинно смеялась. Ее возбужденный звонкий смех так и подхлестывал Зураба.

Стремительно поглощая серпантин дороги, машина скоро въехала в Цхнети.

— Знаешь, чем ты пленяешь меня, Зураб? Своим юношеским пылом, и вообще — ты юноша!

— Конечно, мне всего двадцать лет! — мрачно изрек Хидурели.

— Ты не в духе, Зураб! Что тебя расстроило? — Женщина посерьезнела.

— Ничего.

— Не скрывай, что-то съедает тебя.

— А ты любишь меня? Горько мне, Элеонора. Такое чувство, будто я всеми покинут, не вижу рядом близкой души, кажется — никому не нужен, всеми забыт.



— Замолчи, бессердечный! Как ты можешь так говорить! Я счастьем поступила ради тебя, а ты...

— Хочешь сказать, что мы чем-то поступаемся ради друг друга?

— Ты — нет, а я женщина и без тебя жизни не мыслю.

— Извели меня мысли, Элеонора! К черту — трезвый ясный ум! Хочу окунуться в хмельной дурман, забыться, любовь моя! А какая еще радость в жизни?! Приехали, Элеонора, — Зураб вкатил машину в просторный двор, остановил ее у коттеджа, среди сосен.

После городской духоты прохладный горный ветерок приятно оведал лицо.

В одном окне — там была спальня, — Зураб увидел свет и с досадой подумал, что забыл выключить его в прошлый свой приезд. Торопливо поднялся по невысокой лестнице.

Элеонора спокойно последовала за ним.

Подойдя к спальне, Зураб прислушался — на всякий случай, нет ли там кого.

Ниоткуда ни звука.

Он уверенно потянул на себя дверь и окаменел.

— Что с тобой, Зураб? — Элеонора заглянула в комнату и тоже застыла, потом резко повернулась и устремилась во двор. На диване сидели в обнимку Пация и тот самый Авто, которого Зураб, по совету жены, принял на работу в институт младшим научным сотрудником. Все еще не веря своим глазам, Зураб дико вскричал «Пация!» и подскочил к ней.

— Прости, не убивай! — завопила Пация и кинулась мужу в ноги, взмолилась, заламывая руки: — И ты ведь не святой! Всю жизнь обманываешь, развлекаешься с кем хочешь! Ты сам виноват! Прости ради Бакура и Натии!

Зураб резко развернулся и сломя голову выбежал из комнаты, слетел по лестнице и сел в машину.

Не думая, куда поедет, включил газ, и машина, рванувшись с места, понеслась по шоссе.

«Все, конец! Все пошло прахом! Попраны честь, достоинство, семья! Горе вам, Бакур и Натия, нет больше семьи, мы все опозорены!»

Сердце kloкотало в груди от ярости. Нестерпимо

и непоправимо было то, что допустила Пация, никогда, никогда не простит он ее.

Летит машина Хидурели. «Куда спешишь, Зураб? Куда несешься, Зураб? К кому?»

Да, в самом деле, куда? К кому? Нет у него больше семьи! Не дожидается его дома любящая жена! Любящая?.. А сам-то любил ее? Нет... Обманывали друг друга, притворялись! И как смешны они, верно, были в глазах людей, как насмехались над ними! «Бедная моя Пация, я виноват во всем! Я погубил тебя! Сам толкнул на позор своим безразличием! Не исправить положения, не спасти чести семьи, запятали ее, покрыли позором! И выставили на осмеяние. Сами стали посмешищем! Такой я сам себе противен и мерзок!».

Поглощенный горькими мыслями, он не заметил, как и когда въехал в город, с бешеной скоростью промчался по проспекту, вынесся на узкую крутую улочку, и машина ошалело понеслась вниз. И вдруг глаз схватил, довел до сознания фигуру человека посреди улочки — дворника с метлой... Круто вывернул руль, и машина, влетев на тротуар, врезалась в стену...

Дворник очнулся, подбежал к разбитой машине и, прежде чем она загорелась, выволок из нее Зураба Хидурели...

Через минуту пламя объяло машину.

На полуночной улочке не видно было ни одного прохожего.

Дворник скинул свой старенький пиджак, расстелил на тротуаре и осторожно уложил на него полуживого человека, а потом побежал к телефонной будке, набрал номер милиции.

— Тут на улочке «Волга» врезалась в стену, человек весь покалечен. Я узнал его, это врач Хидурели. Он умирает, приезжайте скорее...

Перевод Элисо ДЖАЛИАШВИЛИ





## Тверскому краю

## I

Может быть, Селигер — тоже небо, но сжатое льдом.  
Неподвижно, как туго спеленатый в люльке малыш,  
Оно все же кричит, это небо, о чем-то своем.  
Молча слушаем озеро, лед и белесую тишь  
Или слушает нас эта тишь, уходящая вдаль,  
На карнизах домов отливая хрустальный узор,  
В наши души вот-вот незаметно вгрызется печаль  
И заставит запеть снегиря, что молчал до сих пор.  
Афанасий Никитин свои здесь оставил следы.  
(Как ты любишь его, как ревную тебя я к нему!)  
Может, Волга сотрет их весенним разливом воды,  
И Россия нашепчет об этом лишь мне одному.  
Хотя космос хранит нас, раскинув волшебную сеть,  
Нам никто не подскажет: мы есть или нас уже нет.  
Боже, пусть этот снег будет петь, нескончаемо петь,  
Боже, пусть он всегда будет лить нескончаемый свет.  
Оживи этим снегом, о Боже, реку и родник,  
Мощной силой Антея наполни грядущие дни,  
Помоги всем несчастным, кто сердцем ослаб и поник,  
Всех, кого я люблю, укрепи, сбереги, сохрани.  
А по небу плывут к Селигеру и ждут облака,  
Когда тронется лед и очнется от спячки весна,  
Я ее не дождусь, и в душе ледяная тоска.  
Все твердит: я уеду и ты остаешься одна.

## II

Окончится ли эта ночь рассветом  
Или продлится, снова загрузив?  
Березовым весенне-хрупким веткам  
Идет печальный трепетный мотив.  
Ты снилась мне: ты пела как-то странно,  
О чем ты пела, я понять не смог,  
И с этих пор глаза саднят, как рана,  
И что-то режет веки, как песок.  
Но мне излиться черною печалью

Мешает мысль о зимней белизне,  
Я прошлое твое предал молчанию,  
Сказав: оно принадлежит не мне.  
Сегодня я молчание нарушу,  
Увидя в свете нынешнего дня,  
Что прошлое твое глядит мне в душу  
И, как дитя, ждет ласки от меня.

Перевод Ларисы ФОМЕНКО

\* \* \*

Осень с веток  
Незримой рукою  
Цедит капли лучей померкших —  
И плывут над тропой лесною  
Листья,  
Словно души умерших,  
Вся природа воеет по-вдовьи,  
И шиповника куст одинокий  
Раздирает себе до крови,  
Как язычник,  
Желтые щеки.  
Волосы распустив, причитая,  
Ветер бьется в пыли погребальной.  
И бреду я по лесу,  
Читая  
Желтых жалоб пергамент печальный.

\* \* \*

Снился мне мрамор холодный и белый,  
Небо Колхиды в полдневном огне.  
Море у ног моих глухо ревело,  
Будто крушенье пророчило мне.  
И различил я  
В том реве, в том шквале  
Археополиса древнего зов:  
То ли молились там, то ли стонали  
Сотни умерших давно голосов,  
Звали меня,  
Пробиваясь сквозь время,  
Под небеса своей мертвой страны.  
Вдруг все затихло —  
И только ларчеми<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Ларчеми — древнеколхидский инструмент типа свирели.



Плачет из прошлого средь тишины,  
Раненым голосом кличет тревожно...  
И расцветает в душе у меня  
Небо Колхиды — цветок невозможный,  
Вечнопоющая рана моя.

\* \* \*

Уже светает в Картли.  
День осенний  
Бредет через долины и поляны.  
И деревья, стряхнув оцепененье,  
Как трубы, источают звук охряный.  
Прозрачен лес, в нем бродит эхо света,  
Тех красок эхо, что вовсю звучали  
Недавно здесь,  
Когда звенело лето,  
Пронзая землю знойными лучами,  
Когда жара, как желтая пантера,  
Терзала землю лапою свирепой...  
Но вот уже холодный ветер серый  
Куда-то гонит облака по небу,  
Как будто дней моих минувших стаю  
Все дальше, дальше в прошлое он гонит...  
Какая морось — мутная, густая!  
Какой туман! В нем лес вот-вот утонет.  
И даже коршун  
Мути этой млечной  
Пробить крылом не может утомленным.  
Уже снега отаркою овечьей  
Сползают тяжело по горным склонам.  
Ты лишь во сне коснешься прежних красок.  
Закрой глаза и слушай голос крови:  
Царица и царевичи из сказок  
К тебе придут и встанут в изголовьи.  
И ты приникнешь к родовым преданьям  
Всем сердцем, всею радостью, всей болью!  
Ты припадешь к тем временам прадавним,  
Что ветер вечности унес с собою.  
Там дерево стоит в своем расцвете  
С корой, еще не тронутою горем,  
Не зная, сколько топоров на свете  
Готово ствол его срубить под корень.

Перевод Нины ГАБРИЭЛЯН



## Утро

Утро доброе, граждане! Ну что это вы бредете,  
точно беглые каторжники?.. Отчего понурились,  
будто что-то потеряли на мостовой?..

Вам лень приподнять голову? Разве вы не должны  
приветствовать знакомых?

Почему, отчего? Кто подвесил вам эти хмурые  
физиономии, кто изобразил ваши щеки увядшими  
листьями? Какие такие заботы заставили вас позабыть  
о радости? Ваши лбы так собраны в морщины, что я  
не смог прочесть запечатленное на этих мемориальных  
досках...

Вы думаете: для вас увядает, для меня — цветет,  
так, что ли? Но, поймите, утро! Утром само сердце  
заставляет меня быть отзывчивым к городским  
птахам, празднующим возвращение неба и  
проветривающим веерами своих крыльев воздух,  
затхлый от наших снов...

Или к этой реке, что, как сабельный шрам, осталась  
на груди города, принести мне мои печали? У нее  
своих забот полон рот. Она, бедная, бьется, бьется, а  
не может возратить своим водам исконного цвета...  
Так еще мне возле нее повесить нос?!

Вам кажется, я прошлой ночью безмятежно спал и  
смотрел во сне развлекательную программу?..

Но, поймите, утро! Сердце не допустит, чтобы я  
испуганил настроение городским деревьям!

Они заглядывают в наши окна без задней мысли.  
А вы решили, что в этом городе я один не имею  
повода для тоски? Но, поймите, утро! Наиболее  
умные дети рисуют у солнца девять глаз, — разве  
от него скроешься! Не выходите ему навстречу  
подавленными, — оно не взойдет для вас вторично!

Уважайте хотя бы солнце, граждане!  
На каждой заре оно бьется за нас с тьмой и проливает  
за нас кровь.



Исправьтесь, оставьте хандру до вечера...  
Выше голову, шире улыбки навстречу солнцу!  
(И не забудьте сказать друг другу:

— Утро доброе!..)

## Полдень

Иду я и вижу: над городом июльское солнце  
становится чернильного, чернильного цвета...  
— Сейчас не то что человек — вода отдыхает, —  
слышал я в эту пору в деревне. Здесь так не говорят.  
Иначе тоже. Если кто-нибудь сверху кинет взгляд  
на эти улицы, мы почудимся ему муравьями,  
сползшимися на каплю меда...

Асфальт плавится...

Девушки точно раздеваются на ходу и на глазах...  
Остолбенело взирают деревья на свои тени: неужто  
мы такие коротышки!..

У птиц, кажется, хватило ума разлететься кто куда:  
сидят у родника на влажных камнях или студят об  
водопад разгоряченные грудки.

Невольно завидуешь девочке, сидящей за  
фортепьяно, чьи пальцы ложатся на клавиши, как  
снежинки на заснеженную ветку,  
для которой не существует полдневной жары,  
для которой Вивальди и Моцарт вместили весь мир.  
А граждане, столпившись по случаю перерыва в  
гастрономе, изумленно слушают полдневные звоны,  
где у каждого колокола — язык чернильного цвета...  
Я же, как скорбно-усталый врач, держу руку на пульсе  
города и слушаю стенания мостовой...

## Вечер

Солнце! Когда восходит солнце и держит в одной  
руке бубен, а другой бьет и бьет в него, чтобы все  
небо проснулось, ты, мой город, тогда погружен  
в раздумье!

Пробуждаются девушки... Полуодетые, они стоят в  
окнах и оспаривают первенство солнца...

И ты становишься бодрее, мой город!

Потом начинается время хозяек...

Их пестрые передники развеваются на сквозняке.

Они похожи на стяги.

На скорбные знамена покоренных стран...

Женский подвиг терпенья умиляет тебя, мой город!

Одно отворенное окно — улыбка одного дома...

Но чтоб улыбнулся город — все дома отворяют окна.

Так каждое утро становится днем,

а ты продолжаешь думать о всех прожитых тобой днях.

Меня это вдохновляет, и я хожу по твоим улицам так,  
будто ласточка, стригущая гладь воды...

Я так хожу, что не наслежу и на снегу...

И меня, как стрелку компаса, притягивает каждое  
дерево, дом, кафе, женщина или тень...

И я не знаю, на что потратить свою радость...

Но ведь он неизбежен, он наступит — тот день,  
если только я дождусь его прихода...

День, когда мне трудно будет отодрать подошву от  
мостовой...

День, когда из груди земли до меня донесется стук,  
как стучат в потолок с нижнего этажа, что означает:—

Спускайся, сосед!

Ведь наступит он?!

И, раздумавшись о таком дне, вижу я, вижу:

закат солнца таков, будто уже никогда не будет  
восхода, о город мой!

## Ночь

Что прервало мой сон? Недужность? Безволие?

Может, напротив, избыток сил?

Чем удержать себя до рассвета в этих четырех  
стенах?

Как вынести дуэт бессонницы и одиночества на трубе  
и барабане?

Я зажигаю свет и встречаюсь взглядом лишь с теми  
вещами, на которых следы твоих пальцев —  
цветы луговые...

Сон, мечтавший присниться мне, плачет в подушку...

Влезаю в одежду, как поезд в туннель, выбегаю в  
ночной город...

И город ночной прекрасен, как взор твоего ожидания.

Жалею всех, кто не бродил в эту пору по улицам,



кто не прислушивался к барабанной звонкости  
своих шагов.

Иду, иногда приглядываясь к ночным бабочкам,  
кружащимся подле ровно стонущих ламп неона, и  
вспоминаю нашу свадьбу, как похоже сновали  
вокруг тебя участницы обряда—сельские женщины,  
как осматривали, как шептались, прикрыв рот ладонью.  
(И город ночной прекрасен, как взор твоего ожидания)  
Иду и чувствую, как у города должны прорасти  
крылья ночной тишины.

Ну, думаю, сейчас он взлетит и закружит над звездами,  
что как пчелы на цветах, закружит, как птица в  
поисках пищи... Ну, думаю, стены домов потеряют  
плотность и станут прозрачными, и я увижу граждан  
без грима, в их бедной подлинности.

(И город ночной прекрасен, как взор твоего ожидания)  
В деревне теперь уж вторично кричит петух.  
Сноха и свекровь, вы спите (ты — в комнате, мать —  
на веранде).

И снюсь вам, скорее всего, я...

А может быть, вам не спится: маме неможется,  
а тебе не дадут забыться ее стоны (не прошу у тебя  
за это прощенья) Что поделать! Сноха обязана  
быть терпеливой...

(И город ночной прекрасен, как взор твоего  
ожидания)

Прохожу краем тротуара мимо многоэтажки.  
Свет горит в окне первого этажа.

Окно без занавесок, и я вижу, как женщина  
твоего возраста качает аквани<sup>1</sup>, и слышу плач ребенка.  
О, какой он любимый, желанный!..

Я брожу до утра. На рассвете приду к вокзалу и  
отправляю себя первым рейсом на запад, может, даже  
не обернувшись на этот город, который  
прекрасен ночью, как взор твоего ожидания.

Перевод Марины КУДИМОВОЙ.

<sup>1</sup> Аквани — колыбель.

## Новеллы

## НЕНАСТНОЙ НОЧЬЮ

Памяти Георгия Шатберашвили

**М**арт был на исходе, а весна все еще не вступила в свои права, по-прежнему хозяйничала зима — снежило, дул холодный ветер. Потом зачастили дожди. Из-за плотных облаков на несколько секунд выглядывало солнце, но внезапно налетал ветер, и небо наливалось свинцовой тяжестью.

В субботу из деревни приехал крестный и сообщил, что ветер сорвал черепицу с крыши нашего дома, и дождь заливает комнаты. Надо бы присмотреть за домом. Он собирался тотчас уехать, но мама не отпустила его — вот-вот придет Арчил, пообедаем, потом поедешь.

Отец и в самом деле пришел скоро. За обедом разговор шел о затажном ненастье, о деревенских заботах, о том, что задерживается сев.

После обеда отец сказал:

— Попутчик у меня есть, поеду в деревню, кое-что успею вечером, остальное доделаю завтра и в понедельник утром вернусь.

— Смеркается, куда в такое ненастье, — возразила мама. — Поезжайте завтра утром. Дождь, похоже, не прекратится, но хотя бы будет светло.

— Поехали, Ачико, — сказал крестный. — К чему откладывать на завтра?

Отец стал собираться, сложил в полотняную сумку гвозди, хлеб, сыр и вдруг повернулся ко мне:

— Если быстренько соберешься, поедешь с нами.

— В такую-то непогоду? — забеспокоилась мама.

Отец не ответил и заговорщически подмигнул мне.



Я быстро надела пальто, просунула ноги в боты, повязала голову теплым платком и стала у двери.

Мама улыбнулась:

— Тебе так хочется ехать в деревню?! Что ж, поезжай, поезжай, только не простудись. Дрова в марани, лобио в стенном шкафу и глиняный горшочек там же. Зажгите камин, не жалейте дров. Зайди к Сиде, у нее найдется мчади. Передай привет тете Любе и дяде Алекси. Да, чуть не забыла, повезите им баночку вишневого варенья...

— Давай, давай варенье и консервы, если они есть у нас, и в самом деле, не с пустыми же руками идти к ним, — сказал отец. — Надо торопиться, через полчаса отходит горийский поезд.

Едва поднялись в вагон, поезд тронулся.

Когда мы проехали Мцхета, дождь усилился, нависли тяжелые облака, стало темно, как ночью, но в Кавтисхеви лишь моросило, правда, довольно неприятно.

Паромщик сидел в сторожке и топил железную печь.

— Перевези нас на другую сторону, — попросил отец.

— Не стану я гонять паром по этой сумасшедшей реке, — наотрез отказался паромщик.

— Что же нам делать, мы приехали из Тбилиси.

— Подождите до утра, вон тахта, отдохните, может к утру прояснится, тогда посмотрим...

В это время в сторожку вошел высокий молодой человек. У него были большие красивые глаза. Я тотчас узнала его — это был Георгий Тваладэли, Гоги.

— Ачико!.. — обрадовался он, увидев отца. — Что вас занесло к нам в такую погоду?

— Да вот крестный сообщил, что протекает крыша, ну я и приехал подлатать ее...

— А девчущку в помощники везешь?

— В помощники, а как же! — улыбнулся отец и похлопал его по плечу.

— Перевезешь нас на ту сторону, Пацкута? — повернулся Георгий к паромщику.

— Э-эх, — махнул тот рукой. — Объясняй теперь все заново.

— Правду он говорит, не видите, Кура всю разбушевалась, — вмешался в разговор крестный, — Что же делать? Во дворце Пацкуты, даже на ногах, мы с трудом уместимся, — рассмеялся Георгий.

— Поезжайте в Хандаки, может, тамошний паромщик и перевезет вас, — пробормотал паромщик.

— Да, другого выхода нет, — сказал отец и вышел из сторожки.

Все еще моросило, дул холодный ветер. Мы пошли вдоль железнодорожного полотна и через полчаса подошли к парому в Хандаки. Река в этом месте была зажата скалами, и как бы вода ни поднималась, парому ничто не угрожало.

— Откуда вы свалились в эту мокрядь? — удивился паромщик, когда мы вошли в его деревянный домик. — Поезд уже давно прошел.

— Идем со станции, там мы не смогли перебраться на тот берег, одна надежда на тебя, — сказал отец.

— Перевезти-то я вас перевезу, но как потом доберетесь до Кавтисхеви?

— У меня близкие в Хандаки, у них и заночуем, — сказал крестный.

В Хандаки в кромешной тьме кое-где, словно светлячки, мерцали в окнах огоньки керосиновых ламп, время от времени слышался лай собак.

Мы с крестным подошли к дому его знакомых.

Приняли нас тепло и радушно, на скорую руку накрыли стол, и хозяин взял на себя роль тамады.

— Не думал я, что в такую ночь судьба подарит мне дорогих гостей. — сказал он. — Вы доставили нам радость, будьте и вы счастливы!

— Это сын Сосо, нашего прославленного охотника, он врач, — крестный показал на отца. — Эта девочка с косичками — его дочь. А Георгий — старший сын нашего учителя Ваню.

— Молодцы, в такую погоду решились ехать из Тбилиси. Уже месяц льет дождь, будь он проклят, все сгнило. Не поймешь, кончается зима или только начинается. Столько всяких дел, но ни за что не могу взяться. Да ладно уж, поговорим о чем-нибудь более приятном... За ваше здоровье! — хозяин поднял бокал. —



Хорошо, что вы приехали, а то мы, как куры, уже собирались ко сну.

В это время в комнату вошел чем-то встревоженный мужчина и попросил одолжить коня — жена рожает, местная акушерка может не справиться, надо ехать за доктором в Каспи.

Георгий взглянул на отца. Тот медленно встал, сказал пришедшему, что он врач, взял пальто и перекинул через плечо.

— Если у меня родится сын, ей-богу, назову твоим именем, доктор, только помоги. Будешь крестным!.. — радостно проговорил пришедший.

— А если родится девочка? — улыбнулся отец.

— Будет девочка, назовем... вот как эту красавицу, — протянул руку в мою сторону Георгий.

— Согласен! — воскликнул пришедший. — Не скрою, жду мальчику, у меня уже три девочки, разве не хватит? — сказал он и поспешно вышел из комнаты.

Отец последовал за ним.

Мы продолжали ужинать. Хозяин старался развлечь нас, раза два даже попытался запеть, но его никто не поддержал и он замолк. Я мечтала об одном — лишь бы поскорее лечь спать. Хозяйка, заметив, что я устала, постелила мне на тахте рядом с камином. Мужчины продолжали беседу.

Неожиданно сквозь сон я услышала плач и открыла глаза. Вижу — мужчины сидят, опустив головы, а хозяйка ходит по комнате и причитает в голос.

— Плохи дела... — проговорил Георгий.

— Жаль детей, рано осиротеют бедняжки. Где это слыхано, щипцами тащить младенца, ведь так и задуть нетрудно.

— Доктору лучше знать, что ему делать. Опыта у него достаточно, — рассердился Георгий.

— А если погибнут оба?..

— Это будет страшным несчастьем... — тихо проговорил Георгий и повернулся ко мне. — Вставай, пойдем...

— Куда ты ведешь ребенка? — всполошилась хозяйка.

— Пойдем, может там нужны помощники, — Георгий надел на меня пальто, сам набросил куртку.

Хозяин проводил нас до дороги.

Было еще темно, но на востоке небо уже светлело. Царившую вокруг удивительную тишину изредка резал женский крик.

Георгий с крестным остановились перед балконом, я встала рядом. Крестный чиркнул спичкой и мужчины закурили.

Неожиданно на дороге появилась двуколка, в которой сидел упитанный мужчина. Тощая кляча с трудом волокла телегу. Вдруг у нее словно ноги подкосились и она рухнула посреди дороги. Двуколка перевернулась, и мужчина выпал из нее в грязь. Вскочив, он со страшными проклятиями обрушился на лошадь, хлеща ее плетью.

— Ты что, очумел?! — закричал Георгий, подбежал к мужчине и вырвал у него плеть. — Ну-ка, если это так приятно, испытай ее на своей шкуре.

Мужчина испуганно закричал:

— Помогите, люди, убивают, помогите!..

— Стало быть, если несчастное животное не может орать, как ты, его можно истязать?!

— Гляди что она, проклятая, сделала со мной, как же ее не бить?

— Как она не лягала тебя за то, что морил ее голодом, вот что удивительно! — взмахнул Георгий плетью.

Отовсюду бежали разбуженные криком сельчане, а мужчина все еще продолжал звать на помощь.

— Ну что, ушла душа в пятки со страху-то? Помоги подняться лошади. Я еще успею с тобой рассчитаться. Ну, подними, говорю тебе, лошадь!

— Я сейчас, сейчас... Люди, помогите, да помогите же! Обещаю, буду ее холить, целый месяц не буду впрягать в двуколку, клянусь, только убери эту проклятую плеть, прошу тебя!

— Да ты не щади его, мерзавца! — подзуживал Георгия крестный.

«Убьет он его», — подумала я со страхом, глядя на высоко поднятую сильную руку Георгия.

И тут грянул выстрел. Все замерли.

— Мальчик!.. Мальчик!.. — кричал счастливый отец, стреляя в воздух.

— Выкупай лошадь, накорми как следует и дай ей



отдохнуть. Клянусь, если увижу бедняжку в таком же состоянии, несдобровать тебе. Лошадь ведь тоже живое существо, кто дал тебе право измываться над ней? Твое счастье, что появился на нашей благословенной земле еще один человек, так и быть, иди с богом! — Георгий швырнул наземь плеть, взбежал по лестнице и горячо обнял моего отца, вышедшего к тому времени на балкон.

— Ачико, дорогой, устал?.. Ну конечно же, устал! Мы тут ожидаючи, вконец измаялись, представляю, каково тебе!.. А ну-ка, стакан вина крестному!

Вынесли наполненный вином рог, но отец так устал, что у него не было сил взять его в руки, и он переадресовал его Георгию.

Георгий поднял рог и торжественно произнес:

— За жизнь, за доброту человеческую, за мужество!

Соседи наперебой стали поздравлять счастливого отца.

Я взглянула на дорогу. Ни лошади, ни двуколки, ни ее хозяина уже не было.

## КУЗЬМА ЕГОРЫЧ

Не так давно мы отправились в долину реки Кавтура, осмотреть древний монастырь Кватахеви.

Было воскресенье. Осенний, солнечный день. Мы проехали Мцхета, Дзегви и Цинарехи и очутились в живописной долине Кавтура.

Яркость осенних красок резала глаза — все сияло зеленым, золотистым, оранжевым и пурпурным цветом.

Трава пожелтела, а земля все еще благоухала, как может она благоухать только осенью.

Вокруг стояла тишина, лишь изредка прерываемая криками улетающих на юг птиц.

Насладившись созерцанием монастыря, мы устроились перекусить под раскидистым столетним орехом.

Вдруг на подъеме показался грузовик. Из него с радостными возгласами высыпали юноши и девушки, расстелили неподалеку от нас плед, достали из сумок снедь.

С ними было трое взрослых.

Лицо шофера показалось мне знакомым, и я вспомнил, что несколько лет назад познакомился с ним на отдыхе в Кобулету. Я окликнул его:

— Георгий!

Он оглянулся и, узнав меня, пошел навстречу.

— Здравствуйте, батона Гоча! Какими судьбами?

— Да вот из Тбилиси приехали всем семейством посмотреть Кватахеви.

— Ну как, понравилось?

— Что за вопрос?! Вы тоже приехали на экскурсию?

— Мы здесь частые гости. Я ведь родом из соседней деревни, мне здесь все знакомо, каждый камушек. Наши ребята собирали в здешнем лесу ягоды, устали, вот и решили отдохнуть.

— Пожалуйте к нашему столу...

— Пригляжу за нашими, а затем, конечно же, или мы к вам присоединимся, или вы к нам, — улыбнулся Георгий и отошел.

Мы приступили к еде, а через некоторое время раздался треск и на подъеме показался мужчина на мотоцикле. Он остановился неподалеку от нас, сошел с мотоцикла и, подбоченясь, уставился на наших соседей.

— Думали, не найду?! А я вот нашел! Надо же, в самый разгар работы веселятся!... О чем думает ваша руководительница, может она сама мне скажет? — Он бросил сердитый взгляд на смеявшуюся от души молодую женщину. — А ну-ка, — строго добавил он, — немедленно собирайтесь и за мной, в поле!

— Слушай, сядь, перекуси с нами, насладись природой, а потом мы вместе подумаем, куда идти...

Мужчина побагровел.

— Чего ты кривляешься, Маринэ, как девица на выданье! Нашла время для шуток! В поле кукурузу собирать некому, солому скирдовать, а ты тут прохлаждаешься!

— Если у тебя мало людей, призови на помощь тех, кто работает на своих приусадебных участках, хватит вам выезжать за счет детей. У них своих дел хватает. С утра в лесу собирали ягоды. Смотри, сколько собрали! Знаешь, что я тебе скажу, бригадир? Пусть каждый занимается своим делом. Хватит потакать без-



дельникам. Надо будет, я скажу об этом и на собрании!

— Поспеши, как бы тебе не опоздать! — крикнула она, выходя из комнаты.

— Спешить надо тебе, поле-то не убрано, а мы свои дела закончили и вот, как видишь, отдыхаем, — не уступала женщина.

— Гоча, скажи своему знакомому, чтобы он помнил их, того и гляди они всю рассорятся, — сказала мне жена.

Я поспешил к Георгию.

— Что происходит, Георгий?

— Это наш бригадир Егор Седов пикируется с женой. Маринэ Шешаберидзе — завуч нашей школы. Правда, она обещала бригадиру, что учителя помогут ему, но потом у нас у самих появилось дело, и вот... И то правда, кое-кто, увлекшись своим участком, не столько радует о колхозном добре. Маринэ у нас человек принципиальный, справедливый, видишь, она даже мужу своему не уступает.

— А Егор что, русский? — спросил я, удивленный.

— Ну да, он сын нашего учителя русского языка Кузьмы Егорыча. Егор вырос в нашей деревне, потому-то так хорошо говорит по-грузински.

Егор тем временем вскочил на мотоцикл и с грохотом помчался по спуску.

— Откуда появились Седовы в вашей деревне? — с нескрываемым любопытством спросил я.

— Интересная история, — улыбнулся Георгий и направился к роднику. Я последовал за ним, мы сели на траву, и вот что он рассказал мне...

\* \* \*

Когда отец вернулся с войны в сорок пятом, мне было шесть лет. Помню, раз на рассвете, мы еще спали, когда сквозь сон я услышал чей-то громкий голос:

— Эгей, Макинэ... Макинэ!..

Мама вскочила в рубашке, подбежала к окну и сердито крикнула:

— Кто там? Чего раскричался?

— Макинэ, вернулся твой Махарэ, открывай ворота! — отозвалась соседка.

— Махарэ?... — растерянно проговорила мама.

— Ну да, Махарэ, и с ним гости!

— Выходи же, встречай мужа! — кричали сбежавшиеся отовсюду соседки.

В последние годы я не раз видел слезы на глазах матери, но так надрывно она никогда не плакала.

Мы с младшим братишкой с ревом бросились вслед за ней.

Мама обнимала и целовала мужчину в солдатской шинели, потом, обессиленная, упала к его ногам.

Отец шапкой вытирал катившиеся по лицу слезы и растерянно говорил:

— Встань, родная, встань, успокойся, кончилась война, вернулся я, вернулся цел и невредим... Чего же ты плачешь? Вставай, неудобно, люди смотрят...

Соседки подошли к маме, подняли ее, повели в дом.

Отца и его товарища окружили старики, посыпались вопросы.

— Первым я вернулся в село, — сказал однорукий Аперум, — после того, как потерял руку под Варшавой... Потом вернулись еще двое, без ног... А сколько полегли в чужих краях? Половина села в трауре ходит... Будь проклят тот, кто затеял войну... А ты, Махарэ, видать, воевал геройски, вся грудь в орденах и медалях. И слава богу, вернулся целым.

— Теперь уж каждый день кто-нибудь да будет возвращаться. — Отец расцеловал Аперума.

— А это кто? — указал на гостя однорукий.

— Мой фронтовой друг, наш командир батальона. Его деревню фашисты спалили, никого не оставили в живых. Не мог он ехать туда, вот я и позвал его, пусть отдохнет у нас, отойдет душой. А там поглядим, может, он и останется у нас. Он учитель русского языка. Знакомьтесь, Кузьма Егорыч Седов.

— Он совсем не знает грузинского? — спросил мой братишка.

Все засмеялись.

Кузьма Егорыч погладил брата по головке:

— Чей ты будешь, малыш?

— Я сын Махарэ, — гордо ответил он.

— Боже, Паата, сынок! — отец подхватил его на руки. — Где же Георгий?

— Вот он, ухватился за твою шинель, — показал на меня Аперум.



Отец швырнул в сторону вещевой мешок, поднял на руки и меня и расцеловал обоих.

— Мои сыновья... — сказал отец Седову. Ты представляешь, младшего-то я не видел...

— И моим было бы почти столько же... — печально произнес Седов и отвернулся.

В это время на балконе показалась мама и пригласила всех в дом:

— Заходите, дорогие соседи, вместе отпразднуем возвращение Махарэ и его друга.

— Пойдем, Егорыч, зовут нас, — обняв фронтального друга, отец поднялся в дом.

Август был на исходе.

За ужином Седов неожиданно объявил, что завтра он уезжает и потому не сможет пойти с отцом в поле.

— Ты куда собрался, Егорыч? — спросил отец.

— Россия велика, найдется место для одного человека.

— А что, здесь для тебя не нашлось места? Тебя кто-нибудь обидел?

— Ну, что ты, Махарэ, как у тебя язык повернулся! Вы так внимательны, так добры ко мне. Я решил уехать, чтобы не беспокоить вас...

— Слушай, неужто тебе здесь плохо? Вон сколько трудодней ты выработал, всех опередил...

— И все-таки я вас беспокою... вот и комнату вы мне уступили, пальто купили, и туфли, и рубашку...

— А может, тебе не в поле работать, а учительствовать? Ну кто лучше тебя сможет учить наших детишек русскому?.. Оставайся, Егорыч! И дети к тебе привыкли, неужто не чувствуешь?..

— Неловко как-то, пойми ты меня...

— Слушай, если не хочешь жить с нами, когда получишь зарплату, сними комнату и живи своим домом.

— Мы еще тебя женим, Егорыч, — неожиданно произнесла мама. — Будет семья, возникнут заботы, и интерес к жизни придет сам собой.

Седов улыбнулся и махнул рукой.

— Кто за меня пойдет...

— Чего ты прибедняешься, ты ведь ровесник моему Махарэ... А та женщина как раз тебе подходит, с ра-

достью пойдет за тебя. — Мама вдруг рассмеялась и по такому поводу вынесла еще одну бутылку.

— Чего мелешь языком, женщина, что ты болтаешь? — рассердился Махарэ.

— Не сердись на нее, Махарэ, Макинэ права. Тяжко человеку одному на свете.

— Ну раз так, чего тянуть, женись сегодня же, а свадьбу тебе всей деревней справим, — лицо Махарэ просияло, и он с любопытством посмотрел на жену, — говори, кого ты ему присмотрела?

— Да твою сестру, Ивлиту.

Махарэ чуть не поперхнулся. Проглотив кусок, зло процедил сквозь зубы:

— Это еще что ты задумала?

— Чего выпучил на меня глаза? И он вдов, и наша Ивлита... Оба одиноки. Пусть и они порадуются жизни.

— Макинэ, никогда больше не повторяй эти слова, неудобно, — Махарэ на этот раз понизил голос, — узнай кто об этом, на улице со стыда показаться не смогу, где это видано, чтобы брат сватал сестру?

— Ты-то тут при чем, сам он с Ивлиты глаз не сводит, неужто не заметил?

— А я говорю, что неловко, посмотри, как он смущается, не знает, куда руки девать.

Махарэ еще не кончил говорить, как Седов неожиданно вышел в свою комнату, быстро вернулся и протянул ему какую-то бумагу.

— Пошли к директору школы. Если и вправду вам пригожусь, то не уеду никуда. Может, хоть так отблагодарю деревню... Это справка о том, что я учитель русского языка. Что поделаешь: других документов у меня нет.

— Да и эта справка не нужна, Егорыч, — обрадовался Махарэ, — пошли к директору. Сейчас же пошли.

Переступив первого сентября порог классной комнаты, Седов, отвыкший от устремленных на него детских глаз, от классной доски, на миг смутился, сердце его учащенно забилося, но он быстро взял себя в руки, улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, дети, я ваш учитель русского языка и литературы, зовут меня Кузьма Егорыч.



Ребята, как видно, были подготовлены к этой встрече. Дружно, в один голос, они проскандировали:

— Добро пожаловать в нашу школу, Кузьма Егорыч!

Девочки достали из парт букеты полевых цветов, положили их на стол.

Тут уж Седов не сумел сдержать слезы. Но это были слезы радости, Седов давно не чувствовал себя таким счастливым.

— Спасибо, ребята, сегодняшней день и этот урок я никогда не забуду!

Кузьма Егорыч был наделен необычайным даром педагога. Он знал наизусть почти все значительные произведения русской и зарубежной поэзии. А как вдохновенно рассказывал он о героях Толстого, Чехова, Тургенева, Шолохова. Вот уже несколько лет, как он каждую неделю проводил вечера, посвященные русской литературе. На удивление быстро он освоил грузинский язык, старается в оригинале читать грузинскую литературу.

Однажды, под самый Новый год, возвращаясь из клуба после одного из литературных вечеров, Седов встретил на дороге Ивлиту, бредущую с вязанкой дров на спине.

Седов догнал ее, предложил помочь.

— Что вы, Егорыч, не беспокойтесь, запачкаете новое пальто. Мне уже недалеко, как-нибудь дотащу...

— Ну разве можно тащить такую тяжесть?! — Егорыч все-таки взял вязанку и перекинул на спину.

— Эх, что поделаешь, такова участь всех одиноких женщин... Все на моей шее, за всем нужно самой уследить.

— Да, трудно одиночим... — пробормотал Седов.

За разговорами они и не заметили, как подошли к дому Ивлиты. Она пригласила Седова в дом, быстренько разожгла времянку. Седов сел на стул возле печи, стал греть озябшие руки. Ивлита вынесла из соседней комнаты яблоки на тарелке.

— Это из моего сада, угощайтесь, Егорыч.

— Антоновка... Лучший сорт, — сказал Седов.

— Вы не обижаетесь, что я называю вас Егорычем? — спросила Ивлита.

— Ну что вы, меня все так называют, — улыбнулся Седов.

— Дети вас полюбили, да и все на селе относятся к вам с уважением. Хорошо, что вы остались. Говорят, вы так чудесно рассказываете о писателях...

— А почему вы не бываете на литературных вечерах?

— Я ведь плохо знаю русский и многое не пойму...

— А, может, поедете с нами на будущей неделе в Тбилиси? Мы хотим побывать в театре.

— В Тбилиси? Вместе с вами? — задумалась Ивлита, потом широко улыбнулась. — Нет, вы плохо представляете себе все это. Меня ведь засмеют, не смогу людям на глаза показаться. Вдова я, Егорыч, мне надо быть очень и очень осмотрительной.

— Не надоело вам одиночество?

— Что поделаешь, такая, видать, у меня доля... Я уже примирилась.

— А если я... Если я предложу вам выйти за меня замуж? — дрожащим голосом произнес Седов.

— Я ведь не знаю русского... — прошептала взволнованная Ивлита и вдруг у нее из глаз брызнули слезы. — Я не могу тебе ничего сказать, пока не поговорю с Махарэ, ведь он мой старший брат.

— Сейчас же пойдем к Махарэ, только ты молчи, я сам ему все скажу... Скажу сегодня же вечером!.. Если хочешь знать, я ведь остался здесь ради тебя.

Ивлита вспыхнула так, словно на нее дохнуло жаром из раскаленной печи, огромные черные глаза заблестели, уголком платка она вытерла выступивший на лбу пот и решительно произнесла:

— Пойдем к Махарэ... Пусть он благословит нас...

На следующий день Кузьма Егорыч с Ивлитой повезли учеников в Тбилиси на спектакль театра Руставели.

Во время второго антракта в фойе к Седову подошел мужчина в лейтенантской форме.

— Здравствуй, Кузьма Егорыч! Не признали?

Седов пригляделся к лейтенанту и взволнованно воскликнул:

— Валерка... Валерий, дорогой, откуда ты?

— Я здесь в командировке.

— Он был моим учеником! Помню его совсем ма-



леньким, и вот, гляди, уже лейтенант, — обратился Седов к Ивлите. Потом повернулся к лейтенанту знакомься, моя жена Ивлита. А это — мои ученики. Как я рад тебе, Валерий... Мне сказали, что фашисты спалили все село, что все погибли, и мой тоже...

— Ваш Егорка живой, он спасся. И я вот тоже уцелел чудом... — лейтенант хотел было еще что-то прибавить, но увидев, как оторопел от его слов Седов, замолчал.

— Егорка живой?! Кто сказал тебе? — тяжело дыша, проговорил Седов.

— Мне о нем рассказала Зоя, медсестра. Помнишь ее? Она работала в поликлинике... У нее была такая длинная коса...

— Помню, как же... И что же, что сказала тебе Зоя? — Седов побледнел.

— Зоя отвезла вашего Егорку в райцентр, к врачу... У него была сломана рука... Вот тогда-то фашисты и спалили село... А потом Зоя сдала мальчика в детский дом, который собирались эвакуировать... Сама же приехала к какой-то воинской части. Да, она еще сказала мне, что написала на карточке имя и фамилию ребенка и повесила ему на шею. Да и сам Егорка помнил, как его зовут, Зоя заставила его несколько раз повторить, что он — Егор Седов.

— Слышишь, Ивлита, мой Егорка, мой старший сын живой... Валерий, когда ты видел Зою?

— В прошлом году, Кузьма Егорыч, в Москве...

— Сегодня же поеду на поиски сына, сейчас же выйдешь. Как ты думаешь, найду Егорку? Валерий, найду?

— Конечно, найдете. Главное — он живой. Я уверен, вы его непременно найдете. Вы только не волнуйтесь, прошу вас.

— Что ты говоришь, Валерий, что ты говоришь? Как я могу не волноваться? Какое счастье, что вы живы, Зоей тоже спаслись, какое счастье... И мой Егорка живой, слышишь, Ивлита, живой! Я поеду искать сына сегодня же, немедленно. Я должен, должен найти его...

Седов схватился за голову и... упал без сознания.

Девять дней и ночей не отходила Ивлита от постели Седова. На десятый день Кузьма Егорыч открыл глаза.

за и попросил поест. И тогда врач сказал, что все в порядке, Седов будет жить.

И в самом деле, спустя неделю Седов поднялся на ноги, начал ходить по комнате. Но большей частью молчал. И все думал, думал...

Прошло еще несколько дней, и Седов заявил, что должен ехать за сыном.

Ивлита возразила, что он еще не совсем здоров, пусть немного окрепнет, но решение его было твердо.

— Нет, Ивлита, я не могу ждать и дня, я должен ехать. Извини меня, я так тебя замучил... Но я должен найти сына.

— Что ты извиняешься, Егорыч, разве ж я тебя не понимаю?

— Найду сына и, если позволишь, мы приедем к тебе.

— Не обнадеживай меня, Егорыч, знаю, что ты не вернешься... Уезжай, и пусть тебе сопутствует удача...

— Ивлита подавила нахлынувшие слезы.

Седов отвел глаза, взял свой фронтальной мешок и тяжелыми шагами вышел из дома. Подойдя к калитке, оглянулся и крикнул Ивлите:

— Если у тебя кончатся дрова, обратись к Махарэ, не ходи сама в лес.

— Что было потом, батона Гоча, догадаться не трудно. Вы уже видели Егора, сына Кузьмы. — Георгий наклонился к ручью и зачерпнул ладонью воду.

Перевод В. РОБАКИДЗЕ

## СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Они познакомились в парке. Мака гуляла с племянником. У малыша был коклюш и его часто водили в парк, на чистый воздух. Гоча бегал по аллее, играя мячом, а Мака сидела на скамье и читала или, что бывало чаще, вязала.

Как-то раз мальчик подбежал к ней и, плача, стал рассказывать, что он высоко подбросил мяч и он застрял между ветками на дереве.

— Сколько раз предупреждали тебя не баловать... ну, что я теперь могу сделать?



— Не оставаться же там мячу... Пожалуйста, Мака, брось камень, и мяч упадет... Прошу тебя, Мака...

Мака нашла в аллее несколько камешков и стала кидать их в мяч, но сбить его ей не удалось.

Гоча разревелся.

— В чем дело, почему плачет будущий мужчина? — с улыбкой спросил мальчугана проходивший мимо представительный мужчина с ведерком в руке.

— Мой мячик застрял среди веток... Мы не можем достать его, пожалуйста, помогите... — быстро вытер кулачком глаза Гоча и указал на дерево.

— Ну что ж, попробуем, — мужчина погладил его по головке, нашел обломок кирпича и кинул его в мяч.

Мяч упал на землю и покатился по аллее.

— Ураа... Ура! — с криком побежал за ним мальчик.

— Спасибо вам, а то я уже не знала, как успокоить ребенка.

— Ну что вы, не стоит меня благодарить, — с улыбкой ответил мужчина и окинул быстрым взглядом приближавшегося Гочу, — хочешь стать футболистом?

— Конечно, и очень знаменитым, — гордо ответил малыш.

— В таком случае, может, не забудешь мою маленькую услугу и пригласишь меня на свой первый матч?

— Обязательно приглашу! — с готовностью ответил Гоча и глянул в ведро незнакомца.

— Вы рыболов?

— Бездарный рыболов. С утра стоял с удочкой на набережной и вот весь мой улов, даже стыдно показать его кому-нибудь.

— Как много рыбы! — воскликнул Гоча и восторженно начал разглядывать рыбок.

— Умеешь считать? Ну, сколько их там?

— Считаю, Гоча, — подбодрила племянника Мака.

Мальчик уставился на рыбок и радостно показал взрослым все пять пальцев.

— Там их пять, пять!

— Умница! Может, ты будущий талантливый математик, неужто науке ты предпочтешь футбол? — улыбаясь, сказал мужчина, еще раз погладил мальчика по голове и вполголоса сказал Маке: — Если позволите, я присяду.



— Ну конечно...

— Знаете, я устал. Пять часов угробил на эти пять маленьких рыбешек! Но вы не смейтесь, тем не менее в этом, казалось бы, бесцельном времяпрепровождении есть своеобразная прелесть, какой-то азарт и, наконец, это прекрасный отдых.

«Наверное, он пенсионер... Вот и нашел для себя увлечение. А папа целый день только читает, вечером же допоздна смотрит телевизор. Пополнел, осунулся... А этот сохранил фигуру, выглядит, как спортсмен, да и не похож он на пенсионера», — подумавшая Мака и подсадила к незнакомцу.

— Прекрасная работа, — похвалил мужчину Макино вязание, — сколько лет вашему сыну? Это ведь для него вы стараетесь?

— Да, для него. Гоче три года. Это мой племянник.

«Неужели она не замужем? Жаль, прекрасная женщина», — подумал Арчил.

— Часто бываете здесь? — осторожно спросил он.

— Да, Гоча болел коклюшем и ему надо больше бывать на чистом воздухе. Ну и кто из нас, взрослых, свободен, тот с ним и гуляет. Моя сестра врач, работает в больнице, она очень занята.

— А вы чем занимаетесь, если не секрет?

— Я преподаю английский язык в университете.

— Ваша сестра кардиолог?

— Уж не беспокоит ли вас сердце? — улыбнулась Мака.

— Эх, кого не беспокоит сердце в старости...

— Положим, вам до старости еще далеко. Ведь вы и сами знаете, что прекрасно выглядите, — вновь улыбнулась Мака, — но если вас правда беспокоит сердце, зайдите к ней в клинику, я ее предупрежу.

— Ходить по врачам — это не в моем характере, да и желания нет. Я просто пошутил, — Арчил посмотрел на часы и встал.

«Чего это я раскис? Мне ведь только исполнилось пятьдесят лет, до старости действительно далеко...» — разозлился он на себя, взял ведро, перекинул через плечо удочку и вежливо поклонился.

— Приятно было с вами познакомиться, до сви-



дания! — он помахал ей и мальчику рукой и энергичными шагами продолжил путь по аллее.

«Почему я не спросил ее имени?» — вдруг вспомнил Арчил, но обернуться постеснялся и еще быстрее зашагал к выходу из парка.

После этой встречи Мака с Гочей не раз бывала в парке и каждый раз ждала, что вот-вот на аллее появится незнакомец. Но он больше не появлялся.

Когда она окончательно потеряла надежду, они встретились на Сабурталинском рынке, в цветочном ряду.

— Добрый день! Наконец-то я вас увидел!.. — как старый знакомый приветствовал он Маку.

— Добрый день, здравствуйте... — гвоздики чуть не выпали у нее из рук.

— Куда вы исчезли? Не ходите больше в парк? — спросил он, не скрывая радости от неожиданной встречи.

— Как не ходим, но, видно, в разное время, поэтому и не встречаемся.

— Видимо так, вот и... — улыбался Арчил, — а как Гоча?

— Спасибо ему гораздо лучше. Каждый раз, как взглянет на то дерево, вас вспоминает.

— Передайте ему привет. Вы любите гвоздики? — взглянул он на ее букет, — а я вот предпочитаю розы. Разрешите к вашим гвоздикам присоединить букет роз.

— А ведь гвоздики и розы, кажется, не ладят, улыбнувшись, проговорила Мака.

— Ерунда, — махнул он рукой.

«Какое у нее выразительное лицо...» — подумал Арчил. Он достал из глиняного кувшина букет алыч роз, протянул их Маке и, слегка отступив, прищуриваясь, взглянул на нее.

— О, какой великолепный букет... Благодарю вас. До свидания, до встречи...

— Вы спешите?

— Да, меня ждут в машине сестра и зять. Мы едем на свадьбу подруги.

— Желаю весело провести время. Приходите в парк, я буду ждать...

— Обязательно приду, вместе с Гочей, — с радостью ответила Мака.

Подойдя к машине, Мака обернулась и помахала ему рукой.

— Кто это был? — спросила по дороге сестра.

— Старый знакомый.

— Откуда-то я его помню... Он случайно не сердечник? У него болезненный цвет лица.

— С чего ты взяла?.. Не думаю...

— Где он работает?

— Он? Он пенсионер, — поспешно сказала Мака и тут же подумала: «А что ответить, если она спросит как его зовут?»

На следующий день после лекций Мака направилась в парк, но у входа остановилась и не спеша вернулась к троллейбусной остановке.

«Что это взбрело мне в голову? Не будет же серьезный человек, как мальчишка, ждать меня в аллее парка?» — подумала Мака.

Потом она не раз ходила с Гочей в парк. Он играл с мячом, бегал за бабочками, а она сидела грустная на скамье и все смотрела на аллею, но увы, незнакомец так и не появился.

Когда подошло время летнего отпуска, Мака с друзьями уехала на Пицунду. Она и там, среди отдыхающих, невольно искала своего незнакомца, но тщетно.

Начались занятия в университете, потянулись будни, и Мака уже не ходила в парк.

Однажды вечером мать протянула ей газету, проговорив:

— Глянь-ка, какое странное совпадение. Тут помещено фото картины «Девушка с букетом», где девушка удивительно похожа на тебя, посмотри.

Мака развернула газету. Глаза остановились на знакомом лице в траурной рамке. В статье, посвященной памяти скончавшегося недавно художника, была фотография его последней работы.

— Что с тобой, как ты побледнела, Мака... Ты знала этого художника?

— Да, мама, знала... Это мой старый знакомый, — прошептала Мака и вышла в свою комнату.





У Иорама был злой язык, ему ничего не стоило поддеть снуть собеседника острым, как бритва, словом.

Никому ни в чем не уступал Иорам, был гордый и спесивый. И хотя кузнечил он в маленькой колхозной кузне, вел себя так, будто вершил судьбы всей деревни.

За спиной шепотом осуждали его, а при встрече молча слушали — одни не хотели с ним связываться, другие не были уверены, что смогут достойно ответить и тем самым не попадут в еще более неловкое положение.

Сам Иорам такое отношение считал естественным. Огромного роста, краснолицый и довольно неуклюжий из-за полноты, он надменно глядел на всех сверху и по-детски радовался, что в деревне о нем говорят чуть ли не как о сказочном герое.

Чаще, чем к другим, он приставал к Гигия — мельнику. С кем бы и о чем бы он ни говорил, обязательно вспоминал Гигия, даже сочинил про него частушки. Гигия же отличался долготерпением и молча сносил выкладки Иорама.

Гигия поселился в деревне давно. Никто не знал, откуда он родом. Жил одиноко на мельнице, которая стояла на краю деревни. Несколько раз правление колхоза предлагало ему участок земли, где можно было бы построить дом, но он отказывался — одинокому человеку ничего, кроме мельницы, не надо. И его оставили в покое.

Работающий и скромный, Гигия прижился очень скоро в деревне. В обычной жизни спокойный, немногословный и неторопливый, на площадке для борьбы он преображался, становился ловким и проворным. Смотреть на него было одно удовольствие.

А Иорам и тогда, в молодости, был неповоротливый. И хотя и считался сильным и был зачинщиком всех драк, надевать борцовскую безрукавку и выходить на площадку он не осмеливался.

Гигия он не любил. Считал его своим соперником, и не без основания.

Девушка, на которой женился Иорам, любила Гигия. Они познакомились на празднике Кватахеоба и после

тайно встречались то у родника, то на деревенских пи-  
рах или на ярмарке в Каспи. Но Гигия был молодой  
когда пришел к родителям девушки, те подняли его на  
смех.

— Нам, парень, нужен такой зять, чтоб и дочери нашей был опорой, и нам подмогой... А у тебя молоко на губах не обсохло, не время тебе жениться. Откуда ты, чей ты? Что у тебя есть?

— Подождите немного. Дом поставлю, куплю скотину...

— Говоришь, подождать, а дочке-то пришла пора замуж выходить, гляди, кипит, как молодое вино. Не можем мы тебя ждать, не можем.

Как раз в эти дни из соседней деревни по каким-то делам приехал Иорам и тотчас заметил Маико. Порасспросил о ней и вечером пришел к ее родителям.

Гигия почувствовал надвигавшуюся беду. Встретившись с Иорамом, он открылся ему и попросил не становиться между ним и любимой девушкой. Иорам нахмурился, сверкнул глазами:

— Что ты мелешь? Выкинь эту девушку из головы!

Переговоры с родителями Маико были успешными, было решено, что осенью свадьба состоится, но разговор с Гигия так его разозлил, что он решил не откладывать дело в долгий ящик, обручился на следующий вечер, а через неделю и свадьбу сыграли. Иорам стал жить в доме Маико.

Гигия переселился на мельницу, жил отшельником, но в соревнованиях борцов все-таки принимал участие. И вскоре завоевал имя лучшего борца района.

Иорам не мог вынести этого. Гигия чувствовал, как в Иораме день ото дня закипает злость, и терпеливо ждал, знал, что наступит день, когда Иорам вызовет его на поединок.

И действительно, однажды в воскресенье, когда вся деревня, как обычно, собралась вокруг площадки для борьбы, Иорам неожиданно изъявил желание бороться с Гигия.

— Люди, как можно, чтобы они боролись? У них же разный вес?! — крикнул кто-то в толпе.

— Если Иорам решил убить Гигия, это другое дело, — отозвался другой.



— Если Гигия мужчина, пусть поборется со мной, а не может, пусть убирается отсюда!

— Пускай борется! — кричали дружки Иорама.

— Не бойся, Гигия, я не переломаю тебе кости так, чтобы ты не смог крутиться у жерновов, — издевался Иорам. — Выходи, сегодня воскресенье, повеселим народ.

Гигия посмотрел Иораму в глаза, потом осмотрел его с ног до головы, словно примериваясь к нему. Преимущество Иорама было очевидно, он не знал, что предпринять. «Неужели я не смогу хорошенько встряхнуть его у всех на виду? А потом хоть смерть!»

— Эй, Хорсо! — загремел Иорам и хлопнул по сутулой спине плюгавого пекаря. — Может, хоть ты со мной поборешься, а? Не уходить же так с площадки?

У Гигия в глазах сверкнули молнии. Он потребовал борцовскую безрукавку, переделся и сказал громко, обращаясь к Иораму:

— Сначала борись со мной. Ну а затем, если силы останутся, можешь станцевать с Хорсо багдадури!

Вокруг раздались смешки, но увидев пунцовое от злости лицо Иорама, все притихли.

— Иорам и Гигия борются!.. Иорам и Гигия... — галдели мальчишки, которые, как воробьи, облепили стоящие вокруг деревья.

Ударили по доли, заняла зурна. Судья громко объявил имена борющихся и отошел в сторону.

Гигия и Иорам холодно приветствовали друг друга и разошлись, чтобы вновь сойтись в поединке.

Чувствовалось, что Гигия хочет одолеть Иорама быстротой. Подвижный, как ртуть, ловкий и гибкий, он то с одной стороны атаковал противника, то с другой.

Иорам стоял на площадке дуб дубом. Скалил зубы, пыхтел, как паровоз. Вдруг он обхватил Гигия за талию, намереваясь поднять, но почему-то, словно растерявшись от шума вокруг, отпустил соперника. Он тотчас осознал свою ошибку, но было уже поздно — Гигия стоял в нескольких шагах от него и вызывающе улыбался. Иорам уставился на противника обезумевшими глазами и тяжело замахал огромными волосатыми руками.

А Гигия, по-прежнему улыбаясь, запрыгал вокруг



Иорама и, когда тот совершенно этого не ожидал, кинулся ему в ноги. Иорам покачнулся и упал на колени.

Рев толпы докатился до дальних гор.

Гигия воодушевился и, воспользовавшись растерянностью Иорама, налег на него всей силой. Плечи кузнеца почти коснулись земли.

— Гигия... — услышал мельник прерывающийся голос Иорама, — если ты уложишь меня на лопатки, живым от меня не уйдешь. Убью тут же!.. Сейчас же! Все равно ты ее сердце не вернешь!.. Она моя, слышишь!.. Моя она!.. Убирайся, исчезни!..

Гигия не слушал Иорама, в голове вертелась только одна мысль: побороть перед всем народом гордого и спесивого Иорама. Но именно тогда, когда до достижения цели было рукой подать, силы оставили его, ослабли плечи.

Его слабость Иорам почувствовал сразу, собрался, поддал его грудью, обхватил руками и, как пушинку, поднял в воздух.

Люди интуитивно чувствовали, что на площадке происходило что-то необычное.

Женщины вскрикнули. Судья подбежал к Иораму и что-то возмущенно ему сказал. На площадку выбежали мужчины и с грехом пополам разняли борцов.

Почти в тот же момент вдали раздался крик. Все обернулись. По спуску, плача, бежала женщина. Но вот она остановилась, что-то прокричала и, как подкошенная, упала на землю.

— Это же Маико, жена Иорама! — крикнул кто-то, и люди ринулись к женщине.

На площадке остались только Гигия да еще несколько человек. И хотя сердце тянуло его на дорогу, он переборол себя и побрел к мельнице.

На следующее утро он узнал, что в полночь Маико родила сына. В страшных муках провела она всю ночь, а на рассвете, когда небо прорезал первый луч солнца, скончалась.

Прошло больше двадцати лет, но вражда между Иорамом и Гигия не утихла.

Кузнец и мельник редко встречались, но уж если Иорам где-нибудь замечал Гигия, не мог не поддеть его, не излить на него желчь.

И вот в один из субботних дней, когда Гигия, на-



груженный покупками, возвращался домой, у деревенской столовой он неожиданно столкнулся с Иорамом. Гигия и бровью не повел, сделал вид, что не заметил Иорама, и продолжил путь.

Но Иорам не упустил возможности поддеть его:

— Что это ты нагружился, как разносчик? Или вокруг нет мальчишек, которые могут помочь тебе?

Гигия молчал.

— Своих нет, а чужих беспокоить не хочет. А ведь живет не близко, вон аж в конце деревни... — вступил в разговор заведующий столовой. — Слушай, Гигия, и как ты можешь жить на мельнице? Неужели не мог до сих пор хоть хибару построить к деревне поближе?

— Э, брат, мельницу наш Гигия ни на что не променяет... — засмеялся Иорам и громко добавил: — Ты знаешь, он соблазнил царицу ведьм. Да, да! И у той греховодницы родилась дочь. Вот и прислала из ада жалобу, что мельник не платит алименты.

Шутки Иорама привлекли внимание прохожих. Раздался смех.

Гигия побледнел, глаза зажглись недобрым огнем, на лбу выступила испарина. Он остановился и гневно посмотрел на Иорама.

А Иорам совсем разошелся.

— Не была бы твоя дочь исчадием ада, ей-богу, породнились бы мы с тобой, мельник!

— Мы не можем породниться! — резко ответил Гигия и повернулся к кузнецу спиной.

— Что, что? Может, тебе мой сын не нравится? — взорвался Иорам, схватил Гигия за плечо и повернул к себе: — Посмотри мне в лицо и отвечай!

— Давай не будем об этом говорить... бог свидетель, не хочу я твой смех превращать в плач! — нехотя ответил Гигия, высвободил плечо и продолжал путь.

— Нет, ты должен сейчас же, при людях мне ответить. Сейчас же! Значит, если бы у тебя была дочь, ты не отдал бы ее за моего сына? — заорал Иорам и схватил его за ворот.

— Иорам! По христианским законам брак между братом и сестрой не может состояться, — тихо, но четко проговорил Гигия.

В глазах мельника Иорам прочел страшную правду.



Он остолбенел, потом заревел, как раненый бык, и рухнул на землю.

Свидетели этой ссоры удивленно переглянулись. Что сказал Иораму Гигия, никто не расслышал, но и переспросить не осмелились.

Деревня гудела, как потревоженный улей. Соседи строили предположения, пытались понять, что произошло.

— Поделом Иораму! Он отнял счастье у Гигия, вот и поплатился.

— Но смотрите, как сдал Иорам!

— День и ночь Иорам преследовал Гигия, спуску ни в чем ему не давал. А вот Гигия, видать, смог отплатить ему сполна...

— Да, но неужели не придет конец их вражде?

После этого случая Гигия еще реже стал приходить в деревню, почти не покидал мельницу.

А Иорам изменился. От былой спесивости не осталось и следа, и редко кто мог вызвать его на разговор. О Гигия вообще не вспоминал.

Прошло время. У деревни были свои заботы, все постепенно забылось. И лишь женщины иногда вспоминали ту ссору Иорама с Гигия, но тайна для всех так и осталась неразгаданной.

Перевод Маки ИМНАДЗЕ

## ХРОНИКА

### **АУКЦИОН В КАФЕ ХУДОЖНИКОВ**

Кооператив «Актриса Маргарита» за короткое время завоевал большую популярность. Здесь часто устраиваются выставки молодых художников, приходят маститые живописцы, графики, чеканщики, за чашкой кофе собираются любители искусства.

Успехом пользовалась откры-

тая здесь выставка произведений самобытного художника Анатолия Зверева, заслуживших высокие оценки специалистов.

Кульминацией вернисажа стал успешно прошедший аукцион. Вел его председатель кооператива Лери Кенчошвили. Среди покупателей были иностранные гости. 10 из 18 предложенных картин были проданы.



## МЫ—МЕСХИ

После двухчасовой беседы Гегешидзе сказал: «Оставьте ваше заявление, мы его изучим». Мы настояли на том, чтобы заявление было прочитано в нашем присутствии. Гегешидзе сказал: «Неужели вы нам не верите?». Мы сказали, что не хотелось бы, но приходится. Секретари прочитали заявление, помолчали. Потом Гегешидзе сказал: «В принципе, вы правы, но...» Далее пошли отговорки, суть которых сводилась к тому, что, увы, Грузия не может нас принять.

Мы наспех пообедали в столовой турбазы, где разместились вся наша делегация, посоветовались и решили, что все-таки нужно увидеть Мжаванадзе. В этот же день, в 23 часа была отправлена новая депеша. На другой день нас приняли опять те же секретари ЦК и председатель КГБ Грузии Инаури. Беседа длилась 2 часа и закончилась тем же.

23 декабря опять были в ЦК. В приемной нам сказали, что вчера вечером, после беседы с нами, был разговор с Москвой. Москва сообщила, что вопрос реабилитации месхов стоит на повестке дня и будет решен в 1965 году. В приемной нас ждал представитель Управления милиции республики полковник Гварамадзе. Он пригласил нас в городское Управление милиции. По дороге яростно ругал Сталина, выражал нам сочувствие. В городском Управлении нас принял начальник Управления полковник Осебашвили. Проговорили с ним 3 часа. И Гварамадзе, и Осебашвили убеждали нас, чтобы мы потерпели до 1965 года, тогда все завершится по справедливости. Вы, месхи, наши кровные, говорили они, и все мы должны жить вместе, в Грузии. Выяснилось, что Осебашвили — коллега Азалхана по Закавказскому военному округу, где Азалхан работал еще до высылки.

Прибыв на турбазу, мы сообщили результаты встреч и бесед, посовещались. Решили, что обещания исходят от авторитетных органов и что им стоит довериться. В 1965 году наш вопрос будет решаться и решится положительно, осталось ждать недолго. Как и 15 ноября 1944 года никто не сомневался в гениальности и мудрости Сталина, так и сейчас мы не сомневались, что обещания ЦК КП Грузии искренние и что такие авторитетные органы не смогут унизить себя ложью. Мы решили спокойно разъехаться.

13 июля 1965 г. И вот я снова в Тбилиси. Вместе с Азалханом были у проректора пединститута Долидзе. Он сказал, что сейчас есть возможность принять месхов в высшие школы республики по лимиту, то есть без конкурса — этот вопрос мы пробивали два года. Мы взяли лимит на поступление трех человек в пединститут.

20 августа 1965 г. Вернулись в Мингечаур.

9—11/XI.65 г. По словам Азалхана, 26 октября его вызвали в ЦК и устроили допрос: правда ли, что он, Азалхан, написал в адрес предстоящего XXIII съезда КПСС заявление и отправил его? Азалхан отрицал это. Еще, он сказал, что тысяча семей получают разрешение на въезд в Грузию. Эта информация озадачила нас.

Как устроить наших детей по лимиту в вузы? Нужно выяснить, как обстоят дела с изданием моих научных трудов — зайти в издательство, в типографию. Также срочно сообщить товарищам информацию, полученную от Азалхана. Правда ли это?

В Тбилиси я посовещался с Азалханом и Джапаридзе и мы решили, что ЦК нам подал хорошую идею по поводу обращения к XXIII съезду КПСС.

25 декабря 1965 г. Сегодня я отправил Обращение. Составлял его долго, но, кажется, получилось.

Тут я считаю нужным привести выдержки из текста этого Обращения.

### XXIII СЪЕЗДУ КПСС

Члена КПСС с 1942 года, партбилет № 0600959, уроженца села Удэ Адигенского района Грузинской ССР, учителя Бараташвили Латифшаха Максудовича, проживающего в Азерб. ССР, г. Мингечаур, школа-интернат.



15 ноября 1944 года месхи-мусульмане, попавшие в жертвы культа личности Сталина и провокатора Берия, силой оружия были изгнаны из родного очага и края... До сих пор мы думаем, что голос вопля 22-летнего нашего плача в конце концов дойдет до ЦК КПСС или Совета Министров СССР и найдется такой человек, который займется вопросом нашей реабилитации.

Безусловно, наше переселение не было вызвано военным страхом перед Турцией, потому что авторы черных подделок знали, что мы не турки, а грузины-месхи, и, кроме того, между СССР и Турцией есть громадный контраст по соотношению сил. И в действительности, не Советский Союз должен бояться Турции и жертвовать своим населением, а наоборот, турецкая буржуазия должна бояться передовой формации советского общественного строя, высокоразвитой сельскохозяйственной механизации, высокоразвитой науки и техники Советского Союза, высокого уровня военной техники, опыта и военных кадров...

Турки относились к нам недоверчиво и называли нас «гюрджи-оглы», то есть «грузинский сын». Зависимость месхов от Турецкой империи продолжалась с 1578 по 1828 год (Болгария была колонией Османской империи 486 лет — с 1393 по 1879 год).

После русско-турецкой войны 1829 года Месхети согласно Андрианопольскому мирному договору была передана России. И царские правители на каждом шагу оскорбляли нас подобно османским захватчикам.

Находясь в ссылке в течение 1953—1965 годов, мы неоднократно обращались с коллективными и индивидуальными обращениями ко всяким центральным, партийным, государственным и правительственным органам и учреждениям, ко всем видным партийным, государственным и правительственным деятелям (в Мавзолей В. И. Ленина было послано 612 писем) с вопросом, за какие грехи и до какого времени мы наказаны и чем можем исправить свои «грехи», но, к сожалению, ни на один вопрос не получили обоснованного ответа.

В целях нашей реабилитации мы не раз обращались к ученым Академии наук Грузии, в Союз писателей Грузии, чтобы они помогли нам избавиться от позорной ссылки.

Летом 1962 года представитель ученых и писателей Грузии кандидат исторических наук, поэт Шота Ломсадзе обратился к первому секретарю ЦК КП Грузии товарищу Мжаванадзе В. П. и дал нижеследующие пояснения.

(Текст этого пояснения уже использован в рассказе, он приводится выше).

Вот как высказались передовые люди Грузии за нашу реабилитацию.

Великая Отечественная война закончилась победой над фашистской Германией. Надо отметить, что в эту войну мы тоже внесли пропорциональную долю... Среди нас тоже имеются сотни воинов, награжденных медалями и орденами Советского Союза, которые получены за защиту Родины. Они были уверены, что их дети и родные в тылу не останутся без защиты. Наши воины продолжали справедливую войну, думая, что обеспечивают им счастливую жизнь, и не представляли себе кошмара 15 ноября 1944 года...

Наши грузинские классики, поэты и прозаики своими стихами воспитали молодежь не одного поколения. В 1881 году Рафизл Эривани дал нам такой наказ:

Край, где я родился, где с мальчишеской стрелой  
Поднялась мечта о счастье над неспаханной землей,  
Этот край ношу, как сердце, я в груди всегда с собой,  
И за дерево бессмертия на земле чужого рая  
Не отдам я скал угрюмых, диких гор родного края...

У нас отобрали родину, человеческие и гражданские права, которые дала нам Великая Октябрьская Социалистическая революция.

Первые годы нашей высылки явились «экзаменационными» годами. Тот, кто был физически силен, кто мог привыкнуть к среднеазиатскому климату, остались в живых. А остальные вымерли от голода, холода, бесчеловечного обращения в коммундатурах и т. д...

Надеялись, что с победой над Германией будут исправлены ошибки, мы получим возможность вернуться в родные места. Но из этой победы мы получили лишь разруху нашей жизни руками своего же правительства, так как репрессии в 1953-56 годах над нами усилились. Изгнание всех нас со своей родины было узаконено. Даже после разоблачения культа личности Сталина и авантюриста-провокатора Берия, которые и создали это переселение, мы не добились ничего. Наоборот, шантажом и обманом в 1954 году нас заставили подписаться под текстом, где было сказано, что будто мы сами согласны не требовать своего законного права — возвращения на родину, что мы со-



гласны жить в пожизненной ссылке со своим будущим поколением и терять свой родной край.

И мы теряем свой родной край, вынуждены приспосабливаться к чужим языкам, обычаям, климатическим условиям и т. д. Тем более, что при выдаче паспортов в 1954 году нам были изменены фамилии и национальности. Так, в частности, мне был выдан паспорт с указанием национальности — «азербайджанец», моему родному брату Батталу написали, что он — «турок». Так поступили и с другими месхами. Пытались разобщить нас даже в родстве. Вот что мы получили от разоблачения культа личности Сталина и руководителя провокаторской банды Берия.

Тем не менее, мы ежегодно ждали нашей реабилитации в честь 36-й и вплоть до 48-й годовщин Великой Октябрьской Социалистической революции, но все оставалось без изменений.

Мы ждали, что такой большой вопрос, как наш, безусловно, будет рассмотрен съездами КПСС и мы будем реабилитированы. Но после бесчисленных и систематических жалоб в рамках Конституции СССР и Устава КПСС у нас ничего не вышло.

Нас не реабилитировали ни XX, ни XXI, ни XXII съезды КПСС. А теперь наши последние чаяния на XXIII съезд партии.

Несмотря на то, что в специальном письме ЦК КПСС до конца были осуждены культ личности и его последствия, наш вопрос все же не разрешен. Обращаясь к истории, вспомним такой факт. В 1828 году царский наместник на Кавказе, колонизатор, русификатор-монархист граф Паскевич занял Ахалцихе. Он официально переименовал нас в «татары», чтобы легче было обменять нас на эрзерумских армян. Цель графа частично была достигнута. Из Ахалцихе в Турцию переселили грузин-мусульман, как «татары», оттуда приняли армян и поселили на нашей территории.

Вот в чем узловой секрет нашего национального вопроса, который с помощью Паскевича был начат в 1830 году, а Сталин и Берия довершили его 15 ноября 1944 года.

Но для нас непонятно и больно, почему же секретарь ЦК КП Грузии Мжаванадзе В. П. является сторонником задержки разрешения вопроса о нашей реабилитации. Неужели он не знает месхов Бараташвили, Абашидзе, Гозалишвили, кто же они, если не грузины?

Прошу не счесть меня нескромным, если я сообщу о своей семейной жизни. Мне, как коммунисту, стыдно оглашать, что



мой партия и правительство, Сталин, в которого мы верили больше, чем фанатики в бога, разрушили мне жизнь.

Сначала пользовались мной, потом выпроводили из родного края, насильно развели с женой Гигинейшвили Зинаидой. Она была из христианской семьи, из села Гулухети Абашского района, член партии с 1932 года, окончила Коммунистический университет, последнее время работала учителем в селе Удэ Адигенского района. После нашей высылки она осталась в Грузии, ее замучили подручные Берия и даже назвали «турецкой шпионкой». В конце концов она не вынесла этих мучений, сошла с ума и скончалась...

Османский и романовский императоры грузинское племя месхов эксплуатировали, издевались над ним, уничтожали... Проводили мусульманизацию, мучили 340 лет. Но все же они не нарушали элементарных природных человеческих прав — не отнимали у нас родины. Шах-Аббас в 1616 году выслал в Иран около трехсот тысяч грузин-кахетинцев; и Сталин в 1944 году под маской защиты социализма выселил около трех миллионов разных малочисленных народов с Кавказа.

Однако эти выселенные с Кавказа народности вернулись на родину. Когда же наконец решится и наша реабилитация?

Мы никогда не выходили из рамок, не обращались за помощью к другим демократическим, коммунистическим партиям, не обращались к посланцам враждебных государств, не проводили демонстраций, не объявляли забастовок, голодовок из-за беззакония.

Разве справедливо забыть исторические заслуги благородных и героических месхов перед родиной Грузией, которые, несмотря на разрушение своей экономики и культуры, в течение многих веков защищали грудью родную Грузию от разных захватчиков и этим самым спасли экономику, культуру и самостоятельность остальной части Грузии.

Мы не можем стать космополитами перед своим народом. Но быть патриотом своей родины — высшее качество коммуниста. Так обучала и воспитывала нас ленинская партия в течение полувека. —

Веря XX съезду КПСС, мы расширили освободительное движение повсюду, где мы рассеяны.

Мы ни в чем не будем грешны, если попросим родную Коммунистическую партию проявить о нас отцовскую заботу — вернуть нам дар природы, который был отобран силой оружия по вине высшей власти.

По существу, мы чужого и лишнего не хотим. Отобранное



у нас имущество и другие материальные ценности были плодами нашего честного труда. Мы просимся в свой родной край, в Грузию.

Мы не собираемся учить Президиум XXIII съезда КПСС, а просим простить за подказ. Ведь и врач лечит больного лишь после того, как узнает, где и что у того болит.

До сих пор мы проклинаем османского султана за то, что когда месхи были слабыми, он, пользуясь своей силой, издевался над ними. Конечно, мы, нынешнее поколение, не можем отвечать за партикуляризм средневековых грузинских феодалов, как современное болгарское поколение не отвечает за турок и за слабость средневековых болгар. Ведь Болгария тоже являлась частью Османской империи с 1393 по 1879 год.

Советское правительство помогало нам, как и многим другим, строить счастливую жизнь, но не для того, чтобы совсем уничтожить нас.

В течение 1921-44 годов месхи сознательно трудились на строительстве социализма, ради того, чтобы будущие поколения стали хозяевами своей родины.

Месхи не являются классом. Среди нас, месхов, были и есть рабочие, колхозники, служащие. Все они были и являются тружениками и строителями коммунизма.

Мы же воспитаны на одном уровне с советским народом, мы вместе прошли все классовые бои, перешли вместе к социализму, руководила нами одна Коммунистическая партия, мы вместе победили фашизм и, наконец, мы вместе со всеми стали членами социалистического общества. Безусловно, тогда бы весь советский народ и его классы, вместе с нами, должны были бы идти к антикоммунизму, если такими нас представили авантюристы банды Берия.

Советская демократия, права советского человека так хорошо изложены в Конституции Советского Союза, в Программе Коммунистической партии. Тем более не укладываются в голове безумные кошмары 1944 года.

До сих пор продолжается слезка за нами, как будто месхи — шпионы иностранных государств. В связи с усилением нашего освободительного движения КГБ тоже начал активно заниматься торможением наших дел.

Сначала они обратились к писателям и поэтам Грузии, чтобы те написали либо повесть, либо роман, которыми можно было бы оправдаться, что высылка месхов-мусульман была



действительно закономерна в пользу социализма и коммунизма. Когда такого писателя не нашли, то поручили это задание месху-коммунисту, работающему всю свою жизнь в контрразведке, подполковнику пограничных войск Алимханову (Абуладзе) Азалхану, который в настоящее время живет в г. Тбилиси, и обещали ему хорошее вознаграждение. Но Алимханов отказался быть предателем. Тогда его сняли с работы.

Уместно напомнить здесь, что после нашей высылки Алимханов был снят с работы, как лицо, которому не доверяют, ссылаясь на то, что его личное дело «потеряно» из сейфа республиканского погранштаба(!). До сих пор Алимханова не оставили в покое. Его также хотят выслать из Тбилиси, но пока не найдена причина.

Наконец нашли «писателя», дали ему задание, название темы — «Пароль Ак-чай» и псевдоним С. Прага. Кампания началась с выступления на страницах газеты «Молодежь Грузии» и длилась с 1964 по 1965 год. С. Прага сочинил «документальную» повесть в целях оскорбления нас и в подтверждение того, что месхи — грузины-мусульмане — являлись шпионами турецкого государства и предателями Советского государства.

Вот до чего дошла безумная клевета против нас. Мы просим прекратить подобные оскорбления славных тружеников, учителей, рабочих, колхозников, коммунистов и беспартийных.

На этот раз мы уверены, что ленинский XXIII съезд партии, которая в последнее время особое внимание уделяет вопросам национальной политики, окажет необходимую помощь в этом историческом деле, послужит примером всем народам мира.

Месхи — грузины-мусульмане — незаменимые животноводы, садоводы и земледельцы, трудолюбивые и честные люди. Нет сомнения, что в своем родном краю они смогут принести большую пользу нашему сельскому хозяйству и животноводству.

Таким образом, реабилитация месхов заслуживает особого внимания с политической, экономической, национальной, исторической и демографической точек зрения.

Мы также уверены, что эта мера будет воспринята всем грузинским народом, как новое подтверждение особой заботы со стороны нашей Партии и Правительства о его исторических судьбах, что и послужит основанием для новых трудовых и хозяйственных подвигов нашего народа.

Л. Бараташвили. 31/XII-1965 г.  
г. Мингечаур».



Продолжаю цитировать записные книжки.

4/1-66 г. Из Тбилиси получил депешу: «Ждем тебя, срочно выезжай. Халил». Я выехал 6 января. 31 декабря умер отец.

9/1-66 г. Умаров Халил, Асланов Ислам, Ашрафов Иса вернулись в Мугань. Выяснили в Тбилиси вопрос о Комитете, который, по словам секретаря ЦК КП Грузии Д. Стуруа, будет заниматься переселением. Об этом Комитете говорил мне Д. Стуруа в конце 1965 года. В ЦК, — сказал он, — стоит вопрос о возвращении тысячи семей в Грузию. Стуруа даже назвал мне состав этого Комитета. И из этого ничего не получилось.

11/1-66 г. Зашел в МООН (министерство охраны общественного порядка). Добился приема у министра Эд. Шеварднадзе. Я спросил его: «Вам известно, что в ЦК КП Грузии решен вопрос о возвращении месхов в Грузию?». Шеварднадзе ответил, что слышит это впервые. «А я информирован о том, что вы должны регистрировать возвращающихся месхов. Эта информация поступила от секретаря ЦК КП Грузии Д. Стуруа». Министр ответил: «Ничего подобного я не слышал и не знаю, — и повторил несколько раз, — не знаю». Но принял меня хорошо. Тут же я позвонил по номеру 3-03-69 секретарю ЦК КП Грузии Стуруа. Трубку взял его секретарь. Я попросился на прием. Меня записали на 18 января 1966 г.

19/1-66 г. Вчера в 10 часов утра я был в приемной у Стуруа. Его секретарь сказал мне: «Вопрос вашего переселения — это вопрос государственных органов, а не партийных. Так какой смысл говорить об этом здесь?».

Мне вспомнились события декабря 1964 года: 20—27 декабря в ЦК КП Грузии были 53 делегата из Средней Азии и я. Мы вынудили ЦК принять нас трижды. Мжаванадзе спрятался. А в четвертый раз нас вообще обманули: пообещали решить вопрос в 1965 году. И тогда мы убедились, что ЦК обманул нас.

26/II-66 г. Мы с Азалханом решили поехать в Мугань, чтобы послать человека во Фрунзе. Надо, чтобы оттуда тоже начали писать заявления в адрес XXIII съезда КПСС. Азалхан остался в Мугани у своей матери. Я же 28 февраля отправляюсь в Мингечаур.

3/III-66 г. Мой директор интерната сообщил мне, что Мингечаурский отдел КГБ вызывал меня. Когда я пришел туда, мне сказали: «Когда нужно будет — вызовем снова». Помню, 19 февраля 1966 года Чангашвили и С. Табатадзе привели меня



к секретарю ЦК КП Грузии Стуруа. По его совету мы перевели наши заявления на русский язык. Под этим заявлением расписались те месхи, которые говорили на грузинском языке.

27/III-66 г. 25 марта — это были дни школьных каникул. Я с Халилом должен был поехать в Тбилиси. 24 марта подготовились к отъезду, но позавчера рано утром наш председатель профкома сообщил мне, что я не должен ехать в Тбилиси (оказалось, что из КГБ поручили директору школы не выпускать меня за пределы города. Наш директор, как впоследствии выяснилось, задерживал мои письма). До сих пор не знаю, когда окончится домашний арест.

В апреле 1966 года я, заведующий отделом исторического музея в Тбилиси Шота Ломсадзе, ныне покойный Георгий Капанадзе — нумизматик, и Азалхан Алимханов (Абуладзе) решили от имени грузинских мусульман встретиться с католиком — патриархом грузинской православной церкви Грузии.

Чтобы попасть к нему, нам необходимо было предварительно записаться на прием. Встреча была очень торжественной. Этикет общения с владыкой христианской церкви Грузии обязывал всех нас приложиться к руке католика. Тут я задался вопросом: «Вправе ли я, коммунист, идти на этот шаг?». Несколько поколебавшись, я решил, что во имя возвращения месхов, во имя родины я должен пойти на все. Католикос отнесся сочувственно к нам, однако и эта наша попытка ничем не увенчалась.

17/V-66 г. Меня вызвали в Мингечаурский отдел КГБ. Как всегда, мне пришлось ответить на множество вопросов. Я рассказал, что мы ищем пути освобождения месхов. Мне сказали: «Живите, как живете, чего вам не хватает? Зачем вам свобода?». Встреча продолжалась три часа.

12/VII-66 г. Тбилиси. Я устроился в гостиницу «Интурист», созвал собрание 10 представителей из Мугани и Средней Азии. Посоветовались. Обсудили текущий момент.

25/VII-66 г. Купил один экземпляр своей книги о нашей этнографии.

2/VIII-66 г. Уже 21 день, как я в Тбилиси. Взял приказ о зачислении Тамары в неединститут. Тамара поступила туда по лимиту. (В июне прошлого года замминистра высшего и среднего специального образования Грузии Поракишвили дал слово зачислить в вузы сколько бы мы своих представителей ни привезли).

24/VIII-66 г. Тамара поступила. Мы всей семьей выехали в Мингечаур.



С 1965 по май 1968 года делегаты месхов из Азербайджана и Средней Азии периодически ездили в Москву. Обращались в Верховный Совет, бывали на приемах в ЦК КПСС (приемов приходилось ждать по нескольку дней), очень надеялись на перемены. Мы верили в гуманность и справедливость партии и правительства.

В 10—15 числах июня 1968 года в газетах Узбекистана появилось сообщение об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года о том, что выселенным в 1944 году из Грузии в Среднюю Азию туркам, курдам, хемшилам разрешается избрать местом жительства любое место на территории СССР. В нем говорилось: государство не берет на себя материальной ответственности за переселение, государство не возвращает конфискованное имущество. О том, что народ может вернуться в места, откуда был выселен, ничего не говорилось.

Я полагаю, что этим Указом мы обречены на насильственную ассимиляцию с большими народами и, следовательно, на вымирание. И, наконец, не упоминая в Указе о нас, как о месхах — грузинах-мусульманах, а применяя термин «турки», власти хотели окончательно решить наш национальный вопрос.

Было жаркое лето 1968 года. Год назад я закончила школу. Все мои друзья и знакомые ринулись в вузы. Я оставалась в стороне.

Училась я легко и свободно могла вытянуть на золотую медаль. Но в начале прошлого учебного года болезнь свалила маму.

В сентябрьское воскресенье мы должны были переезжать в большую трехкомнатную квартиру в центре города. А в субботу маму с работы увезли в больницу. Мы переезжали одни.

Когда вещи были выгружены в пустой комнате, я села на узлы и стала думать — как же мы будем жить дальше? Мама в больнице, Тамара — в институте. Кто будет готовить, стирать, гладить, водить баратика в садик, обживать квартиру? Я понимала, что все это должна буду делать я, и чувствовала себя не готовой к этому.

У меня была веселая беззаботная жизнь, состоящая преимущественно из того, что я тренировалась в секциях по настольному теннису и волейболу, футбол я гоняла так, без секции, с интернатскими мальчишками лазила по бесчисленным чердакам и заборам. А по ночам читала жгучие романы: о любви, путешеств-

виях и открытиях. Уроки я учила мимоходом, легко получая пятерки. Читала я много, все подряд. Литература стала моим кумиром, хотя я любила и историю, и точные науки и сносно их знала.

Теперь же на меня обрушились новые заботы. Десятый класс стал для меня и житейской школой. Мне пришлось научиться стирать, готовить, рано вставать, заботиться обо всех. Так что медаль уплывала из моих рук. Впрочем, меня это не очень огорчало. Огорчало другое — я чувствовала, что летом не поеду поступать.

Тамара приезжала часто и, блестя глазами, с восторгом рассказывала о своей группе, о студгородке, новых друзьях из ГПИ — Грузинского политехнического института (ГПИ она произносила уже с тбилисским акцентом — «гэ-пэ-и», и в этом был особый шик), о том, какие славные ребята там учатся — Амиран, Вова, Тенгиз, и как они великолепно поют в три голоса, о том, как они на практике лазали по горам, как всей группой ходили в оперу.

Рассказы эти вызывали во мне острую зависть и я твердо решила, разглядывая изящно одетую сестру, что буду учиться только в Тбилиси. И только в ГПИ.

В июне я легко сдала все экзамены. Аттестат у меня получился хороший, как сейчас бы сказали — четыре с половиной. Но маме не становилось лучше и на семейном совете было решено, что в этом году я не буду поступать. Я проплакала тайком полдня и, вытерев слезы, спрятала новенький аттестат в бельевой шкаф.

В сентябре я устроилась пионервожатой в школе и проработала там до лета.

Итак, было жаркое лето 1968 года...

Мы с папой снимали узенькую комнату в центре Тбилиси, в которую рано утром врывались стрелы солнечного света и так же стремительно исчезали, и весь день комнатка была прохладной и полутемной. Это был типичный тбилисский дом с общей скрипучей верандой, с общей лестницей и расшатанными перилами, с внутренним двориком, который был своего рода общественным центром дома.

Целыми днями я листала учебники, исписывая тетради формулами. Папа пропадал по своим делам. Но иногда мы с ним совершали пешие вылазки на Мтацминда. Папа настаивал, чтобы я брала с собой учебники и готовилась к экзаменам там. Мы запасались едой на целый день, я надевала кеды, и вдвоем мы карабкались к монастырю св. Давида, который казался снизу маленькой белой игрушкой среди сумрачной зелени.

Взобравшись, мы первым делом шли к склепу Грибоедова и



Нины Чавчавадзе. Потом обходили надгробья Николоза Бараташвили, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, и папа всякий раз рассказывал мне что-нибудь о них. Потом он подводил меня к живописным валунам. Вот на этих камнях, говорил он, мы в 30-м году готовились к экзаменам в Комуниверситет.

Я понимала, что папе хочется видеть во мне свою юность, чтобы и я сидела здесь, где витает дух наших великих предков и сосредоточенно вбирала знания.

Но какая могла быть сосредоточенность, когда вокруг было столько интересного!

Я часто простаивала перед могилой Грибоедова, схаатившись за чугунную ограду склепа, увитую плющом. Пристально вглядывалась в очертания бронзового ангела, скорбно припавшего к надгробному кресту. И очень живо воображала, как Пушкин встречается в горах Месхети (а дорога в Арзрум ведет только через Месхети!) скрипучую арбу, спрашивает — кого везете? И в ответ слышит — Грибоеда. Возчики мне представляются с унылыми лицами, головы их, должно быть, обвязаны башлыками. И волов они погоняют так же уныло; и слышно лишь осторожное цоканье копыт по опасной дороге. Пушкин долго смотрит вслед повозке, закрываясь ладонью от солнца, и с кисти его руки свисает кожаная камча. Легонько трогает коня, и вот фигура в черной бурке становится все меньше и меньше. Потом Пушкин напишет: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни».

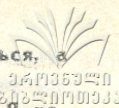
Настойчивый голос экскурсовода с трудом отрывал меня от этих видений. Тогда я начинала бродить по уютным аллеям, заходила иногда в монастырь. Раз я попала на службу. Торжественно пел хор. Я видела старушек, которые истово крестились, и тех, кто, распластавшись, неподвижно лежал на каменных плитах. Чувствовалось, что никакая внешняя сила не оторвет их от пола...

Я выходила из монастыря, размышляя над всем виденным...

Внизу в синеватой дымке таился необъятный город, который предстояло узнать и полюбить.

Однажды, когда я корпела над физикой, пришел папа — взволнованный и бледный. Он велел мне бросить все и, взяв за руку, как маленькую, почти бегом повел вниз, по кривой булыжной улочке. Мы спускались к нарядному центру. На мои вопросы папа отвечал невнятно, что-то вроде: такое ты не увидишь ни в кино, ни в театре. Мне очень некогда, но тебе надо это видеть.

Мы вышли к саду Коммунаров, окруженному толпой людей.



Папа оставил меня на пригорке, велел никуда не отлучаться, а только смотреть и запоминать.

Я стала смотреть. И увидела знакомые лица и наряды. Я поняла, что это были наши делегаты, о которых говорил папа. Вот из Самарканда, эти из Казахстана, те — с Азербайджана. Я видела их загорелые лица, коренастые фигуры. Женщины были в деревенских нарядах — в пышных многослойных юбках, головы их были обвязаны лечеком из тонкого батиста, в руках — яркие узлы.

Сад был окружен милиционерами. Сцепив руки, они стояли плотным кольцом. Я увидела, как папа, ловко протискиваясь в толпе, пробирался к центру сада. Вот он что-то убедительно говорит бесстрастному милиционеру. Вот он уже в центре делегатов. Теряя папу из виду, я принялась разглядывать толпу. Она состояла из горожан, глазевших на зрелище с праздным любопытством.

К саду начали подъезжать маленькие автобусы — «пазики». Кольцо дрогнуло, разомкнулось, и растерянных людей стали вливать в быстро открывающиеся двери. Люди закричали. Внутри у меня все похолодело. Мне стало страшно. Ничего не понимая, я видела только, как ярко взметнулись цветные юбки, как женщины, изгибаясь, отбивались узлами. В толпе загудели: «В чем вина этих людей? За что их так?»

Одна из женщин, вцепившись в молоденького милиционера, кричала: «Что ты делаешь, дурень? Какие мы преступники?». «Ты-то живешь на своей земле, — кричала другая, — и мы этого хотим!»

Потом пошла рукопашная. Мужчины отбивались молча... В толпе появились фотоаппараты, застрекотали камеры, но тут же они были изъяты. Толпа гудела. Автобусы торопливо отъезжали друг за другом.

Я наблюдала все это с колотящимся сердцем.

Папа появился рядом, возмущенно повторяя: «Какое коварство, какая низость!».

Оказалось, что нашей делегации в тот день была назначена аудиенция в ЦК, и она собралась в саду, чтобы обговорить детали предстоящего приема. Вот тут-то их и захватили — всех вместе. И, применяя грубое насилие, вывезли за черту города.

Конечно же, после этого ни о каком приеме в ЦК не могло быть и речи.

То лето оказалось на редкость неудачливым. Я не поступила в ГПИ.

Но главная неудача была в том, что такой нечестный прием со стороны властей оказался последней каплей, долбящей камень:



народ разуверился в возможности обрести родину при нынешнем положении дел. Комитет распался, единство взглядов на дальнейший ход событий было нарушено.

Движение стало напоминать облитый водой костер, в котором если и оставались горящие угольки, то и они угасали под мокрыми поленьями.

Папа тяжело переживал все это.

Через год, сдав экзамены, я поступила в Ленинградский инженерно-строительный институт. Папа радовался этому не столько как отец, сколько как лидер месхов. «Нам нужны будут свои кадры, и в первую очередь — строители, которым предстоит возрождать родные очаги», — говорил он, и это накладывало на меня дополнительную ответственность.

Я получила инженерное образование, приехала работать в Новгород по распределению, рвалась только на стройку, чтобы окончательно сформироваться как специалист.

Пять лет в Ленинграде были для меня ценнейшими годами самообразования и самовоспитания. Студенчество мое было насыщенным, хотя и не лишенным молодой беспечности.

Я познавала архитектуру и живопись, театр и музыку, привыкала к сумрачным залам Публички, стала ценить северную сдержанность.

Ленинград свел меня со многими людьми, научил общаться, дружить и любить.

Именно ленинградские друзья натолкнули меня на мысль привести в порядок папин архив. Благодаря им начаты эти записки.

Осенью 1981 года я смотрела телепередачу из Останкинской студии. Шел вечер встречи с Нодаром Думбадзе. Я любила этого писателя — он помог мне открыть мир грузинской литературы слабо ведомый ранее. Буквально на днях ему была присуждена Ленинская премия за роман «Закон вечности».

Думбадзе вдумчиво говорил о долге писателя, о том, что настоящий художник выражает чаянья народа, должен идти впереди народа, звать к прекрасному...

Я слушала эти слова, смотрела, как он внимательно щурится, напряженно вслушиваясь в вопросы, кивает красивой седой головой, и чувствовала, как во мне все начинает протестовать.

Не дожидаясь конца передачи, я начала писать ему письмо. О каком долге писателя Вы говорите, — строчила я, — когда сотни тысяч месхов — Ваших кровных братьев — выселены из родных мест, а Вы молчите об этом. Какие чаянья Вы можете

выражать, когда Вы не знаете и не хотите знать о чаяньях этих людей. Куда Вы можете звать народ, если Вы палец о палец не ударили для его спасения.

Письмо вышло гневным, но я все же отправила его.

Вскоре я получила ответ.

8.XII.81.

Дорогая Клара!

Получил Ваше письмо. Оно и растрогало меня и расстроило. Да и кто поймет Вас лучше, чем сын репрессированных и расстрелянных в 1937 году родителей?

Образованная и умная женщина, Вы можете и должны представить себе, как трудно нам теперь, спустя сорок лет, исправлять пагубные последствия ошибок, допущенных нашими предшественниками. Стенания — наши, мои, моих товарищей — не помогут скорому возвращению сорока тысяч месхских семейств, выселенных в 1944 году. Выселять народы — одно, а вот возвращать их в родные края, притом в столь же оперативном порядке, расселять и трудоустраивать людей, разводить новые очаги, строить школы, другие учреждения — очень сложное дело. Но почему Вы полагаете, что мы тут ничего в этом направлении не делаем? Нет, делаем, и делаем многое, хотя шума вокруг этого не создаем. Многие из нас — писатели, историки и др. — не раз встречались с руководством республики по вопросу судьбы месхов. Если бы все зависело от Э. Шеварднадзе!

Руководители республики внимательно выслушивали нас, принимая близко к сердцу судьбу месхов. У нас создан комитет по трудоустройству возвратившихся месхов, несправедливо выселенных в тот период. Однако все это требует огромного терпения, большой моральной подготовки и методической разработки решения вопроса, тщательного экономического анализа.

Так что, дорогая Клара, не думайте, что мы, красуясь перед телезрителями, сидим между тем сложа руки. Мы делаем все, что в наших силах, и, поверьте, перенесенные мною два инфаркта были и есть следствие вовсе не сладкой жизни.

Огромное спасибо Вам за Ваши теплые слова! С признательностью и глубоким уважением целую Ваши руки.

Ваш Нодар ДУМБАДЗЕ».

Наша оторванность не позволяла иметь какое-либо представление о нынешнем отношении в Грузии к этому вопросу. Тем более приятно было узнать о сочувствии к нам такого крупного писателя, как Нодар Думбадзе.



Озабоченность судьбой месхов, стремление к положительному решению этого вопроса подтвердились и в личных встречах с представителями грузинской интеллигенции.

Как дети своего отца — лидера месхов-мусульман, мы понимаем, что закончить это дело предстоит нам и нашему поколению.

И сразу встает множество вопросов. Встречаясь с людьми, мы каждый раз с горечью констатируем, что они не знают своей истории. Это понятно. Ведь выселенное население было в основном неграмотным. Единственно, что они знали, это то, что их земля — Грузия и что они обращенные в мусульманство грузины. Что кроме этого могли они рассказать своим детям?

Из всего прошлого, что им пришлось пережить, вставало одно страшное слово «сюржон» (высылка), а почему и зачем — никому не дано было знать. Старшее поколение по-прежнему боготворит родину и разговоры о родном крае занимают много места в их жизни.

Барат спросил как-то одну старушку, жившую со своей семьей в Муганской степи в большом достатке (они имели огромный дом, обширное хозяйство, во дворе стояла «Волга»), поехала бы она в Грузию, если бы разрешили?

Старушка ответила, не задумываясь: «Босиком бы пошла и ни разу бы не оглянулась».

Молодому поколению неизвестно такое чувство. И, кто знает, получи они сегодня разрешение вернуться, как бы поступили молодые месхи?

Кем же считают себя дети выселенных месхов?

По паспорту в большинстве случаев они либо азербайджанцы, либо турки, малая часть сохранила паспорта с грузинскими фамилиями и еще реже — с грузинской национальностью, но в целом это денационализированная масса, для которой «мусульманство» и «турок» синоним национальности, а «грузин» — синоним христианина.

Недавно нам пришлось побеседовать с молодым месхом — студентом юридического вуза. Когда мы рассказали ему историю месхов, он, с любопытством выслушав, спросил меня: «Это что — твоя версия?». «Это не версия, — возразила я, — это историческая реальность». «Но где доказательства? — спросил будущий юрист. — Того, что вы мне рассказали, нет в учебнике истории». Это верно. Ни в одном учебнике истории не нашлось места описанию нашей трагедии. По каким же источникам изучать ему свою историю?

Надо сказать, что доказательства были представлены, но победилось немало усилий, чтобы переубедить этого месха. Он был потрясен открытием, что он — грузин.

Но остаются сотни и тысячи других молодых людей, которым неизвестна история грузинского народа. И в этом нельзя их винить.

А время идет. Уходит старшее поколение, для которых Родина — это Грузия. Для молодых месхов ценность этой родины носит условный характер...

Наш великий предок Шота Руставели закончил свою бессмертную поэму «Витязь в тигровой шкуре» такими словами: «Месх безвестный из Рустави, кончил я мое творение».

А эту историю нынешних месхов, историю их трагедии, их скитаний закончит сама жизнь.

1978—1984 гг.

Мингечаур—Новгород.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда писалась эта книга, информацией о судьбе месхов, осевших в разных республиках, я не располагала.

Казалось, это и не было нужно — я готовила к печати воспоминания своего отца. Но в процессе работы воспоминания теряли частный характер и складывались в повествование о жизни изгнанных месхов.

Где бы они ни жили, несмотря ни на какие запреты, они всецело стремились вернуться на родину. Повсюду стихийно возникали локальные очаги беспокойства, которое передавалось от старшего поколения к младшему.

До 1969 года все попытки месхов вернуться в Грузию кончались неудачей.

В 1969 году в Ачигварском чайном совхозе Гальского района поселилось около четырехсот семей, уехавших нелегально из муганских сел Азербайджана.

И эта попытка была неудачной. В результате давления властей месхи вынуждены были покинуть Ачигвари, часть семей осела на Северном Кавказе, в Кабарде, которая оказалась новым плацдармом в борьбе за возвращение на родину.

Активистами этой борьбы стали Алихан Искандаров (Курадзе), Исмихан Асланов (ныне восстановивший свою исконную фамилию Хозреванидзе), Малик Бахриев (Молидзе) и другие. Они наладили связи с грузинской интеллигенцией и договорились, что при



каждой возможности устроиться в любом районе республики будут действовать сообща.

В апреле 1977 года представители интеллигенции Грузии раздобыли следующую справку:

«Дирекция Насакиральского чайного совхоза Махарадзевского района Грузинской ССР не возражает против принятия на работу постоянных рабочих. Квартирой будут обеспечены. При себе иметь документы — паспорт, трудовую книжку.

Совхоз имеет возможность принять до 100 семей. После окончания сезона рабочие имеют добавочную зарплату, премию.

Директор совхоза Ю. Мгалоблишвили.

Невинная, казалось бы, справка явилась для месхов пропуском на родину.

Девять семей с Северного Кавказа вновь решают попытать судьбу. Поздно вечером они тайно выезжают в Тбилиси, где к ним присоединяются их тбилисские друзья. Глубокой ночью грузовики прибывают в совхоз. Заспанному сторожу предъявляется упомянутая справка — прибыли, дескать, устраиваться на работу.

Наутро выяснилось, что вновь прибывшие рабочие — не кто иные, как месхи. Власти тут же потребовали их выселения, директор совхоза был снят с должности.

Но месхи вместе со своими тбилисскими друзьями решили не сдаваться. Они подняли большой шум, ссылаясь на справку, выданную совхозом, и на то, что месхи — равноправные советские граждане. Власти же ссылались на официальный ответ управляющего делами Совета Министров Грузинской ССР от 26 января 1957 года В. Пааташвили, в котором говорилось, что так называемые «турки» не имеют права жительства в Грузии.

Тогда интеллигенция стала настаивать на судебном решении — не имеете права выселять из домов семьи с грудными детьми.

Полетели телеграммы на имя Шеварднадзе, Брежнева. Недавно только прошло Хельсинское совещание и в общественной жизни страны произошли некоторые послабления. Суд не состоялся, дело затянулось.

Тем не менее, месхи работали в чайном совхозе не разгибая спины, получали большие премии, зарекомендовали себя хорошими работниками и... жили под строгим надзором. Бригадир ежедневно отчитывался за своих подопечных перед властями, которые с большим подозрением относились к переселенцам, и отказывая последним в прописке, хотели вынудить их уехать «добровольно».

В феврале интеллигенцией Грузии было направлено письмо на

04.10.55 48  
21.10.1993

имя первого секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе. Привожу его текст:

«Как известно, 15 ноября 1944 года из южных районов Грузинской ССР были высланы грузины мусульманского вероисповедания — месхи, именуемые «турками», в количестве 20 тысяч дымов.

Грузинская общественность считает своим долгом обратить Ваше внимание на тот факт, что объявление месхов «турками» является совершенно беспочвенным и лишенным всякого основания. Общеизвестно, что в конце XVI века Месхети оказалась под игом турецких захватчиков, которые мечом и социальным насилием насаждали ислам и турецкий язык. С 30-х годов прошлого столетия, после включения северной части Месхети в состав Российской империи, царизм, с целью ослабления грузинского народа, вытеснял среди грузин-мусульман (месхов) грузинский язык, одновременно вынуждая их переселиться в Турцию. Несмотря на эти меры, месхи-мусульмане сохраняли свои исконные грузинские фамилии и родной грузинский язык.

За все 250 лет турецкой оккупации и 100 лет царской политики национального угнетения месхи-мусульмане не были столь оторваны территориально и духовно от своей родины и народа, как это произошло в результате высылки 1944 года.

Трудно переоценить всю глубину трагедии, выпавшей на долю месхов-мусульман. В течение нескольких месяцев, начиная со дня высылки, из-за невыносимо тяжелых условий погибла треть высланных, в том числе более 17 тысяч детей. Следует отметить, что партия и правительство после XX съезда возвратили на землю отцов чеченов, ингушей, карачаевцев, балкарцев и другие народы. На территорию Грузинской ССР в 1956 году были возвращены греки, высланные в 1948 году.

Право возвращения на территорию Грузинской ССР грузин-мусульман, именуемых несправедливо «турками», подтверждается Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года и Постановлением Верховного Совета СССР от 9 января 1974 года.

Сами высланные месхи неоднократно обращались в ЦК КПСС и ЦК КП Грузии для разрешения своего вопроса — кровного вопроса всего грузинского народа. ЦК КПСС неизменно направлял их в Грузию, считая, что разрешение этого вопроса входит в компетенцию правительства Грузинской ССР. Однако положение месхов и сегодня остается неизменным.

Учитывая вышеизложенное, обращаемся к Вам с ходатайством, чтобы Указ и Постановление Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года и от 9 января 1974 года были бы приведены в



действие и таким образом была бы восстановлена справедливость в отношении так тяжело пострадавшей части грузинского народа».

Под этим письмом подписались более сорока человек. Среди них: академики Георгий Читаия, Серги Джикия, Вахтанг Беридзе, Арнольд Чикобава, Акакий Шанидзе, Паата Гугушвили, Георгий Меликишвили, историки Мариам Лордкипанидзе, Александр Джавахишвили, Отар Джапаридзе, Шота Ломсадзе, Мамия Думбадзе, Вахтанг Джапаридзе, Гурам Мамулиа, Зураб Цинцадзе, писатели Реваз Джапаридзе, Джансуг Чарквиани, Гурам Асатиани, Камилла Коринтэли, Акакий Бакрадзе, Мухран Мачавариани, Реваз Инаншвили, деятели культуры Уча Джапаридзе, Гига Лордкипанидзе, Мераб Бердзенишвили, Алексей Мачавариани, Реваз Табукашвили, Давид Торадзе и другие.

12 марта 1979 года произошла встреча представителей грузинской интеллигенции с Э. Шеварднадзе. Прием длился несколько часов и вылился в оживленную дискуссию. Там впервые было сообщено, что в апреле 1979 года выйдет Постановление ЦК КП и Совета Министров республики о приеме месхов в Грузию.

4 апреля 1979 года этот документ увидел свет. Месхов в Насакиральском совхозе наконец прописали. Многие месхи вернулись в Грузию и поселились в западных районах.

Так создались села Копитнари Самтредского района, Ахалшени Цулукидзевого, поселение в селе Лесичинэ Чхороцкуйского района, в совхозе Бандза Гегечкорского, в совхозах Наразени и Хецера Зугдидского, Насакиралаи и Нарудже Махарадзевого районов, в совхозе Геджети Цхакаевского района.

Позже поселения месхов возникли и в Восточной Грузии. Месхи приобрели дома в селе Цхрамуха Хашурского района, обустроиваются месхи в селе Цроми того же района, расселились они и по Карельскому району.

После сорокалетней оторванности от своей родины месхи наконец-то восстанавливают подорванное национальное самосознание. Своих детей они определяют в грузинские школы, добиваются восстановления грузинских фамилий и национальности.

В последние годы дети вернувшихся месхов были приняты в различные вузы республики по лимиту и получают высшее образование на родном грузинском языке.

Послесловие можно было бы закончить на оптимистической ноте: уже четыре месяца, как семья моего брата Марата прописана и живет в Месхети, в городе Ахалцихе. Сын продолжает дело отца.

16 035340  
8102-1110933

О Марате я говорила совсем мало. Он рос молчаливым и казалось, меньше всего его интересовали папины дела, работы по этнографии.

Он отслужил армию в Архангельске, учился в политехническом институте в Новгороде, работал там инженером, женился..

Прошлым летом мы с младшим братом Баратом побывали в Хашурском районе у возвратившегося месха Баадур Матанова (Метонидзе).

Баадур справедливо упрекнул нас — дети такого отца должны быть пионерами в возвращении на родину. Тогда же мы узнали, что готовится специальное постановление о переезде месхов, которое даст разрешение переселиться и в места, откуда они были высланы.

Мы проговорили всю ночь и уехали чрезвычайно взволнованные.

Марат отреагировал на наше сообщение быстрее всех. В октябре он уже был в Тбилиси и внес всю нашу семью в первый же список переселяющихся.

В ноябре он уволился с работы в Новгороде, вновь прибыл в Тбилиси и ждал там выхода постановления, чтобы в числе первых отправиться в Ахалцихе. К тому же он решил сменить профессию и вплотную заняться этнографией месхов. Свое желание он уже осуществил — Марат — сотрудник Ахалцихского исторического музея.

В мае Марат с Баратом побывали в папином родном селе Удэ. Старики со слезами на глазах узнавали в Марате молодого папу, который многим из них преподавал в школе.

Братья привезли горсть земли из Удэ, которую мы смешали с землей на папиной могиле в Мингечауре.

Правительственный документ увидел свет 8 декабря 1987 года и назывался: «Об утверждении задания по организованному переселению в 1987-88 годах семей месхетинцев, желающих переселиться на постоянное местожительство в Грузинскую ССР из других союзных республик».

Согласно этому постановлению в 1987-88 годах предполагалось переселить 300 семей месхов. Среди них 60 семей в Ахалцихский район, 30 — в Адигенский, 10 семей — в Аспиндзский и т. д.

Благополучному исходу постановления о месхах во многом мешают и сами месхи. Невежественные в своей истории (в чем их нельзя винить) они, путая национальность с вероисповеданием, часто называют себя «турками».

Неприязнь к турецким захватчикам, продолжающая жить в па-



мяти грузин, переносится и на месхов, часть которых именует себя «турками», а ведь месхи-мусульмане сами являются жертвами турецкого владычества в Месхети!

В процессе работы над этой книгой я обнаружила исторические документы, не только проливающие свет на историю месхов, но и многое объясняющие в их сегодняшнем положении.

В «Сборнике материалов для описания Тифлисской губернии» изданном при канцелярии Тифлисского губернатора (Тифлис, 1870 г.) дан список населенных мест Тифлисской губернии. Списки содержат названия населенных пунктов Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, то есть те места, откуда были высланы месхи-мусульмане в 1944 году.

В этих списках указывается также народность жителей этих мест, их вероисповедание, церкви и молитвенные здания. И самым важным в этом документе является тот факт, что месхи-мусульмане именуются «грузинами-суннитами», но никак не турками и не азербайджанцами. Представители этих народностей в Месхети не проживали. Кто проживал в Месхети и в каких селах, видно из самих приведенных ниже списков, в которых указаны названия населенных мест, национальность жителей, их вероисповедание, а также культовые сооружения:

1. Кобихеви — грузины-православные — 1 древняя разваленная православная церковь.

2. Адкури — армяне, грузины, евреи — армяно-григорианцы, Ветхий завет, сунниты — 1 армяно-григорианская церковь, 2 мечети, 2 древние православные церкви.

3. Агара — грузины-сунниты.

4. Зикилия — грузины-сунниты — развалины одной православной церкви, 1 мечеть.

5. Цниси — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь, 1 мечеть.

6. Цриохи — грузины-сунниты — 2 древние православные церкви, 1 мечеть.

7. Цинубани — грузины-сунниты — 1 древняя запустевшая православная церковь, 1 мечеть.

8. Цохтеви — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь, 1 мечеть.

9. Мугарети — грузины-сунниты — 1 мечеть.

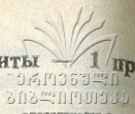
10. Георгицминда — грузины-сунниты — 2 древние православные церкви, 1 мечеть.

11. Чохта — грузины-сунниты.

12. Перса — грузины-сунниты — 1 мечеть.

13. Двири — грузины-православные — 1 православная церковь, 1 развалины.
14. Ткемлана — грузины-сунниты — 1 мечеть.
15. Сакунэти — грузины-сунниты — 1 православная церковь, 1 мечеть.
16. Колтахеви — грузины-сунниты.
17. Копадзе — русские, грузины — православные, сунниты.
18. Блорза — грузины-сунниты.
19. Орпола — грузины-сунниты — 1 разваленная православная церковь, 1 мечеть.
20. Перисцихе — грузины-сунниты.
21. Индуса — грузины-сунниты — 1 мечеть.
22. Минадзе — курды-сунниты.
23. Тоба — грузины-православные.
24. Рустави — курды-сунниты.
25. Цкалтбила — курды-сунниты.
26. Лашихеви — грузины-сунниты.
27. Идумала — грузины-сунниты.
28. Аспиндза — грузины-сунниты — 2 древние разрушенные православные церкви, 1 мечеть.
29. Хертвиси — грузины — православные, сунниты — развалины 1 православной церкви, 1 армянская церковь, 1 мечеть.
30. Накалакеви — курды-сунниты — развалины 1 православной церкви.
31. Цунда — курды-сунниты — развалины 2 православных церквей.
32. Маргастан — грузины-сунниты — развалины 3 православных церквей.
33. Вертахани — курды-сунниты.
34. Анакети — курды-сунниты.
35. Верташи — курды-сунниты.
36. Миращани — курды-сунниты.
37. Мураквали — армяне — армяно-григорианцы, таракама-сунниты.
38. Чечереки — армяне — армяно-григорианцы.
39. Охера — курды-сунниты — развалины 1 православной церкви.
40. Мусхи — грузины-православные — 1 православная церковь.
41. Гобиэти — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.





42. Зурзели — грузины — православные, сунниты — 1 православная церковь.
43. Ахашени — грузины — православные, сунниты — развалины 1 старинной православной церкви, 1 мечеть.
44. Онгора — грузины-сунниты — 1 мечеть.
45. Сахутабели — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
46. Варнети — грузины-сунниты — разоренная древняя крепость и в ней развалины 1 православной церкви, 1 мечеть.
47. Эркота — грузины — православные, сунниты.
48. Бнэла — грузины-православные — развалины 1 православной церкви.
49. Оскория — таракама-сунниты.
50. Дадеша — грузины-православные — развалины 1 православной церкви.
51. Кунца — грузины-православные — 1 православная церковь.
52. Азгюда — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
53. Рокети — грузины — православные, сунниты — 1 православная церковь.
54. Толоши — грузины — православные, сунниты — 1 старая православная церковь, 1 новая.
55. Гельсунда — грузины-сунниты.
56. Аландза — курды-сунниты — развалины 1 православной церкви.
57. Чольда — курды-сунниты.
58. Зедатмогви — грузины-православные — 1 православная церковь.
59. Тмогви — курды-сунниты.
60. Тораси — курды-сунниты.
61. Пия — курды-сунниты.
62. Ахчия — курды-сунниты.
63. Зедавардзия — курды-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
64. Варнэти — грузины-сунниты — развалины 3 древних православных церквей.
65. Панакети — грузины-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
66. Шалощети — грузины-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
67. Толерто — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.



68. Вани — таракама-сунниты — развалины 2 православных церквей.
69. Гурбага-оглы — таракама-сунниты.
70. Леписи — таракама-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
71. Бузмарети — таракама-сунниты — развалины 1 православной церкви.
72. Большая Агара — грузины — православные, сунниты — развалины 1 православной церкви.
73. Ниала — таракама-сунниты — древние развалины 3 православных церквей.
74. Гавети — курды-сунниты — развалины 1 православной церкви.
75. Карзамети — грузины-сунниты — древние развалины 3 православных церквей.
76. Артахи — таракама-сунниты — развалины 1 православной церкви.
77. Еникеви — грузины-сунниты.
78. Уравели — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
79. Тхлатубани — грузины-сунниты.
80. Энтэли — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
81. Орцени — русские-православные, грузины-сунниты.
82. Хеоти — грузины-сунниты — 3 древние православные церкви, 1 мечеть.
83. Агара малая — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
84. Чорчо — грузины-сунниты.
85. Грома — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
86. Цхорза — грузины-сунниты — развалины 2 православных церквей.
87. Кисатиби — грузины-сунниты — 1 мечеть.
88. Георгицминда — грузины-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
89. Кантиэти — курды-сунниты.
90. Требони — курды-сунниты.
91. Хриали — курды-сунниты.
92. Одунда — грузины-сунниты.
93. Грели — грузины-православные, сунниты — развалины 1 древней православной церкви.



941935940  
8032010030

94. Андриацминда — грузины-сунниты — 1 православная церковь.
95. Клдэ — грузины-сунниты — 1 мечеть.
96. Зеубани — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь.
97. Бога — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь, 1 мечеть.
98. Шурдо — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви, 1 мечеть.
99. Свири — грузины-сунниты — развалины 2 православных церквей, 1 мечеть.
100. Чвинта — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
101. Татаниси — грузины — православные, сунниты — 1 древняя православная церковь.
102. Элиацминда — грузины-сунниты.
103. Куратубани — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь.
104. Двири — грузины-сунниты.
105. Микельцминда — грузины-сунниты.
106. Цира — армяне—армяно-григорианцы — 1 армянская церковь.
107. Цхрути — армяне — армяно-григорианцы, грузины-сунниты — 1 армянская церковь.
108. Ани — грузины-сунниты — 1 мечеть.
109. Кикинети — грузины-сунниты — 1 мечеть.
110. Тутаджвари — грузины-сунниты.
111. Цахнисцхаро — грузины-сунниты.
112. Цахани — грузины-сунниты — 1 мечеть.
113. Харджами — грузины-сунниты — 1 мечеть.
114. Абастумани, местечко — 10 семейств воинских чинов, а летом съезд посетителей — 1 православная церковь.
115. Абастумани, дер. — грузины-сунниты — 1 мечеть.
116. Вархани — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь, 1 мечеть.
117. Хевашени — грузины-сунниты — 1 мечеть.
118. Унда — грузины-сунниты.
119. Беннара — грузины-сунниты.
120. Пхеро — грузины-сунниты — развалины 1 древней православной церкви, 1 мечеть.
121. Накурдеви — грузины-сунниты.
122. Энтэли Верхний — грузины-сунниты — 1 мечеть.
123. Энтэли Нижний — грузины-сунниты — 1 мечеть.

124. Шолавери — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь, 1 мечеть.
125. Шока — грузины-сунниты — 1 разоренная православная церковь.
126. Болажури — грузины-сунниты, армяно-католич. — развалины 1 древней православной церкви, 1 мечеть.
127. Гомаро — грузины-сунниты — 1 мечеть.
128. Смада Малая — грузины-сунниты — 1 мечеть.
129. Смада Большая — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
130. Чорчани — грузины-сунниты — древние развалины 1 православной церкви.
131. Занави Большой — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви, 1 мечеть.
132. Цре — грузины-сунниты.
133. Адигени — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви, 1 мечеть.
134. Платэ — грузины-сунниты — 1 мечеть.
135. Млаше — грузины-сунниты — 1 мечеть.
136. Ардзиэ — грузины-сунниты.
137. Зедубани — грузины-сунниты — развалины 2 православных церквей, 1 мечеть.
138. Апиэти — грузины-сунниты.
139. Саирме — грузины-сунниты — 1 древняя православная церковь.
140. Чечла — грузины-сунниты — 1 мечеть.
141. Гортубани — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
142. Гогонаури — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
143. Намниаури — грузины-сунниты.
144. Цихисубани — грузины-сунниты.
145. Мохе — грузины-сунниты — 1 мечеть.
146. Гагви — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
147. Дерцели — грузины-сунниты.
148. Кеховани — грузины-сунниты.
149. Утхисубани — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
150. Годердзи — грузины-сунниты — 1 мечеть.
151. Зарзма — грузины-сунниты — древний православный Зарзмский монастырь.
152. Коркули — грузины-сунниты.



153. Иджарети — грузины-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
154. Каратубани — грузины-сунниты.
155. Леловани — грузины-сунниты — 1 мечеть.
156. Амхери — грузины-сунниты.
157. Гордзе — грузины-сунниты.
158. Кахарети — грузины-сунниты — 1 мечеть.
159. Самхре — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви, 1 мечеть.
160. Цхисе — грузины-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
161. Зазало — грузины-сунниты — развалины 1 древней православной церкви.
162. Хуро — грузины-сунниты.
163. Удэ — грузины — армяно-католическая, сунниты — 1 армяно-католическая церковь, 1 мечеть.
164. Арали — грузины — армяно-католическая — 1 армяно-католическая церковь.
165. Царбастубани — грузины-сунниты.
166. Марели — грузины-сунниты.
167. Хона — грузины-сунниты — 2 древние православные церкви, 1 мечеть.
168. Орчошани — грузины-сунниты — 1 разоренная православная церковь.
169. Пареха — курды-сунниты — 1 мечеть.
170. Сабузара — грузины-сунниты.
171. Чихели — грузины-сунниты.
172. Чурчучо — грузины-сунниты — 1 мечеть.
173. Наохреби — армяне — армяно-католическая — 1 армяно-католическая церковь.
174. Вале — русские — православные, грузины — армяно-католическая, сунниты — 1 православная церковь, 1 армяно-католическая церковь, 1 мечеть.
175. Суфлиси — грузины-сунниты — 1 армяно-католическая церковь, 2 мечети.
176. Чала — грузины-сунниты.
177. Джакисмани — грузины-сунниты — 1 мечеть.
178. Инджгола — грузины-сунниты.
179. Чареми — грузины-сунниты.
180. Цкалтбила — армяне — армяно-католическая, грузины-сунниты — 1 армяно-католическая церковь.
181. Цинубани — армяне — армяно-католическая — 1 армяно-католическая церковь.



182. Арджина — грузины-сунниты — 1 мечеть.
183. Памаджи Большая — армяне — армяно-григорианцы — 1 армянская церковь.
184. Памаджи Малая — армяне — армяно-григорианцы — 1 армянская церковь.
185. Садзели — армяне — армяно-григорианцы — 1 армянская церковь.
186. Аби — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви.
187. Орали — грузины-сунниты.
188. Аркисцихе — армяне — армяно-григорианцы.
189. Хаки — грузины-сунниты.
190. Арджули — курды-сунниты — развалины 1 православной церкви.
191. Анда — грузины-сунниты.
192. Тисели — курды-сунниты — развалины 1 православной церкви.
193. Тадзриси — грузины-православные — развалины 1 православной церкви.
194. Сакире — грузины-православные — развалины 1 православной церкви, 1 новая.
195. Кализа — грузины-сунниты.
196. Ошора Верхняя — грузины-сунниты — 1 мечеть.
197. Ошора Нижняя — грузины-сунниты — развалины 1 православной церкви, 1 мечеть.

Приведенный список охватывает населенные пункты Ахалцихского уезда, то есть Самцхе — исторической провинции Месхети (современные районы Грузинской ССР — Адигенский, Ахалцихский и Аспиндзский).

Правительство Николая I в 1830-31 гг. выселило из этих районов часть месхов-мусульман в Турцию, а из Эрзерума переселило сюда армян. Что касается сел, населенных таракама и курдами, то они поселились в вышеназванных селах в XVIII веке.

Гораздо трагичнее обстоит дело с другой исторической провинцией Месхети — Джавахети (современные Ахалкалакский и Богдановский районы). Здесь в 1830—1831 гг. царское правительство вынудило переселиться в Турцию большинство месхов-мусульман. Вместо них были поселены армяне из Эрзерума и духоборы из России.

Ниже перечислены те села Джавахети, в которых проживали месхи-мусульмане до высылки в 1944 году.



1. Хизабавра — грузины-православные, армяно-католич., сунниты — 1 православная церковь.
2. Алджуа — грузины-сунниты.
3. Варевани — грузины-сунниты — православные, армяне — армяно-григорианское, 1 православная церковь, 1 армянская церковь.
4. Хоспия Большая — грузины-сунниты.
5. Токи — грузины-сунниты — православные, армяне — армяно-григорианцы, 1 православная церковь.
6. Мурджახети — грузины-сунниты — православные, армяне — армяно-григорианцы.
7. Баралети — грузины-сунниты — православные, армяне — армяно-григорианцы — 1 православная церковь, 1 армянская церковь.
8. Котэлиа — грузины-сунниты — православные, армяне — армяно-григорианцы — 1 православная церковь.
9. Оками — грузины-сунниты.
10. Апиа — грузины-православные, сунниты — 1 православная церковь.
11. Гогашени — грузины — православные, сунниты — 1 православная церковь.
12. Килда — грузины — православные, сунниты — 1 православная церковь.
13. Кварша — грузины-сунниты.

В подтверждение всего вышеизложенного приведем официальный ответ Академии наук СССР. В 1965 году высланные месхи официально обратились в Институт этнографии им. Миклухо-Маклая с запросом, какие народности проживали в Месхети до 1944 года и кем являются они сами, так называемые «месхетинские турки».

В официальном ответе от 30 июня 1965 года профессор, доктор биологических наук, историк и антрополог Г. Ф. Дебец писал: «Так называемые месхетинские турки — это мусульманизированные и в значительной степени отуреченные по языку грузины (месхи)». (Официальный документ Академии наук СССР от 2 июля 1965 года за № 30/046—228).

Существуют официальные данные и 1916 года о национальном составе Месхети, по которым он выглядел следующим образом: «Ахалцихский уезд: всего жителей 72 000. Грузин-мусульман — 52 000. Грузин православных — 8 000. Грузин католиков — 6 000. Всего грузин — 66 000. Армян — 4 000. Курдов — 2 000.

Ахалкалакский уезд: всего жителей 100 000. Грузин-мусульман

—7 000. Православных грузин — 8 000. Грузин католиков — 7 000. Всего грузин — 22 000. Армян — 76 000. Курдов — 1 000. Таракма — 1 000». (П. Ингороква. О границах территории Грузии (на груз. яз.). Константинополь. 1918, с. 12).

Возникает логический вопрос: каким образом грузины-мусульмане, зафиксированные царским правительством в двух переписях, превратились в 1923 году в азербайджанцев, а спустя 21 год — в турков, что и послужило предлогом их высылки в 1944 году?

Трагизм сегодняшнего положения месхов-мусульман был обусловлен всеми этими несуразностями, превратившими их в утратившую свою историческую память денационализированную массу.

Великие сыны Грузии всегда с болью воспринимали разделение грузин на христиан и мусульман. В 1910 году во время пребывания в Ахалцихском уезде Акакий Церетели, обращаясь к месхам-мусульманам, произнес следующие слова:

«Наша разъединенность (грузин-мусульман и грузин-христиан), наше разделение надвое — это расчленение надвое нашей судьбы и силы как в прошлом, так и в настоящем. Без вас наше горе удваивается и наша радость вдвое уменьшается. Если вы окажетесь в тяжелом положении, то и наше благополучие ничего не будет стоить. А если вы будете вместе с нами и мы вместе будем тянуть одно ярмо, то и тяготы нам не страшны. Не дай Бог нам остаться без вас и вам — без нас. Половинки в отдельности всегда будут лишь незавершенными частями целого, но объединенные составят единое тело. Да, душой и телом мы едины и всегда должны жить одной судьбой».

Тбилиси ,октябрь 1988 г.



---

## ХРОНИКА

---

### ВЕСТНИК ГРУЗИНО-ИСПАНСКОЙ ДРУЖБЫ

В конце сентября в Тбилиском государственном университете получен один из последних номеров журнала ЮНЕСКО «Тенденции антропологии».

В присланном из Барселоны номере журнала на испанском языке напечатана обширная статья профессора университета Элгуджи Хинтибидзе, Ака-

кия Сургуладзе и Владимира Минашвили под названием «Общественная, философская и литературная мысль Грузии и творчество Ильи Чавчавадзе».

В статье прослежен путь, пройденный грузинской культурой от древнейшей мифологии до зарождения христианской литературы, а затем от высоко развитой церковной и светской литературы до эпохи творчества И. Чавчавадзе.



Сосо СИГУА

## МОГУЩЕСТВО СЛОВА

Любовь к земле и верность ей пронизывают сильную, самобытную поэзию Вахтанга Харчилава. Эта поэзия поражает нас не новизной, не необычными формами. Она многим обязана традиции, опыту предшественников, поскольку главное для автора — не поиски рифмы, аллитерации или оригинальной мысли, а создание стиха, являющегося документом горячего сердца.

Мы с Вахтангом вместе учились в университете, сидели, так сказать, за одной партой. Он приехал в столицу из провинции, держался обычно особняком, ходил с серьезным, даже печальным лицом. Своей необщительностью и трудолюбием он вызывал у нас, своих сверстников, нечто вроде почтительного интереса. Позднее выяснилось, что в тот год он потерял отца; горе сразу сделало его мужчиной. Первые созданные им стихотворные строки несли на себе отпечаток безысходной скорби и безнадежности, перекликаясь своим настроением с творчеством Теренти Гранели. Это вызывало у нас, опьяненных весной жизни, чувство, близкое к страху.

Призрак отца и в дальнейшем сопутствовал поэзии Вахтанга Харчилава, стал источником печали, которая, в свою очередь, привела к драматическим интонациям. Поэт заглянул в бездну жизни, острее других почувствовал ледяной ветер небытия.

Все свои мысли и мечты Вахтанг Харчилава запечатлел в слове. Однако любовь к поэзии он понимал совсем не так, как другие. Поэзия довлела над ним, давила на него, как железная длань рока. Он писал на протяжении нескольких лет, но ничего не печатал, хотя, возможно, и пытался напечататься,

но ему не удавалось. Казалось, он не очень переживал это. Но чтобы придать себе смелости и уверенности, этот застенчивый от природы юноша начал вести богемный, беспорядочный образ жизни, гоняться за призраками и миражами. У него появились новые друзья, изменились представления о жизни, потянулись дни, похожие один на другой. Однако бог поэзии не оставлял его, и трепетное, словно вырванное из сердца слово ложилось на бумагу. В то время, когда многие вокруг карабкались по лестнице, ведущей на Парнас, били в барабаны, вещали с трибун, он флегматично взирал на этот карнавал жизни. Меня всегда удивляли его равнодушие, стремление остаться в стороне от всего этого и в то же время увлеченность тем, что редко составляло предмет поэзии. Однажды я даже раскритиковал его в своей статье наряду с двумя другими поэтами, моими друзьями. Эти двое встретили статью с улыбкой, признали мою правоту. А Вахтанг разозлился, надулся. Он почувствовал себя оскорбленным, в нем вдруг проснулось самолюбие и, кто знает, может быть, оно подтолкнуло его к дальнейшей деятельности. В его стихах с новой силой зазвучали родные ландшафты, дорогие сердцу образы. Он преодолел свое одиночество, претворил его в стихи. «Я опоздал, но хоть и поздно, все же выбрался из мрака леса» (переводы стихов подстрочные).

Одиночество, которому неизбежно сопутствует депрессия, сомнения и безнадежность, как правило, — следствие протеста поэта против тех, кто не понял его, не понял не потому, что не пытался, а потому, что не сумел понять. Ведь для того и существуют слова, чтобы с их помощью проникать в душу человека и вызывать в нем сочувствие. Но одиночество дает возможность почувствовать силу и музыку мира, который таится в душе поэта и движется с током его крови.

Не напоминайте мне сегодня о себе,  
О том, какие вас омывают дожди,  
Сегодня вечером я забуду вас всех,  
Никого не хочу вспоминать,  
Ночью один присяду к столу,  
Заполнит комнату аромат дождя.  
Вы, братья и сестры мои,  
Хоть этой ночью не посещайте меня,  
Я буду слушать голько себя,  
Те голоса, что слышны голько мне.  
Оркестранты, спасибо за то, что пришли,  
Но этот концерт исполняется соло.



Стихи Вахтанга Харчилава — это зачастую зов одинокого человека, обращенный к собрату на противоположном берегу реки. Это и скорбь по герою безвременья, душу которого неожиданно посетила радость.

Ах, весна, весна,  
Что тебе надо от осени,  
Как же ты дотянула до осени,  
Как ты не надорвала свое сердце?!!

Одинокий человек, кроме других чувств, вызывает и любопытство. За ним наблюдают, проверяют каждый его шаг, взвешивают каждое слово. Он же бежит от людей, ибо «что мне сказать им, коль я и сам не знаю, кто я, зачем живу, коль тысячи колоколов зовут меня одновременно, и рана жжет на тысячи ладов».

Поэзия открывает скрытую в душе человека тайну. Поэтому поэт и ищет то единственное слово, которое «грамматик не расчленит на корень, на префикс...». Этого слова не найдешь в словаре, в отличие от него обычные слова, так щедро слетающие с наших уст, «истрепаны и утомлены».

Мучимый одиночеством, больной Модильяни лежит в саду и ждет рассвета. Рассвет наконец наступает, но художника уже нет в живых.

Бродячий ветер — уличный шансон  
Врывается в мой сад, за плечи обнимает,  
Известно вам, как далеко до правды,  
Как больно вглядываться в солнце?  
Вы здесь останетесь, меня же здесь нет,  
Вы здесь останетесь со всем своим богатством.  
Жизнь — парижская девка-дешевка,  
Есть деньги — покупай.  
А в ком есть сердце, но отнята надежда,  
Пьянеет тот не от вина — от скорби,  
Вы видели зимнюю луну в парижском небе?  
То мой портрет...

Поэтизация печали и одиночества — главный смысловой мотив первой книги Вахтанга Харчилава «Альтернатива» (а их у него всего две) — варьируется от стихотворения к стихотворению. В первую очередь поэт излагает биографию своей души, ее метания, внезапные переходы от горя к радости, от сине-весеннего цветка к желтым осенним листьям.

Вторая книга «Голоса» — скорее размышление о жизни, судьбе, бренности всего сущего, тем не менее она так насыщена бытовыми деталями, красками повседневной действительности, болью сердца, мечтами и надеждами — без какого бы то ни было приукрашивания, без чьего бы то ни было влияния, — что оставляет впечатление последней исповеди поэта.

Однако совершенно очевидно, что эти две книги объединяет нечто, характеризующее их в равной мере, это нечто — достояние души поэта, заключающее в себе частицу его психики, его нервной системы.

Тем не менее личностное, индивидуальное, идущее из глубинных пластов души требует выявления, выражения, разделения с другими людьми, а это уже вопрос техники, профессионального мастерства.

Часть стихотворений Вахтанга Харчилава построена на артистических переживаниях. Поэт затрагивает такие темы и образы, которые могут быть восприняты как литературщина. Но только на первый взгляд. На самом же деле аллюзии, ассоциации, параллели отнюдь не означают, что стихотворение зарождается на литературной почве. Скорее это перекличка, созвучность, реминисценция, вызванные обостренностью восприятия и причастностью к общелитературному процессу. Все, продиктованное чувством, принадлежит поэзии. Можно простить стиху подражательство, неотшлифованность формы, но только в том случае, если в нем есть живое чувство, если то, о чем пишет поэт, волнует наши души.

Я же громко читаю «Гамлета»,

И мне внимают сконфуженные сельские Офелии...

Порой в его стихах прорываются знакомые интонации, возникает ощущение, что это мы уже слышали или читали. Однако, пользуясь этим приемом, Вахтанг Харчилава проявляет такой такт и безупречный вкус, что он, этот прием, воспринимается как новое осмысление традиции.

Вахтанг Харчилава — замечательный лирик. Он смотрит на мир глазами простодушного и непосредственного ребенка, ищет в нем красивое, притягательное. Его лирические построения возникают внезапно, как бы рождаясь из музыки души. Они могут быть связаны с любовью, навеяны именем любимой или воспоминанием о ней. И главное в них всегда — радость преодоления одиночества.

Душа поэта истерзана, измучена, но он верит, что она



вновь обретет свою изначальную целостность и ждет этого с таким же страстным нетерпением, как ночной сторож — рас-  
света.

Лирические настроения, тончайшие эмоции отзываются в нас болью, сожалением, грустью, приобщают нас к давно прошедшим дням с их радостями и печалью.

Лиризм стихотворений Вахтанга Харчилава не обвеивает нас нежным ветерком, а обрушивается, проникает в самую душу, заставляет звучать ее тайные струны, пробуждает дремлющие переживания, обостряет чувство любви к ближнему, приближает далекое, воскрешает забытое. Его строки несут в себе электрический заряд, они не успокаивают, они тревожат, жгут, пробуждают тоску по любимому человеку и наводят на мысли, которые, возможно, никогда бы и не пришли нам в голову.

Читатель привык к «я» в лирической поэзии, подчас остающимся гласом вопиющего в пустыне, или к безликому третьему лицу «он», «оно», «она». Вахтанг Харчилава чаще всего «говорит» от второго лица, иногда — во множественном числе, давая тем самым понять, что его боль, его скорбь, его переживания — достояние многих людей, а он сам — лишь частица целого, взявшая на себя нелегкий труд выразить общие надежды и чаяния.

Поэт обращается на «ты» к женщине, к ушедшей молодости, к братьям по перу или по духу, живущим такой же беспкойной жизнью, что и он сам. По существу, это «ты» — вариация лирического «я».

Никогда не жил ты  
Тихо, мирно, уравновешенно,  
Жил так, как получалось,  
Как хотел сам, как хотело сердце,  
Жил так, как хотело сердце,  
Ибо любил ты и ненавидел,  
Был нежным, был и жестоким,  
Ибо любил ты и ненавидел,  
Равновесие тебе никогда не давалось.

Некоторые строки Вахтанга Харчилава, как светящиеся точки, они навсегда сохраняются в нашем сознании. Это не афоризмы, не отточенные метафоры, а мысли и чувства, внезапно выплывшие из тумана небытия: «Я болен и прилежно обучаюсь смерти», «Тебя из луны изваяло небо, с телом жен-

щины, с женской повадкой», «Я постепенно переливаюсь в вас / и так же постепенно опустошаюсь».

Вахтанг Харчилава не заботился о музыкальности стиха. Его не интересуют ни сущность предмета, ни его интеллектуальный анализ. Он стремится передать нам драматизм бытия, силу жизни. Поэтому главное для него эмоциональная душа объекта. Поэт как будто слышит трепетное дыхание Вселенной, обрушивающееся на нас дождями, ветрами, звездами, жаром земли; каждое его слово пронизано им, это слово человека, размышляющего о жизни.

Слово поэта динамично, исполнено энергии. Все его рифмы, метафоры, сравнения, фигуральные выражения зарождаются как отклик на тревогу души. Поэт будто и не помышляет о том, как передать нахлынувшие на него переживания, — они сами находят форму и выход. Многие стихотворения Вахтанга Харчилава написаны верлибром.

Когда возьмешь ты в руки мне письмо,  
Меня уже не будет на этом свете,  
Когда моя любовь настигнет тебя,  
Меня уже не будет на этом свете.  
И когда ты полюбишь меня,  
Меня уже не будет на этом свете.  
Но ведь кто-то же будет  
Вместо меня.  
Он и утешит тебя,  
Он и придет к тебе вместо меня,  
Так же, как в эту минуту  
Я вместо кого-то  
Люблю тебя тайно  
И от тебя скрываю,  
Кто я и что я.

Но обычно Вахтанга Харчилава не относят к числу тех, кто пишет верлибром. Возможно, потому, что его строфы повторяют строфы классического стиха, он сохраняет их свободное дыхание, добиваясь естественности и непосредственности звучания.

Вахтанг Харчилава для своего поколения значит то же, что Стар Чиладзе для поколения 60-х годов и Бесик Харанаули для 70-х. Он еще раз подтвердил, что время от времени в поэзии проходит увлечение новациями, и окрыленная найденными фор-



мами душа вновь возвращается к нашей исполненной сладкой горечи или горькой сладости жизни, неуклонно влекущей нас к будущему, а стало быть, и к небытию.

Основа поэзии Вахтанга Харчилава — драматизм бытия. Поэт — противник легкости, «игры», его привлекает конфликт между духом и материей, между личностью и окружающим миром. Конфликтное мироощущение, обуславливающее его печаль и одиночество, как уже отмечалось, берет свое начало в образе отца, в той боли, которая навсегда оставляет свой след в душе человека.

Часть стихотворений Вахтанга Харчилава представляет собой вариацию распространенной в свое время в нашей поэзии эстетики смерти. Строки этих стихотворений проникнуты трагическими, возвышенными и острыми переживаниями. В них ощущается тяга к самоотречению, самоистязанию, мученичеству, свидетельствующая о душевной смуте и неустроенности.

Однако боль, нашедшая выражение, высказанная, перестает быть болью, личность освобождается от нее, преодолевает ее. Ее вытесняют другие переживания. Поэтому выражение, изображение есть одновременно и переход из одного состояния в другое, обретение душевного спокойствия, мира к самим собой.

Хоронят поэта, причитает над его телом ветер, эти причитания — как крики изгнанной из небес птицы, день болен, душа прикована к двери затхлои камеры, разлагаются мертвые леса, все вокруг источает смрад падали. Весна сменяется осенью, люди живут в опустелых домах, которые давно покинул дух предков, растрчено и прокучено даже будущее, постель превращается в смертный одр...

Но мрачные настроения постепенно исчезают из стихотворений Вахтанга Харчилава. Здоровая сила жизни берет верх, открывает путь монологу, размышлениям и раздумьям о реальности. Поэт не задается конкретными вопросами, не дает ответа на них. Он просто размышляет о безграничности бытия, о вечных человеческих страстях и устремлениях, о боли, мечте и измене, о любви и ненависти. Он рассуждает о чувствах на языке чувств. Истинные строки всегда написаны кровью. Кровь же эта — всегда душа, дыхание предков, соединяющее нас с сердцем земли, с безначальным временем, с погруженными во мрак тысячелетиями. Поэт мечтает, чтобы все это не кануло в небытие, поэтому слово становится для него Ноевым ковчегом.

Льет дождь в моем краю,  
И я, как Ной,  
Строю ковчег,  
Чтобы все, что видел я и знал,  
Спасти от вечной ночи  
И потопа...

Фраза поэта мужественна, сильна и остра. Он не стремится к ее ювелирной отделке, избегает эстетизации и нюансировки. Его в первую очередь привлекает энергия слова. Оно для него средство, позволяющее воплотить в явь мелькнувшие в сознании картины. И чем естественнее, чем жизненнее эти картины, тем больше воздействует на нас сила слова.



## ХРОНИКА

### **«МНОГОКНИЖНАЯ АМЕРИКА»**

В конце октября в Тбилиси открылась выставка «Многокнижная Америка». С образцами американской книжной продукции уже ознакомились жители Новосибирска и Минска.

Одновременно выставка «СССР: гласность и перестройка» демонстрируется в Вашингтоне, Бостоне и Лос-Анжелесе.

Обмен передвижными выставками между нашими стра-

нами происходит впервые и организован по инициативе Информационного агентства США (ЮСИА) и Госкомиздата СССР. Он стал возможен в результате подписания в 1985 году Общего соглашения об обмене в области культуры.

На выставке «Многокнижная Америка» представлена печатная продукция, рассказывающая о различных сторонах жизни страны. После ее закрытия книги будут переданы в дар Государственной республиканской библиотеке имени К. Маркса.



Михаил БУЯНОВ

## ПО СЛЕДАМ ДЮМА

Гуниб состоит как бы из трех частей: Нижнего, Среднего и Верхнего. Самые ожесточенные сражения шли на самом верху.

В Верхнем Гунибе сохранилось место, где произошло пленение Шамиля 25 августа 1859 года.

Поняв, что силы исчерпаны, сопротивление бесполезно (четыреста мюридов против сорока тысяч русских солдат!), почти все воины перебиты, и уступая настояниям сыновей, Шамиль продиктовал своему секретарю и зятю Абдурахману письмо к кавказскому наместнику А. И. Барятинскому, в котором просил отпустить его с семьей и близкими в Мекку.

Барятинский принял эти условия, Шамилю и его близким дали кучу подарков, создали почетные условия и 29 августа всех пленников препроводили в Темир-Хан-Шуру. Оттуда они поехали в Петербург, а затем в Калугу, которую Шамиль выбрал местом своего заточения. Фактически это и нельзя назвать заточением, ведь ему было разрешено жить в любых российских городах, кроме обеих столиц и Кавказа.

Барятинский сам следил за тем, чтобы отношение к Шамилю было самое почтительное, чтобы ему ни в чем не чинили препятствий. Но твердо стоял на своем, когда требования Шамиля противоречили законам России. Например, в услужении членов многочисленной его семьи была уйма невольников и невольниц, в основном украденных в армянских и грузинских

Окончание. Начало см. в №№ 9, 10.

селениях, то есть не взятых в плен, а по-разбойничьи сворованных. Когда Шамиль сдался, все его рабы были отпущены на свободу. А он потребовал компенсации за них: дескать, предав их, заработал бы деньги, а поскольку рабы разбежались, пусть наместник выплатит ему за них деньги. На это Барятинский ответил решительным отказом.

Шамяля повезли в Петербург и Кронштадт. Он впервые увидел, как велика и могуча страна, с которой четверть века воевал.

Сдавшись в плен, стал жить куда комфортабельнее, удобнее и почетнее, чем в бытность имамом. Царизм всю опекал его, опасаясь, что плохим отношением к нему можно спровоцировать народные массы Дагестана и Чечни на новое восстание.

Все это мне рассказали в Верхнем Гунибе местные жители.

Я бродил с ними по улице Шамяля, мимо проносились грузовые машины, на дверцах которых он был изображен. Яростно светило солнце, голубое небо казалось бесконечно мирным — будто и не было здесь кровавых схваток.

Во время недавнего землетрясения разрушилась братская могила апшеронцев, погибших при осаде Гуниба. Надгробный камень хранится в местной школе.

Когда я стал рассказывать своим спутникам о Дюма, те сокрушенно закачали головами:

— Нехорошо получилось. Ведь такой человек мог нас навестить, а мы даже не знали об этом. Ведь это он о нас писал — его мушкетеры такие же храбрые и благородные, как Шамиль. Не пил, не курил, был во всем неприхотлив — ну, совсем как Шамиль.

Мы подошли к годекану — месту, где собираются старики. Те были уже тут. Мои спутники передали им суть моего рассказа о Дюма. Аксакалы, торжественно неся свои могучие каракулевые папахи, повели меня в библиотеку. Но там не было книг Дюма на аварском (гунибцы — аварцы), как не было и на русском.

Библиотекарь виновато промолвила:

— Туристы растаскивают, их тут летом тучи. На самом верху — недалеко от беседки Шамяля — их турбаза «Орлиное гнездо».

Разговор опять пошел о событиях 1859 года. Жаль, что в нем не участвовал Дюма, очень жаль. Не получил он интересные сведения из первых рук.



В России Дюма должен был переварить и усвоить колоссальную новую информацию. Чтобы добиться этого, нужен хороший аппетит. Аппетит у него был ненасытный. Вот почему за рекордно короткий срок писатель создал книгу, над расшифровкой которой десятки ученых разных стран будут работать годами.

Вечером я вернулся в ветреную и мокрую Махачкалу и сел записывать события дня. Гуниб, Шамиль, Дюма — как все переплелось!

## ДЕРБЕНТ

Несколько дней Дюма добирался до Дербента. Он очень хотел побывать там. Еще бы! В этом городе еще совсем недавно жил Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797—1837) — писатель-декабрист, о котором Дюма отзывался с восхищением. Он видел в русском писателе образец литератора и человека. Любопытно, что Дюма именует Бестужева декабристом (и это в начале 1859 года!), хотя по мнению многих отечественных историков, это слово вошло в российский обиход лишь с 1860-61 годов.

После 14 декабря 1825 года Бестужева сослали в Якутию, оттуда перевели в Дербент, потом в Адлер. В одном из сражений с горцами он погиб.

В Дербенте все напоминало Александру Дюма об Александре Бестужеве.

Дербент — необыкновенно привлекательный город, расположенный в самом узком месте между горами и морем. Дюма описал его абсолютно точно, будто жил в нем долгие годы. И цитадель на вершине горы (Нарын-Кала), и идущие от старого города две городские параллельные стены, уходящие в море на два-три километра, и Кавказская стена, длиной в сорок километров — это и многое другое очень верно и полно отражено писателем.

Рядом с Нарын-Калой сохранился домик, где жил Марлинский.

Легенд о нем много. В том числе и та, о которой еще в 1879 году сообщал один тифлисский историк, будто Шамиль — это на самом деле скрывшийся Марлинский...

Конфликт с собой рождает разные виды творчества: конфликт с обществом, неминуемо соседствующий с конфликтом в душе, порождает революционные настроения. У писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского оба эти конфликта

А  
1959  
10000

были ярко выражены. В Дербенте они стали очень заметны. А в конфликте личности и тиранического государства первая никогда не победит. Ей остается одно: исчезнуть, как исчез под Адлером А. А. Бестужев-Марлинский.

В 1671 году население Дербента пополнилось одним невольником. Это был молодой голландец Янс Янссон Стрейс. Простой матрос, малообразованный, но любознательный и энергичный, завербовавшийся в далекую Московию строить суда. Выполнив контракт, он спустился до Астрахани, а там в это время началось восстание под руководством Степана Разина. Летом 1667 года Стрейс уплыл из Астрахани в Каспийское море. В селении Тарки его арестовали и продали в рабство. Почти четыре года странствовал по белому свету несчастный голландец и лишь в 1673 вернулся в Амстердам. Помог ему в этом польский посол в Персии, выкупивший Стрейса из рабства.

На родине он приступил к описанию своих приключений. В 1676 году его воспоминания вышли в Амстердаме, в 1681, 1682, 1684 годах был напечатан их перевод на французский язык. К началу XX столетия появилось не менее двадцати пяти изданий книги Стрейса.

На русском языке она в первый и последний раз появилась в 1935 году.

В свое время книга Янса Стрейса была такой же популярной, как и записки Марко Поло, но потом ее стали вспоминать все реже.

Поразительно здесь другое: А. Дюма — не историк и не географ-профессионал — знал об этой книге, такой редкой даже в середине XIX столетия. И если бы не он, мало кто в наши дни вспомнил бы неудачливого голландца, волей переменчивых судеб попавшего на Кавказ.

Долго бродил я по Дербенту. Этому городу около 2700 лет. Здесь создано одно из чудес мирового строительства — Кавказская стена, такая же замечательная, необыкновенная, так же поражающая воображение, но не знаменитая (мы о ней ничего не слышали), как Великая Китайская. Здесь бывал Дюма, навеки обессмертивший город своим описанием.

В Дербенте местные жители восторженно приветствовали автора «Трех мушкетеров». Это и не удивительно. Ведь в 1858 — 1859 годах (как и сейчас), он был одним из самых читаемых писателей мира, его имя было знакомо чуть ли не в самых заброшенных уголках земного шара.

Даже на далекой Чукотке примерно в те годы, когда Дю-



ма собирался в Россию (или вернулся из нее), горы назывались персонажами его произведений, о чем писатель <sup>наверняка</sup> не ведал.

В августе 1982 года я побывал на чукотском острове Аракамчечен, что на севере Берингова моря.

На мой вопрос — что там за горы вдали, — мой спутник, местный оленевод ответил:

— Это наши мушкетеры...

— Какие мушкетеры?

— Самые настоящие: те, что у Дюма.

Вернувшись в Москву, я засел за книги и вот что узнал.

В 1856 и в 1867 годах в этих местах были экспедиции американцев, составлявших карту Чукотки. Во главе этих картографических экспедиций стоял некто Джон Роджерс.

На Аракамчечене он услышал название одной горы — Афос. Местные жители не могли объяснить его происхождения. А поскольку оно напоминало по звучанию имя героя его любимого романа — Атоса, Роджерс назвал близлежащие горы именами остальных мушкетеров. Чукчи переименовали имена героев Дюма, и поэтому ныне названия этих гор звучат (и пишутся) — Афос, Авамис, Артагнан, Парфос.

В тех местах есть и еще название, связанное с произведением Дюма: один из притоков колымской речушки Тенге в 1931 году советские геологи назвали Атосом.

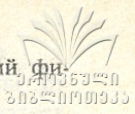
## ВУНДЕРКИНД ИЗ НУХИ

После Баку Дюма побывал в нескольких селениях. Потом прибыл в Нуху, с 1968 года именуемую городом Шеки. До 1819 года она была столицей Шекинского ханства, по сей день здесь сохранились караван-сарай, мечети и т. д. Все это видел Дюма. Но самая интересная его встреча там была не с памятниками старины.

В Нухе Дюма познакомился с двенадцатилетним Иваном Тархановым. Они подружились. Юный Иван поразил писателя умом, изяществом, чувством собственного достоинства, красотой.

Но существовал ли в природе такой человек? Может, Дюма все придумал, в чем его любят обвинять.

Впервые я столкнулся с биографией героя Дюма, когда студентом-медиком проходил физиологию. Чуть ли не на каждом занятии упоминалось имя академика Ивана Рамазовича Тарханова (Тархнишвили) (1846—1908) — выдающегося рус-



ского физиолога, учителя и воспитателя многих поколений, физиологов нашей страны.

Это и был тот самый мальчик...

И. Р. Тарханов родился в Тбилиси. Он был обладателем старинной грузинской фамилии, потомком знаменитого военного и государственного деятеля Грузии Георгия Саакадзе (1580—1629), фигурой противоречивой и сложной, как сложно и противоречиво было его время.

Георгия Саакадзе звали Диди Моурави (великий правитель), за военные заслуги он получил тарханство, то есть освобождение от податей. Его потомки стали именоваться князьями Тархан-Моурави.

Единственный сын старого служаки Рамаза Тархан-Моурави — Иван с раннего детства отличался выдающимися способностями, поражавшими всех, кто с ним сталкивался.

Естественно, такой вундеркинд не мог быть обречен на стандартную судьбу.

В 1863 году молодой человек был зачислен на физико-математический факультет Петербургского университета, через год его исключили за невнесение платы за слушанье лекций и с 1 сентября 1864 года Тарханов уже слушатель Петербургской медико-хирургической академии. Труды И. М. Сеченова стали настольной книгой студента-медика. Он окончил академию, в 1871 году защитил диссертацию на соискание степени доктора медицины и уже до конца своих дней занимался физиологией. Это был прогрессивный ученый, человек благородный и добрый, известный популяризатор науки.

Он был дружен со многими писателями и художниками. Особую главу составляют его отношения с И. Е. Репиным, дважды портретировавшим выдающегося ученого. Особенно ударились эти отношения после того, как в 1905 году овдовевший два года назад И. Р. Тарханов женился на художнице Елене Павловне Антокольской (1868—1932) — племяннице великого скульптора Марка Антокольского.

Академик Тарханов похоронен в петербургской Александро-Невской Лавре. Памятник на его могиле был создан при активном участии Е. П. Антокольской.

Внучка И. Р. Тарханова Бронислава Вилимовская — известный польский график и живописец. Она живет в Варшаве. Во время знаменитого Варшавского восстания была тяжело ранена, потеряла правую руку, уже после войны научилась писать левой. В 1984 году приезжала в Москву, где была организована ее персональная выставка.



Об Иване Тарханове можно было бы писать еще очень много, но это далеко бы увело от темы данного повествования. Остается лишь еще раз подивиться и порадоваться необыкновенной проницательности Дюма, заметившего поразительную одаренность будущего ученого в бытность его ребенком и так красочно описавшего его. Это еще одна иллюстрация к тезису о правдивости и мудрости великого писателя, еще одно посрамление его недругов.

## ТЕПЛЫЙ ГОРОД

**И** вот Дюма в Тифлисе (так именовался Тбилиси до 1936 года). Его заметки навсегда сохранили для потомков облик этого замечательного города, сыгравшего такую большую роль в истории отечественной культуры.

Думая о Тбилиси, вспоминаю роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов». В нем показан Тифлис — почти тех же времен, что и у Дюма. Город, куда можно бежать от любой беды, где тебя пригреют, не дадут в обиду, где ты будешь под защитой. Не зря поэты и прозаики — люди, как правило, очень обидчивые и ранимые, всегда тянулись к Тбилиси. Впрочем, это касается и всей Грузии, мушкетерски встающей на защиту непонятых и униженных современниками талантов.

У Евгения Евтушенко есть такие строки:

О Грузия, — нам слезы вытирая,  
Ты — русской музыки колыбель вторая.  
О Грузии забыв неосторожно,  
В России быть поэтом невозможно.

Долго можно перечислять русских поэтов и писателей, нашедших защиту и понимание в столице Грузии.

...Одним из выдающихся представителей кавказской интеллигенции был Адольф Петрович Берже (1828—1886). Сын французских дворян, эмигрировавших в Россию в 1805 году, он окончил восточный факультет Петербургского университета и с 1851 года жил в Тифлисе, работая чиновником в управлении кавказского наместника. Берже прославился как географ, археолог, историк, перечень его трудов очень велик. По словам драматурга А. Н. Островского, часто приезжавшего в Тифлис и хорошо знавшего Берже, тот был очень остроумным и доброжелательным человеком.

В период пребывания Дюма в Тифлисе, возможно, они и



341935340  
31251110330

встречались. И не исключено, что Берже снабжал писателя нужной ему информацией.

Много страниц в «Кавказе» отведено кавказскому наместнику. А. И. Бярятинский был личностью незаурядной. Самая отличительная его черта — помимо разнообразных талантов и добродетелей — благородство и чувство собственного достоинства, но не просто как любого человека, а как носителя древнейшей княжеской фамилии, одного из столпов российской государственности. Ярый англоман, Бярятинский уважал свободу других людей и никогда не проявлял злобы или равнодушия.

Бярятинскому принадлежит основная заслуга в окончании Кавказской войны. И тут он проявил не только полководческий талант. Например, запретил русским целиться в Шамиля. Когда тот сдался, подружился с ним, помогал ему. До конца своих дней Шамиль писал князю самые теплые письма.

В тот день, когда Бярятинский родился, на лестнице дома, где он жил, нашли его гороскоп, составленный неизвестным. В гороскопе отмечалось, что младенец в будущем прославится победами на Востоке и что он будет (и должен быть) великодушным к побежденным.

Как это часто бывает, на предсказания никто не обратил внимания. Более того, отец будущего фельдмаршала категорически запретил ему заниматься военной деятельностью. Но главное пророчество все-таки сбылось.

### ЗАГАДОЧНЫЙ КАЛИНО

**В** Тифлисе Дюма расстался с Калино. Они привыкли друг к другу, попрощались с грустью — обо всем этом красочно сообщено в «Кавказе».

Но кто такой Калино? Что мы знаем о нем?

С. Н. Дурьлин пишет, что Александр Калино был студентом физико-математического факультета Московского университета, что он родился в 1835 году и был прикомандирован ректором к Дюма в качестве переводчика. Вот и все.

Чтобы выяснить, кто такой Калино, я отправился в Центральный государственный исторический архив города Москвы, где находится архив Московского университета. С трепетом подъезжал к большому, недавно выстроенному зданию возле станции метро «Калужская».

И вот держу в руках старую папку. На ней слова «Дело



совета императорского Московского университета о принятии в число студентов Александра Калино».

«Дело» открывается заявлением Калино.

«Его превосходительству господину ректору императорского Московского университета от бывшего студента Московского университета Александра Калино.

Прошение

Родом я из купцов, уроженец Тульской губернии, Алексинского уезда, 21 лет, вероисповедание православное, воспитывался в Московском университете; ныне, желая поступить в число студентов Московского университета по юридическому факультету, покорнейше прошу Ваше превосходительство принять меня в студенты без экзамена... при сем честь имею представить следующие документы (далее перечень — М. Б.).

Июнь 1857. Жительство имею на Тверской в доме Бекова».

Были в «Деле» и другие документы, сопоставляя которые, можно следующим образом реконструировать жизнь спутника Дюма до его встречи с французским писателем.

Александр Иванович Калино родился 21 ноября 1835 года в селе Гурове Алексинского уезда Тульской области. Его мать дворянка Екатерина Ивановна Шрейдер. Неизвестно, в каком возрасте мальчик был взят на воспитание коллежским советником (согласно табели о рангах, установленной Петром Первым в 1722 году, это шестой класс из 14 возможных, то есть не очень низкий, но и не высокий) Иваном Карловичем Калино, уже имевшим дочь Надежду.

Когда Александра крестили, то восприемником были Иван Карлович Шрейдер (вероятно, отец Е. И. Шрейдер) и эта самая Надежда.

В 1854 году И. К. Калино переселился в Москву и был причислен к купцам второй гильдии.

В августе того же года А. Калино был зачислен на юридический факультет Московского университета, потом согласно собственному прошению уволен и с 24 сентября 1855 года до 31 декабря 1856 года служил унтер-офицером в Запасной дивизии (шестой пехотный полк), был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте. Затем до 31 января 1857 года числился в восьмом запасном батальоне лейб-пехотного Бородинского Его величества полка. В июне 1857 года вновь был зачислен на юридический факультет университета. Окончил его в 1862 году, проявив «отличные успехи и отличное поведение», получив степень кандидата Московского университета.



Никаких прошений о поездке с Дюма в личном деле Калино нет.

Итак, из сведений, приводимых С. Н. Дурылиным, верным оказалось лишь одно, а именно, что Калино родился в 1835 году.

Чем больше я работал в архиве, тем больше мне хотелось узнать о таинственном спутнике Дюма. Ведь все в его биографии непонятно. Кто его родители? Мать названа. А отец? Иван Карлович Калино — отец родной или приемный?

Отучившись год, Калино почему-то бросает университет, служит в армии, вновь становится студентом, отлично оканчивает его.

Что заставило Калино совершить такой резкий поворот в своей судьбе?

Сомнений нет: он был отдан в солдаты за что-то и примерной службой заслужил право вернуться в университет. Но за что его отправили в армию? Как сложилась судьба Калино после окончания университета? Где документы об откомандировании его в распоряжение Дюма, да и возможно ли такое откомандирование вообще? Университет не армия, тут без добровольного желания, подтвержденного собственноручным заявлением, просто так с занятий не отпустят.

Среди дипломных работ, рефератов, статей студентов, хранящихся в ЦГИАМ, никаких упоминаний о Калино нет. А ведь как отличник и будущий кандидат он должен был оставить хоть какую-то память о себе.

Куда делся Калино после окончания университета? Почему не оставил воспоминания о поездке с Дюма?

Короче говоря, вопросов больше, чем ответов.

Я поехал домой. Живу возле метро «Сокол», здесь прошло и мое детство. Недалеко от моего дома находилась церковь. Сейчас на ней висит доска, что это церковь Всех Святых, что она построена в 1735 году и как памятник архитектуры охраняется государством. Но в народе ее всегда звали грузинской. В праздники церковь принимала иной вид. Ее красили, чистили, заматали, украшали могилы. Забыл сказать, что вокруг нее было много могил, в основном старинных. Сейчас все могилы разрушили, а надгробья перевезли в другие места, от кладбища не осталось и следов. А в годы моего детства здесь было очень много могил, среди которых мы, мальчишки, любили играть.

Полный воспоминаний о детстве, я вышел из метро и вместо того, чтобы сразу же идти домой, отправился в цер-



ковь. Не успел войти в нее, как услышал разговор двух старушек: умер наш сосед.

Умер... Умер... Меня поразило как громом это слово. Умер... Да ведь умер Калино. Я же точно помню слово «умер» на его свидетельстве об окончании университета. Написано это слово размашисто, и сам документ перечеркнут крест-накрест карандашом. Умер. Конечно, умер.

И не заходя в церковь, повернул назад, вскочил в такси и помчался в архив. Благо, он еще работал. Все правильно: Калино умер, не успел получить свидетельство об окончании университета. Оно датировано 14 марта 1862 года. Значит, Калино умер примерно в этот период. Отчего, где похоронен, вообще кто он такой — все это я, наверное, никогда не узнаю. Но продолжал рыться в архивных документах и однажды натолкнулся на некоего Николая Калино.

«Наверное, братец моего Калино или однофамилец. Посмотрю на всякий случай», — подумал я и заказал личное дело этого нового Калино.

Было уже поздно. Усталый я отправился домой, договорившись с сотрудницей архива Марией Владимировной Журавлевой, что на днях приду. Пришел.

Мария Владимировна встретила так, будто ждала меня целый век.

— Нашелся ваш Николай, только уж очень запутанное дело у него, концы с концами не сходятся, — нетерпеливо сказала она и с жалостью посмотрела на меня.

Я окунулся в «Дело совета императорского Московского университета о принятии в число студентов Николая Калино».

Этот Калино подавал на физико-математический факультет, но был ли принят или нет, неясно. Непонятно, учился ли он далее, ежели был зачислен, и как сложилась его судьба. Именовался этот Николай купцом третьей гильдии. Родился 3 июля (или июня) 1839 года там же, где и Александр. Восприимниками при крещении названы дети Ивана Карловича Калино Владимир и Ольга, матерью — Е. И. Шрейдер. Самое интересное, что отчество у Николая не Иванович, как у всех детей И. К. Калино, а Владимирович. Вот тебе и на!

Посмотрел и оценки Н. В. Калино. Уж больно они были посредственные: одни тройки. Правда, по-французскому четыре, а по-немецкому — пять.

Вспоминалось, Дюма писал, что его переводчик хорошо знает немецкий, а о знании им французского как-то невысоко отзывался. Допустим, переводчик Дюма плохо знал француз-

ский, но ведь не на четверку! Он же перевел писателю массу сложных русских книг, а для этого нужно язык знать весьма хорошо.

Ни в документах канцелярии совета университета, ни в журналах заседаний юридического и физико-математического факультетов фамилия Калино не упоминалась. Что за невезенье!

Масло в огонь подбавила Мария Владимировна. Она спросила:

— А вы уверены, что именно Александр был переводчиком у Дюма?

Теперь уж я ни в чем не уверен. Дурыйлин писал, что переводчик Дюма родился в 1835 году (это А. Калино), что он студент физико-математического факультета (это Н. Калино). Сам же Дюма имя своего переводчика нигде не называет. Вот и разберись. Ни в личном деле Н. В. Калино, ни в личном деле А. И. Калино за 1857 год и за 1854 год, когда он впервые поступил в университет, нет никаких упоминаний о Дюма и о поездке с ним. Поэтому можно в одинаковой степени считать участником поездки и одного, и другого.

— Не расстраивайтесь, — утешала меня Мария Владимировна, — я здесь работаю много десятилетий и на многое насмотрелась. Ищут что-то да не находят, уже и руки опустили, а потом, глядь, и нашли. Случайно или нет — это другое дело. Главное искать.

— Будем, конечно, искать, но главное доказано: Калино — это не придуманный Дюма человек, а как звали его — не так уж важно.

Работая в ЦГАОРе, я поинтересовался, а не проходит ли в документах этого архива неуловимый Калино?

Подняли массу бумаг. Лишь один раз натолкнулся на Калино. Но не на того.

## ВТОРАЯ СТОЛИЦА ГРУЗИИ

Из Тифлиса Дюма направился в Кутаиси. Правда, выбрал он для этого самое неудобное время года — зиму, когда Грузия погружена в слякоть. Но такая погода недолго держится здесь. Наступает весна и тепло тянется до октября, ноября. Большинство приезжих бывает в Кутаиси летом да осенью, поэтому и впечатление у них иное.

Впрочем, Кутаиси хорош независимо от времени года. Это



второй после Тбилиси город Грузии — большой, красивый, экономически развитый.

Расположен он по обеим берегам Риони, через реку перекинуто шесть мостов, три из которых стояли здесь и во времена Дюма. При нем это был поселок ремесленников и небогатых купцов. В 1852 году, например, тут насчитывалось четыреста сорок домов, триста восемьдесят лавок и одиннадцать церквей.

В центре города виднеются руины храма Баграта, построенного в начале одиннадцатого столетия. Этот храм упоминает Дюма. Он пишет также и о посещении Гелатского монастыря, что в одиннадцати километрах от Кутаиси. Пишет правильно, хотя и кратко.

Время не пощадило храм, а сокровища давным-давно разворованы бесчисленными завоевателями и просто разбойниками.

В одном путеводителе начала XX столетия читаю: «При храме богатая ризница, хранящая древние облачения католиков, усыпанная драгоценными камнями царская корона Баграта, митра V века и др. В 1904 году монастырь был снова ограблен. В числе украденных вещей — историческое кольцо царя Давида с мощами, служившее ему государственной печатью. В кольцо свободно проходили два пальца взрослого человека (по преданию, царь Давид отличался громадным ростом и необычайной силой). Теперь монастырь охраняется четырьмя стражниками. Царь Давид, причисленный Иверской церковью к лику святых, покоится при Гелатском монастыре, но гробница его не реставрируется, помещается в развалинах часовни и совершенно заброшена. Гробницу царя прикрывает гранитная плита со следующей грузинской надписью: «Было время, когда семь королей бывали гостями моих пиров. Таково было мое могущество, что я прогнал персов, турок и арабов от моих границ, я рыбы одного моря пустил в другое, и я, столь могучий, лежу теперь со сложенными на груди руками». К сожалению, монахи не говорят по-русски.

Вид с монастыря вниз — дивно-красочный. Земля и виноградник, обработанный монахами, — образец порядка и ухода. Внизу белой змейкой прорезывается шоссе на Кутаис».

Сколько раз осаждали Грузию иноземцы! Дюма упоминает араба Мурвана Глухого, в VIII веке разорившего эти места под знаменем ислама, Ага Магомет-хана да еще нескольких завое-

вателей. А на самом деле их были сотни и все они терзали эту многострадальную землю, мучали ее народ.

Из Гелати Дюма возвратился в Кутаиси. Здесь он увидел много разнообразных достопримечательностей. Среди них остатки дворца имеретинских царей — Золотой шатер. В 1651 году сюда приехали послы русского царя Алексея Михайловича, чтобы установить добрые отношения между двумя государствами.

В центре города на улице Либкнехта расположено здание бывшей гимназии, построенной в 1840 году с помощью князя А. И. Гагарина. Здесь учились многие выдающиеся сыны Грузии — Акакий Церетели, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, выдающийся грузинский психолог Д. Н. Узнадзе и другие. Учеником этой гимназии был и Владимир Маяковский.

В январе 1985 года в «Литературной Грузии» меня познакомили с Колау Надирадзе, также воспитанником Кутаисской классической гимназии, учившимся в ней вместе с Маяковским.

Надирадзе — живая легенда, живая история, человек, который общался со всеми выдающимися представителями грузинской культуры XX столетия.

А вы, которых нет и впредь  
Мне больше не обнять руками,  
Для вас останется гореть  
Заплаканного сердца пламя.

Я вас не брошу вдалеке,  
Но захвачу в ряды азарта,  
Как зажимают в кулаке  
Кусок отбитого штандарта.

(Перевод Б. Пастернака).

Эти стихи написаны в 1929 году.

Незадолго до этой встречи я прочитал воспоминания К. Надирадзе «Для меня он навсегда остался Володей...» — о Маяковском, о кутаисской гимназии.

В Кутаиси жили основоположники современной грузинской музыки Захарий Палиашвили и Мелитон Баланчивадзе. Сыновья последнего — известный грузинский композитор Андрей Баланчивадзе и один из основоположников балета в США Джордж Баланчин — прославили современную Грузию.





**И**з Кутаиси Дюма поплыл в Поти (бывший Фазис). Сейчас пойма Риони резко изменилась: осушены заболоченные места, а вместе с ними ушли малярия и другие заразные болезни.

Кстати, пойма этой реки прославилась и в истории медицины. В древние времена, если человек заболел безумием, его отправляли в Колхиду. Тут он почти наверняка заразился тяжелой малярией, которая излечивала его от душевной болезни. Врачи заметили эту закономерность и с начала XX столетия стали прививать психически тяжело больным малярию. Благодаря этому (и другим, конечно, методам лечения) в наши дни ликвидированы многие психические расстройства.

По этим мингрельским лесам и болотам бродил Дата Туташхиа — грузинский рыцарь, символ грузинского национального характера, литературный герой, порождение замечательного таланта Чабуа Амирэджиби.

В семидесятых годах литература XX столетия обогатилась несравненным романом Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа», потом в 1977 году по нему был поставлен семисерийный телевизионный фильм «Берега». Когда этот сериал демонстрировался в Грузии, семь вечеров улицы были пустынными..

Дата — это мушкетер, но не повторение героев Дюма, а воплощение сугубо грузинского облика и грузинской души.

Человек, который не может вынести, чтобы один тиранил другого, который не только не может допустить удары по себе, но и удары по совершенно незнакомым людям, человек действия, а не пассивной рефлексии, который постоянно думает о своем месте в мире и о том, как прожить жизнь в ладу со своей совестью — вот что такое Дата Туташхиа.

В этом смысле куда до него мушкетерам Дюма! Но если б не было мушкетеров и графа Монте-Кристо, если б не продолжил и не развил Дюма традицию показа смелых и мужественных людей, активно борющихся за свои идеалы и любящих преодолевать опасность, может, не появился бы и Дата.

В сентябре 1984 года на Тбилисской студии научно-популярных и документальных фильмов, которой руководит Чабуа Амирэджиби, у меня с ним шла беседа о создании фильма о Дюма. Потом разговор перешел на необходимость по-новому взглянуть на творчество этого писателя и затем как-то незаметно героем нашей беседы стал Дата.

— Вы, я чувствую, тянете ниточку от героев Дюма к Дате, — сказал Амирэджиби.



— Я вижу эту связь закономерностей. Но похожесть не тождество, на каждом витке исторической спирали в соответствующих национальных условиях одна и та же тема может получить совсем неожиданное решение. Герои Дюма, полные отваги, неприятия несправедливости и т. д., так или иначе будут иметь много общего с персонажами аналогичного плана, но появившимися в иную историческую эпоху.

— Мне, честно говоря, сравнение героев Дюма с Туташиа не приходило в голову, хотя я и чувствовал, что что-то общее тут есть.

— Похожее, но не одно и то же. Герои Дюма вдохновлялись иными импульсами: ущемленное самолюбие, стремление победить соперника, преодолеть клевету и непонимание... Они прекрасные люди, но далекие от большинства социальных вопросов, от проблем осознания своего места в мире. Что сделать, чтобы преодолеть социальное неравенство индивидов, кто виноват в страданиях невинных людей, как жить в этом суровом мире — эти вопросы мало беспокоят героев Дюма...

— Да и всю западную литературу XIX столетия.

— Вероятно, вы правы. Я бы сказал, что ни одна национальная литература XIX века не была так занята проблемами коллективной и индивидуальной справедливости, как русская.

Корить тут Дюма не стоит: его творчество развивалось в русле французской литературы, а не русской или грузинской. Измерять его значение нужно, только исходя из законов конкретной среды и эпохи. Но как бы там ни было, Дюма один из самых оптимистичных писателей мира. Помните, как кончается «Граф Монте-Кристо»?

— Словами «ждать и надеяться».

— В этом пафос и вашего романа. Только не просто ждать, а каждодневно бороться за это.

Лицо Амирэджиби осветилось смущенной улыбкой. Чабуа поинтересовался:

— Отчего вы — ученый-медик — стали заниматься Дюма?

— Все было очень просто. Много лет назад, собирая материал для книги по истории медицины, я натолкнулся на фамилию Фариа.

Где-то уже приходилось слышать ее, — пронеслось в голове, — только где? Вспомнил: в «Графе Монте-Кристо». Но ведь то Дюма — фантазер, развлекатель... Наверное, это однофамильцы. Нет, никакие не однофамильцы. Дюма все описал верно. После этого я стал смотреть на этого писателя ины-



ми глазами. Начал изучать его. Появились мои публикации о нем...

УДК 82.09  
82.09.01.01

## КОНЕЦ ПУТИ

Дюма говорит и о Верхней Сванети — северо-западной части Грузии, что у самого южного склона главного Кавказского хребта. Есть еще и Нижняя Сванети — та, что лежит в бассейне реки Цхенисцкали, где горы пониже.

Сваны — особая ветвь грузин. Живут они высоко в горах, у них своя неповторимая культура и обычаи. Гордый и мужественный народ, сваны создали фольклор, отражающий их обособленную от мира жизнь.

Когда я был в Сванети, меня поразила сванская поговорка: «Плохая дорога это та, с которой путник обязательно свалится и тело его уже никто не найдет. Хорошая дорога та, с которой путник может упасть, но труп его все-таки можно найти и похоронить. А прекрасная дорога та, с которой путник может и не упасть».

Дюма очень торопился домой и поэтому не побывал в Сванети. А жаль: это ведь особый мир, с которым ему не приходилось сталкиваться, разве только с чем-то похожим в Дагестане.

Он любил Францию, любил Париж. Очень-очень скучал по ним. Но еще больше по своему письменному столу, по любимой бумаге, по перу — скучал по работе. Правда, и в Грузии, и на французском пароходе «Сюлли», на котором плыл домой, усиленно работал, но одно дело работать дома, а другое — в чужом месте. Дома и стены помогают.

Кончилось путешествие по Кавказу, но не кончались страдания по белу свету.

Через несколько лет Дюма отправился к Гарибальди, чтобы принять непосредственное участие в освобождении Италии. Там проявится его кипучий темперамент.

Но человек не вечный двигатель, рано или поздно он безнадежно изнашивается. И особенно такой труженик, как Дюма, который всю жизнь работал подобно титану.

Кровоизлияние в мозг, смерть в самом конце 1870 года. Потом бессмертие.

Дюма похоронен в малюсеньком городке Виллер-Котре, где шестьдесят восемь лет назад он родился. Ныне мало кто знает об этом городке. Видимо, оттого, что истинное величие писателя еще не понято до конца.

Недоброжелатели Дюма не устают говорить о заимствованиях, которыми, мол, сплошь и рядом изобилуют его книги.



Но что такое заимствования? Лев Толстой, например, не мог участвовать в Бородинском сражении. Чтобы воссоздать на бумаге эту битву, он перечитал горы соответствующей литературы. Об одной битве писали тысячи людей, каждый создавал свою версию, но понадобился гений Толстого, чтобы дать самое совершенное ее описание. Заимствовал ли Толстой информацию у других? Да, и это естественно. Был ли он компилятором? Только постановка такого вопроса кощунственна...

Ну, а Дюма? Что он заимствовал в том же «Кавказе»? Им приведены большие куски из книг Марлинского, одна глава «Кавказа» так и называется «Цитаты» — в ней помещены осуществленные А. Дюма переводы стихотворений М. Ю. Лермонтова (Дюма был одним из самых первых европейцев, переведивших этого великого русского поэта, которого он ставил высоко — об этом, кстати, не должны забывать любители говорить пошлости о французском романисте), цитируются исторические источники, сообщения современников.

Можно ли назвать это заимствованием?

Кстати, когда Дюма своими словами излагал какой-либо документ или рассказ историка либо литератора, у него это получалось куда увлекательнее, чем в первоисточнике. Дело ведь в таланте, а у Дюма он был необозримым. Он создавал свои книги, как правило, без черновиков, так как не имел времени их править, писал сразу начисто. И это было уникальное свойство!

Калино не мог быть соавтором «Кавказа», Муане — тем более. Иными словами, Дюма создал «Кавказ» сам. Как и другие свои книги. Ну, а то, что Калино ему переводил необходимые источники... Очень многие на земле пользуются такой помощью.

В 1836 году в первом томе «Современника» было напечатано пушкинское «Путешествие в Арзрум». Пушкин побывал в Закавказье в 1829 году и подробно описал свою поездку.

Сравнивая «Путешествие в Арзрум» и «Кавказ», находишь в них много одинаковых наблюдений и выводов, характеристик и деталей. Оба писателя видели одни и те же явления и описывали одинаково или почти одинаково.

В России все поверяется Пушкиным. Он эталон писательского вкуса и честности. Чем ближе к Пушкину, тем ближе к правде, «Кавказ» — это сама правда, изложенная французским писателем.

Дюма поражает не только огромностью жизнеутверждающего своего таланта, но и единством собственного поведения и



творчества. Создатель трилогии о мушкетерах в своей личной жизни был схож со своими персонажами. Дюма-человека можно обвинить в чем угодно, только не в сварливости, нелюбви к людям, скаредности и прочих свойствах, отдаляющих человека от его идеала. Очень просто поучать все человечество. Куда сложнее переделать самого себя, превратиться в достойного человека. К сожалению, в мире такие гармоничные натуры редки, поэтому можно и в этом смысле говорить о феномене Дюма.

«Дюма никогда не отличался точностью, однако его рассказы по возвращении из России превзошли приключения Монте-Кристо. Хорошо выдумывать тому, кто прибыл издалека. Впрочем, какое это имеет значение? Слушатели были зачарованы. Он так увлекательно рассказывал, с таким пылом и такой убежденностью, что все верили, и прежде других — сам рассказчик», — так подытоживает Андре Моруа главу о поездке Дюма в Россию.

Подытожим и мы свои разыскания.

«Кавказ» — произведение замечательное и редкое даже в наши дни по документальности и скрупулезности автора в описании виденного и слышанного, сочетающее в себе на равных художественность и точность.

Оно полностью опровергает представление о Дюма, изложенное выше. Что рассказывал он своим парижским слушателям, мы не знаем (как, кстати, не знал это и Моруа) и, видно, никогда не узнаем. Но перед нами книга его. И по ней мы можем судить как об авторе, так и о его рассказах.

В отличие от большинства классиков, которых часто с почтением упоминают, но мало читают, Дюма читают все или почти все — и те, кто его любит, и те, кто не любит.

И сейчас, когда миллионы детективов захлестнули киноэкран и книжный рынок, когда, казалось бы, уже трудно кого-либо чем-то удивить, невольно испытываешь желание взять в руки «Трех мушкетеров» (читанных-перечитанных).

И берешь их.

Конечно, Дюма не Чехов, так же как Шекспир не Толстой или Сервантес.

Дюма — это Дюма.

Единственный.

Неповторимый.

Загадочный.

Великолепный.

И принимать его надо таким, каким он является, то есть таким, каким предстает перед нами со страниц созданных им книг.

И со страниц «Кавказа».



Михаил ГОГОБЕРИДЗЕ

## След остается на воде

Сегодня ни для кого не секрет, что качество воды у берегов Черного моря, возможность ее использования для купания связаны со здоровьем и безопасностью людей. Поэтому изучение насущных проблем требует комплексного, научно обоснованного подхода.

Если соответствующие практические мероприятия в этом направлении не будут приняты своевременно, уже в ближайшее время опустеют черноморские санатории, дома отдыха и туристические базы. В результате лечение и обслуживание миллионов людей в условиях морского климата, превратившиеся в особую отрасль курортной и туристической индустрии, постепенно потеряют свои функции. Кроме того (и это самое главное), не исключено, что за какие-нибудь десятки лет Черное море окажется в такой же опасности, как и Средиземное. Кстати, океанографы предсказывают, что эта колыбель многих цивилизаций скоро потеряет право называться «Большим синим морем» и через два десятилетия превратится в большой мертвый водоем.

Морская экосистема, как и любая иная, — сложный природный комплекс, созданный живыми организмами и средой их обитания, находящимися во взаимосвязи путем обмена веществ и энергии. Она способна не только переносить периодические тяжелые или острые антропогенные нагрузки, но и довольно хорошо регенерироваться. Хотя постоянные и продолжительные разрушительные воздействия могут вызвать необратимые негативные результаты. Именно благодаря способности к самосохранению морская экосистема и дошла до наших дней.



Однако технический прогресс постепенно формировал у человека некое «завоевательное» отношение к природе, как бы временно освобождая его от подчинения ее законам, что выразилось в пренебрежении к взаимосвязям в экосистемах. И тогда началось интенсивное воздействие на морскую экосистему по принципу «природа все выдержит и всегда выстоит». Правда, в настоящее время для хозяйственно-питьевых и культурно-бытовых водоемов утвержден предел допустимых концентраций загрязняющих веществ до 1000 наименований, а для рыбохозяйственных водоемов — более 450. В море поступают и такие нетрадиционные загрязняющие вещества, о которых человечество еще несколько лет назад даже не имело представления. К ним относятся новые соединения нефтепродуктов, поверхностно активные вещества, пестициды, тяжелые металлы, хлор-азот-фенолсодержащие соединения и другие, образованные вследствие химизации почти всех отраслей народного хозяйства и развития промышленности. Так большинство этих веществ в совокупности свойств и реакции мало или же вовсе не изучено, их попадание в море представляет потенциальную опасность как для морской фауны и флоры, так и для здоровья людей.

Специалистам понадобилось целых 15 лет, чтобы установить причину той страшной болезни, жертвой которой стали жители одного из прибрежных населенных пунктов Японии — Минамата. В частности, в декабре 1953 года жители Юдо, одного из районов этого городка, стали свидетелями странных явлений. Огромное количество кошек, собак и даже птиц умирало на улицах в страшных конвульсиях, а через несколько недель и люди стали жертвами неведомого недуга, в результате которого погибло несколько десятков человек.

Так как заболевание оказалось генетическим, в Минамате и по сей день рождаются физически и умственно неполноценные дети, у которых нарушена центральная нервная система. По последним данным, число больных достигло 602, из них 79 уже скончались. Болезнь, именуемую «промышленной Хиросимой», окрестили и другим названием — «болезнь Минамата». Этим термином в медицине обозначают отравление людей промышленными отходами.

При рассмотрении различных аспектов загрязнения моря, особое внимание следует уделить попаданию в него через реки с расположенных на водосборной территории сельскохозяйственных угодий неорганических веществ — удобрений (фосфата, азота и т. д.), преимущественно пестицидов, которые, как уста-



новлено исследованиями, составляют около 30 процентов калия, 20 — азота, 2,5 — фосфора и т. д. В последнее время применение некоторых видов пестицидов постепенно ограничивается (ныне в мире ежегодно рассеивается на полях 4 миллиона тонн), но след недавнего массового применения удобрения проявляется еще сегодня и не так скоро исчезнет.

Возьмем хотя бы историю ДДТ. В свое время его создателю П. Мюллеру была присвоена Нобелевская премия, так как благодаря этому препарату спасено множество людей от малярии, желтой лихорадки и эпидемии тифа. Но дальнейшие результаты оказались горестными. И хотя препарат ДДТ во всем мире уже несколько лет изъят из пользования, его воздействие вследствие очень большой кумуляционной способности продолжается в течение долгого времени, и на сей день он обнаружен в различных зонах Балтийского, Северного и Ирландского морей, а также у берегов Англии, Исландии, Португалии и других стран.

Нельзя не отметить, что современные пестициды, несмотря на их систематическое усовершенствование, оказывают негативное воздействие на существующие в водоемах живые организмы, поскольку снижают темп роста животных и препятствуют их размножению. Подсчитано, что ежегодно со стоками рек в моря и океаны попадает около 25 процентов общего количества этих препаратов, расходуемых на суше. В целом отрицательное влияние большинства пестицидов все еще не изучено фундаментально. Между тем в настоящее время установлено более 6 миллионов химических соединений, причем около 6 тысяч новых еженедельно синтезируются человеком, либо экстрагируются в огромных концентрациях. Доказано, что более 17 тысяч из них, употребляемых в практике, могут вызвать раковые заболевания у людей и животных.

Вредные химические вещества поступают в море не только с сельскохозяйственных угодий, но и с целого ряда промышленных предприятий. К примеру, при заготовке 1,5 тонн бумаги выделяется 300 тонн химических остатков.

Необходимо обратить внимание еще на один важный момент. Существующая теперь методика взятия проб воды и их анализа все еще не совершенна и не дает реальной картины загрязнения водоемов. Да и определить, какое воздействие и в течение какого времени может оказывать загрязнение воды не только на флору и фауну водоема, но и на здоровье людей, — трудно. Сегодня уже не секрет, что концентрация того и иного вредного вещества, обладающего способностью кумуля-



ции и миграции в водоемах и реках, может оказаться меньше его предельно допустимого значения, но в планктоне того же водоема она в 2000 раз больше нормативного, в мясе — в 40000, в рыбах — в 150000, а в яичном желтке водной птицы — в 1500000 раз. Вообще поступившие в водоем промышленные отходы аккумулируются в донных наносах, водорослях, рыбе, попадают в овощи, молоко, птицу, мелкий и крупнорогатый скот и т. д. и путем пищевых цепей переходят в человеческий организм, вызывая разнообразные, в том числе и генетические заболевания.

В Грузинском политехническом институте имени В. И. Ленина на кафедре водоснабжения и канализации разработана методология, которая дает возможность проанализировать, в каком количестве и в течение какого времени накапливается то или иное вредное вещество в любом звене пищевой цепи. Работа в этом направлении продолжается. Таким образом, как видно из вышеизложенного, установление реального качества состояния загрязнения водоемов и определение степени полученных негативных результатов — весьма сложная задача. Поспешные и научно не обоснованные выводы относительно загрязнения Черного моря могут повлечь драматические последствия.

В этой связи представляется насущным рассмотреть некоторые вопросы, входящие в нашу компетенцию.

Черное море объединяет многие страны с различным социальным строем и культурой природопользования. Загрязнение его, как и любого другого водоема, в основном происходит посредством атмосферных осадков, промышленных отходов, речных и бытовых сточных вод, морского транспорта в ходе различной хозяйственной деятельности, что вызвано добычей природных ресурсов с морского дна и т. д. В таком загрязнении практически участвуют все страны, расположенные вокруг моря и, естественно, в том числе наша республика. Так как указанная проблема является глобальной, с целью защиты Черного моря от загрязнения приняты международные соглашения и конвенции, а также ряд союзных и республиканских постановлений. На основании известного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 января 1976 года, касающегося защиты бассейнов Черного и Каспийского морей, в Грузии проводятся различные практические мероприятия, однако положение у берегов Черного моря и на его территории не улучшается.

Оно отделено от Мирового океана, его водообмен со



Средиземным морем незначителен. С биологической точки зрения, Черное море, объем которого довольно велик (413488 кубических километров, средняя длина 1271 метр), легко уязвимо, ибо верхние слои воды от нижних изолированы и полный водообмен происходит один раз в несколько десятилетий. Насыщение кислородом его вод происходит только через контакт с атмосферой, поэтому ясно, что жизнь существует только в этих верхних слоях. А так как пресная вода, поступающая в него через реки, характеризуется по сравнению с морской малым удельным весом, она скапливается в верхних слоях, в силу чего качество речной воды в значительной степени обуславливает загрязнение Черного моря.

Основная причина загрязнения рек Черноморского бассейна, как и обычно поверхностных вод, — сброс в водоемы неочищенных или недостаточно очищенных сточных вод промышленными предприятиями, коммунальным и сельским хозяйством, самовосстановление качества воды в реках постепенно уменьшается, так как ввиду увеличения безвозвратного водопотребления (в 1980 году оно составляло в промышленности примерно 8 процентов, коммунальном хозяйстве — 15, в сельском хозяйстве — 59) ежегодно сокращается среднегодовой сток рек. Самоочищение рек дополнительно затрудняется и тем обстоятельством, что для обезвреживания даже после основной биологической очистки сточные воды из современных промпредприятий необходимо разбавлять чистой водой в большом количестве. Так, для стоков производства полиэтилена или полистирола кратность разбавления составляет 1:29, для синтетических волокон — 1:185, не говоря о нефтепродуктах, которые вообще достигают астрономических значений.

Уместно напомнить, что в ГПИ имени В. И. Ленина разработана «эколого-прогностическая модель для выбора стратегии охраны и эффективного использования возобновляемых водных ресурсов», которая может быть использована как для локального, так и регионального, а также глобального прогнозирования возобновляемых водных ресурсов. Кстати, такой прогноз был проведен для возобновляемых водных ресурсов Грузинской ССР и Советского Союза в целом. В результате выяснилось, что водные ресурсы в нашей республике будут экологически исчерпаны к 1990 году, а в СССР к 2000—2010. Это значит, что мы будем иметь воду в реках, но из-за большой загрязненности она практически потеряет способность приема и поглощения дополнительных загрязнений.

Из запроектированных очистных сооружений для 11 горо-



дов, расположенных на побережье Черного моря в пределах Грузии, в настоящее время в эксплуатацию введены 8. При этом предусмотренный проектом метод полной биологической очистки применяется лишь в Батуми, и то не полностью. Общая проектная производительность действующих очистных сооружений составляет 290000 кубических метров в сутки, а фактическая на 55 процентов меньше.

Что касается городов у берегов рек Черноморского бассейна, то очистные сооружения имеют только 9. Их проектная производительность — 250000 м<sup>3</sup>/сутки, фактически же меньше на 36 процентов. Помимо того, предусмотренный проектом метод механической очистки не может обеспечить необходимую степень очистки. Режим работы очистных сооружений с неполной нагрузкой на сегодняшний день в основном обусловлен отсутствием канализационных сетей и в ряде случаев главного отводящего коллектора на территории населенных пунктов.

Поскольку в отмеченных городах преимущественно имеется объединенная система канализации и для очистки промышленных сточных вод нет локальных очистных сооружений, промышленные стоки с бытовыми сточными водами без какой-либо очистки непосредственно подаются в очистные станции, что отрицательно сказывается на их эффективности. Низкая степень очистки сточных вод обусловлена и отсутствием современных устройств систем управления, регулирования и автоматизации, а также низкой квалификацией обслуживающего персонала (только 10 процентов из них — специалисты указанной отрасли).

В настоящее время очистные сооружения построены всего для 25 городов, в стадии проектирования находятся очистные сооружения и канализационные сети для 6, в 4-х ведутся работы по расширению и реконструкции, а для 12 проекты вообще не составлены.

Очень плохо обстоит дело с эксплуатацией ведомственных очистных сооружений сточных вод. По неполным данным, стоимость ведомственных очистных сооружений, абсолютно не пригодных к эксплуатации, в целом по республике превышает 5—6 миллионов рублей и, наверное, нет необходимости доказывать, насколько сложно городской канализации принимать стоки, содержащие большое количество вредных веществ.

Особо нужно выделить то обстоятельство, что большинство больниц не имеет очистных сооружений, а если имеет, то они бездействуют. Имеющиеся же 577 самостоятельных вы-



пусков еще больше загрязняют и без того загрязненные водоемы.

В результате вблизи городов, расположенных на побережье Черного моря, в последнее время появляются патогенные виды бактерий, возбудителей желудочно-кишечных и других заболеваний, это следствие выпуска в море бытовых сточных вод без предварительной биологической очистки. Бытовые сбросы опасны не только тем, что являются фактором передачи некоторых болезней человека, но и содержанием значительного количества кислородопоглощающих веществ. А кислород поддерживает не только жизнь в море, но и служит необходимым элементом разложения органических веществ, поступающих в водную среду.

На качество воды в реках отрицательно влияет и устройство гидроэнергетических объектов (больших водохранилищ). По идее, повышения их ассимилирующей способности можно достичь путем увеличения санитарного и меженного расхода посредством попусков из водохранилищ, опираясь на предположку существования якобы положительной корреляции между количеством и качеством воды. Однако регулирующие попуски из водохранилищ не всегда приводят к улучшению качества воды в реках. Сказываясь положительно на снижении концентрации консервативных веществ (например, хлоридов), попуски приводят к взмучиванию и ухудшению осадения наносов вниз по течению реки и не уменьшают концентрации тех соединений, которые отрицательно сказываются на трофических отношениях биоты (ртуть, ДДТ) и, наконец, могут привести к прямо противоположным последствиям.

Попуски из водохранилищ, осуществляемые из донных выпусков, то есть из нижних слоев водоема (анаэробных зон), вызывают в нижнем бьефе — по течению в реке дефицит растворенного кислорода, который имеет место и тогда, когда сброс воды происходит с помощью поверхностных водосбросов. Происходит это по той причине, что температура воды поверхностных слоев водохранилища гораздо больше, чем в нижнем бьефе. Хотя и в этом случае в сбросном потоке наблюдается аэрация. Но ее эффект в большинстве случаев меньше, чем определяемый градиентами температур воды в водохранилище и в нижнем бьефе.

Качество воды в реках ухудшается и под влиянием тех водохранилищ, в которых практически уже произошло заиление и наблюдается появление несметного количества водорослей — так называемое «цветение» воды (или старение водоемов). Де-



но в том, что планктон становится более обильным в тех местах, где течение замедляется и проточная вода превращается в стоячую.

Пропуск же воды через турбоагрегаты приводит к гибели фитопланктона, принимающего активное участие в самоочищении рек, что, в свою очередь, в нижнем бьефе также увеличивает дефицит растворенного кислорода.

Итак, как видим, строительство гидроэлектростанций и водохранилищ, которые, казалось бы, хоть в нижнем бьефе не должны влиять на качество речной воды, на самом деле ухудшают его.

В последние годы среднегодовой сток рек Черноморского бассейна в нашей республике, как и вообще в других хозяйственно развитых регионах, по мере роста безвозвратных изъятий из него (забор воды на ирригацию, рост промышленного и коммунально-бытового водоснабжения на территории водосборной площади и за ее пределами, испарение с поверхности устроенных водохранилищ и т. д.), как отмечалось выше, заметно уменьшился. С устройством больших водохранилищ на реках сокращается и поступление твердых наносов на границе река—море. А с уменьшением речного и твердого стока произошло ослабление геохимической барьерной функции в устьевых областях рек (дельта, эстуарий), что усиливает проникновение морской воды все дальше в сторону реки и активизирует подпорные явления со стороны моря. В итоге все меньше становится проточность воды в устье и почти полностью прекращается самоочищение, ухудшается качество воды взморья за счет местных и доставленных рекой загрязнений. Таким образом, динамичность связей в цепи: река—устьевая зона—устьевой барьер—взморье—открытое море, формирующаяся на суше экономическим и социальным развитием общества, за последние годы изменилась к худшему.

Для поддержания жизни в Черном море большое значение имеет планктон—первое звено той большой цепи, с которой начинается превращение неорганических веществ в органические. Не менее важны моллюски и разные организмы для фильтрации морской воды. Установлено, что на одном квадратном метре прибрежной полосы, тесно населенном мидиями, в течение суток фильтруется 200 м<sup>3</sup> морской воды. За послевоенные годы на загрязнении Черного моря не в малой степени сказались добыча «дешевого» морского балласта с прибрежной полосы для строительства городов, курортов, железной дороги, автомагистралей и т. д., приведшая к повреждению



моллюсков и морских организмов. Устройство различных морских гидротехнических сооружений (бетонных ограждений, волнорезов, бунов и т. д.), интенсивно ведущееся в течение нескольких десятков лет на побережье Черного моря, общей протяженностью в несколько сотен километров также нанесло вред как планктону, так и моллюскам и другим морским организмам. Строительство отмеченных гидротехнических сооружений сейчас почти прекращено. Защита морских берегов осуществляется ныне иным методом — искусственного внесения инертного материала для образования пляжей. Но и он интенсивно оказывает вредное воздействие на обитаемых в прибрежной полосе моллюсков и других организмов, являющихся природными очистителями морской воды.

Загрязнению моря в окрестностях Батуми также способствует добыча инертного материала в соответствии с указанным методом из русла реки Чорохи, искусственно разрушающая веками сформированный геофизический и геохимический барьер-фильтр. Вообще, как показывают исследования, устройство насыпных пляжей в качестве защитных дамб нарушает природную циркуляцию, смешивание прибрежных вод и соответственно обогащение кислородом. И спуск загрязненных сточных вод в такой замкнутой зоне приводит к обогащению воды биогенными элементами. Рано или поздно органические вещества истощают биологические возможности самоочищения среды, и тут уж приходится говорить о дистрофии морской воды, о нарушении биологического равновесия системы. Дистрофия же обуславливает регрессию биоценозов и развитие лишь немногих видов. В такой ситуации, как правило, налицо два явления, часто взаимосвязанных. Это — бурное развитие динофлагеллята с образованием «красной воды» (явления, губящего фауну, в том числе зоопланктон) и размножение анаэробных бактерий, вырабатывающих токсичный сероводород. Вследствие первого процесса образуется излишек органических веществ, порождающий дефицит кислорода, а это в свою очередь ускоряет второй процесс.

Конечно, мы не можем утверждать, что названные процессы уже идут или на подходе на побережье Черного моря, но, что связанные с ними вопросы требуют особого внимания и фундаментального изучения — это бесспорно.

Также без соответствующего специального комплексного исследования невозможно определить степень загрязнения морской воды. Но о том, что в нашей республике прибрежная полоса находится в опасности, свидетельствует наблюдающийся



рост слоя сероводорода и образование отдельных «пиков». Кстати, как показали проведенные недавно в Болгарии фундаментальные исследования, несмотря на антропогенные нагрузки прибрежная полоса там гораздо чище, чем на других известных курортах Черного моря.

В связи с этим остановимся на одной, на наш взгляд, не лишней здорового смысла гипотезе. В частности, не исключено, что на увеличение количества сероводорода в Черном море в пределах территории Грузинской ССР в определенной мере повлиял метод осушения колхидских болот путем дренирования. После этого богатые сероводородом болотные воды уже в течение нескольких десятков лет проникают в него. На одном гектаре болота глубиной в 3 метра сосредоточены 4900 килограммов азота, 1225 килограммов кальция, 525 килограммов магния, 200 — фосфора, 350 калия и т. д. В результате нарушения равновесия болота вместе с дренированными водами они попадают в море.

Как уже говорилось, в море с суши поступают химические соединения. Тут уместно привести известный факт, анализ которого даст представление о том, каким химически загрязненным может быть Черное море в пределах нашей республики. Исследованиями установлено, что река Рейн ежедневно выносит на территорию Голландии 31800 тонн хлоридов, 14000 — сульфатов, 9700 — кальция, 3443 — магния, 2000 — нитратов и т. д., или почти полтора килограмма химических остатков на каждую тысячу литров воды.

Черное море загрязняется не меньше нефтепродуктами. Тонна нефти образует тонкую пленку почти на 10 квадратных километров. Известно, что нефть и нефтепродукты уничтожают многие живые организмы и все звенья биологической цепи. Слой нефти на поверхности моря подвергается само- и бактериальному окислению. В море литр воды содержит примерно 1000—2000 бактерий. Так как нефть, являющаяся для бактерий продуктом питания, приводит к их размножению в геометрической прогрессии, с такой же скоростью до 2 граммов на 1 квадратный метр водной поверхности в день (при температуре воды 20°C) они ее и поглощают (окисляют). Однако при этом истощается растворенный кислород, и на полное окисление литра нефти требуются запасы кислорода, растворенного в 400 тысячах литров морской воды.

Нефтяная пленка на поверхности моря нарушает обмен энергии, тепла, влаги и газов между морем и атмосферой. Иными словами, влияет на физико-химические и гидробио-



логические процессы. Она не пропускает в воду солнечные лучи, отчего уменьшается обновление кислорода, ведущее к прекращению размножения планктона (при концентрации нефтепродуктов 0,05—0,5 мг/л), первичная продукция фитопланктона, являющегося основным продуктом для обитателей моря, сокращается на 50 процентов.

В 5—10 сантиметрах верхнего слоя морской воды обитает объединение разных видов организмов, именуемых нейстонами. Тут же и мальки разных пород рыб, которые вместе с другими беспозвоночными животными погибают под воздействием нефтепродуктов.

Согласно проведенным исследованиям, помещение оплодотворенной икры в аквариум с незначительной концентрацией нефтепродуктов приводит к гибели большинства мальков, а оставшиеся в живых вырастают уродами. Нефть отрицательно влияет на физиологические процессы, вызывает патологические изменения в органах и тканях, разрушает действие ферментивного аппарата и нервной системы. Она является своего рода наркотиком для морских обитателей. Замечено, что некоторые породы рыб, однажды попав в нефтяную зону, уже не делают попытку оставить эту губительную для них среду. Даже малая концентрация нефтепродуктов приводит к гибели определенной группы морских организмов. Сублетальное воздействие на живые организмы происходит при снижении концентрации нефтяных загрязнителей в морской воде до 0,01—0,1 мг/л. Некоторые компоненты нефти и нефтепродуктов при указанных концентрациях нарушают деятельность хеморецепторных систем морских организмов, что приводит к потере способности поиска пищи. Если вышеотмеченная концентрация сублетальна для взрослых организмов, то для молодых и личинок — летальна. Так как методы определения концентрации нефтепродуктов в настоящее время не так чувствительны (например, дисперсия погрешности измерения 0,04), проблема становится все сложнее. Поступление нефтепродуктов в море в основном определяется эксплуатационными сбросами нефтяного груза с танкеров, с судов при ремонте в доках, у причалов, включая буксировочные операции, отходами топлива с нефтесодержащим балластом из топливных танков, разливом при аварии танкеров и судов...

На загрязнение Черного моря нефтепродуктами, помимо морского транспорта, в определенной мере влияет Батумский нефтеперерабатывающий завод, работающий по довольно ус-



таревшей технологии. По этому вопросу уже принимаются соответствующие меры, и в ближайшем будущем он будет решен.

Но есть еще несколько других вопросов, требующих своевременного урегулирования.

Проблемой Черного моря заняты многие проектные, исследовательские и другие организации, но между ними нарушена координация. Не существует единой программы комплексного научно обоснованного исследования и анализа не только вышеотмеченных моментов, но и решения таких задач, как «тепловое загрязнение», распад сине-зеленых водорослей, загрязнение от радиоактивных отходов и т. д. Поэтому в порядке дня — программы по координации всех этих работ.

Требуется уточнение прибрежных водозащитных санитарных зон (первая и вторая), а также пунктов или морских станций наблюдений за уровнем загрязнения. Соответственно нужно пересмотреть так называемую сокращенную и полную программу наблюдений (номенклатура контролируемых показателей, оптимальное количество проб воды, периодичность и продолжительность наблюдений и т. д.).

Неукоснительно следует выполнять конвенцию, принятую в 1973 году в Лондоне, согласно которой необходимо проверять сертификаты входящих в порт судов, указывающие на то, что их корпус, механизмы и другие устройства соответствуют требованиям, ограждающим море от загрязнения.

По законодательству СССР, лица, виновные в загрязнении моря веществами, влияющими на здоровье людей и живых организмов, подвергаются судебной ответственности.

И, наконец, защита Черного моря для Грузинской ССР — это экологическая проблема номер один.



## „ТЯЖЕЛОЕ БЛАЖЕНСТВО“

Путешествовать можно по-разному. Иные вертят жизнь в руках, как калейдоскоп, бездумно любясь меняющимся узором разноцветных стеклышек. Процеживают, как сквозь сито, пространства... Много ли проку от таких блужданий? Спросите у болотного огонька.

А можно путешествовать совсем по-другому. Как пишет Лариса Фоменко:

**Лучше дважды услышать и слово посеять зерном,  
И вырастить хлеб,  
Чем однажды увидеть и из мира уйти  
Мудрецом равнодушным...**

Эти несколько строк можно было бы поставить эпиграфом к книге. Она невелика по объему, но чрезвычайно насыщена:

**Юность выпадает в острые кристаллы  
В насыщенном растворе воспоминаний.**

Если считать отправной точкой всех наших странствий детство, то естественно искать в каждой книге любого поэта стихи о нем. Есть такой цикл — «Как на тоненький ледок» — и у Ларисы Фоменко. Стихи о послевоенном московском детстве, стихи памяти отца... В них много света, но много и печали, можно сказать, что эти два начала — свет и печаль — также обращены здесь в неразделимый на составные части «насыщенный раствор воспоминаний». Казалось бы, «розовая роща», «белый котенок», «белый платок» няни, «беленький снежок» — краски наивно-чисты, «смыкается круг веселья», и даже сам детский «бред» — «сладок». Но откуда же эта нарастающая тревожная нота: «Вот летят пустые сани, ну, а где

Лариса Фоменко. Фиалки в январе. Стихотворения. Переводы из грузинской поэзии. Тбилиси. «Мерани», 1988.



седок?» И вот — уже необратимая горечь утраты, потери. Я гляжу, как глядят на надгробье, на твое пальто в гардеробе. Пальто отца, одиноко висящее на вешалке — словно тепло без души... Ночью оно совершает страшные в своей обыденности прогулки по дому, по саду. Вот оно

**Потрогало куст  
Колючей проволоки,  
Вернулось назад  
И, кстати,  
Проверило, вправду ли пуст  
Женский халат,  
Растянувшийся в обмороке  
На кровати.**

Не правда ли, необычное видение, резкий ракурс? Кому-то, может быть, даже примерещится здесь мистика... Но вспомните себя в детстве, свои ночные беспричинные страхи. Просто взрослые об этом, как правило, забывают. Все. Кроме поэтов.

Поэтам же — ведомо, что неодушевленных предметов нет, что странствуем не только мы сами — все вокруг в вечном, безостановочном пути.

**А мы уже были  
И мифом, и былью,  
Потом стали пылью  
И этим дождем...**

Только жука усыпив эфиром, можно прищипить к одному постоянному месту, навеки снабдив этикеткой, как паспортом с пропиской. Душа человека текуча и вместе с тем постоянна в своей любви.

**Не там вы меня искали  
И потому не нашли.  
Есть в царственно-гордой Картли  
Клочок земли,  
Где круторогий платан-олень  
Сладко жует, словно мох, мою тень.**

Эти строки приковывают внимание не только смелостью, необычностью сравнения, но и полнотой чувства, глубиной лирического переживания. Кто не прошел через восхищение Грузией, кто — хоть раз — не посвящал ей строк любви? Но далеко не для всех это стало не только пожизненной привязанностью, но и частью жизни. Грузия вошла в состав души Лари-

сы Фоменко, в «насыщенный раствор воспоминаний» — каждая строчка в книге убеждает в этом. Эта книга написана не только о Грузии, но и Грузией — весь художественный строй ее тому доказательство, и именно в этом — неповторимая особенность ее облика.

Обычно о стихах говорят: «зримо» (если, конечно, они того заслуживают, а бывает, что — по инерции — и о тех, что не заслуживают, у критиков ведь есть свои излюбленные штампы...) Этот расхожий уже эпитет не хочется применять к стихам Фоменко, хотя грузинская земля предстает в них так, что ощутимо видишь и «старый каменный дом в Метехи с голубым деревянным балконом», и «тихий шабаш медной посуды», и фрезии в глиняном сосуде в мастерской художника — «каждый синий цветок — мягкая лапка барса»... Но я бы сказала об этом не «зримо», а «любимо». Грузия — страна души в этих стихах. То, что любишь, не надо вспоминать, ибо никогда не забываешь, носишь в самой глубине сердца, даже если приходится на время расстаться, даже если ум твой, по видимости, занят другим... В книгу включены фрагменты из поэмы «Афанасий Никитин». Казалось бы, — другой материал, далеко уводящий от грузинских впечатлений. Но нет: потому, может быть, и родились эти фрагменты, что автора остановила запись в коротком дневнике славного русского путешественника: «Грузинская земля людьми богата». И пусть Афанасий Никитин не был в Грузии, «прошел невдалеке через чужие шахские пенаты», — этой записи оказалось достаточно, чтоб она очнулась вдруг в другой душе «в назначенный урочный час».

**Я говорю, как в первый раз,**

**Не признавая плагиата:**

**«Грузинская земля людьми богата».**

Лариса Фоменко имеет право на этот лирический повтор, право не формальное, выношенное, взлелеянное.

Эта внутренняя обращенность к Грузии постоянно ощущима в творчестве Фоменко. Даже когда стихи вроде бы совсем о другом. Есть в книге интересный цикл «Куда улегели фламинго». Он навеян зарубежными впечатлениями. Лариса Фоменко была там не в качестве туриста — долгое время она работала за рубежом как инженер, преподаватель, специалист по международным связям. Восток открылся ей не внешне-экзотической своей стороной. В «Дневнике учителя» — лирические записи не только о проведенных, но и о полученных уроках. Да-да, арабские дети тоже многому смогли научить свою



преподавательницу, приоткрыть завесу над тайнами Востока...  
Эти дети знают.

041935740  
80320110033

Как горе не делится  
пополам,  
Как делит рыбак  
Свой убогий улов,  
Как правда распалась  
На тысячу слов,  
Как яд добывают  
Из листьев и трав,  
Как ложь собирают  
Из тысячи правд...

Думается, афористичность стихов Ларисы Фоменко, строя «гармония ума и артистизма» во многом — от углубленного, внутреннего постижения Востока. И, конечно же, — Грузии, «целебно-бесценным» воздухом которой она дышала и продолжает дышать, постигая «тяжелое блаженство» творчества.

В раздел «Ветка ткемали» вошли переводы из грузинской поэзии. Здесь и «Элегия» Ильи Чавчавадзе, и «Фиалка» Важа Пшавела. Говорят, с сильным бороться — сильным станешь. Переводы Ларисы Фоменко из грузинской классики подтверждают это. Не обошла своим вниманием она и современную поэзию — ею воссозданы стихи таких разных поэтов, как Миха Квливидзе, Мзия Хетагури, Вано Чхиквадзе, Вахтанг Харчилава. Переводы сделаны бережно, с сохранением индивидуальных особенностей каждого. Я знаю, например, Миха Квливидзе, знаю Мзию Хетагури, неоднократно дружески встречалась с ними — я узнаю их интонации в переводах, вижу их самих...

Книга получилась цельной, обращающей на себя внимание. В ней нет ничего случайного. В этом, надо полагать, есть и заслуга редактора — Н. Соколовской.

Надо надеяться, что вскоре со стихами Ларисы Фоменко сможет познакомиться не только грузинский, но и всесоюзный читатель.

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

КОНТРОЛЬНЫЕ  
ЭКЗЕМПЛЯРЫ

Сдано в набор 24.09.88. Подписано к печати 21.11.88 г. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. УЭ 00936. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97, Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5 300. Заказ 2430. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Рევაზ АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь). Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

---

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

---

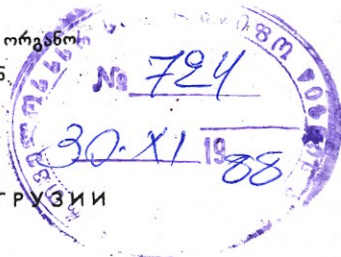
При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

---

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და  
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი  
„ლიტერატურნაია გრუზია“  
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანოს  
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ  
Тбилиси, ул. Ленина, 14.





26-88

88-724

65 к.

ИНДЕКС 76117

16036740  
100333

